Исхак Машбаш



Оплаканных не ждут

ИСХАК МАШБАШ

ОПЛАКАННЫХ НЕ ЖДУТ



РОМАН

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
С АДЫГЕЙСКОГО Б. КАСПАРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“ МОСКВА—1972

Художник
А. П. ЧЕРЕНКОВ

Машбаш И.

М38 Оплаканных не ждут. М., «Сов. Россия», 1972.
208 с.

Героическая работа мужественных чекистов — вот что стоит в центре романа адыгейского писателя. Ярко, художественно убедительно, со знанием дела рисует автор образы наших современников — майора госбезопасности Алибердова и лейтенанта Арбаняна.

Сложно, а подчас и трагически складываются судьбы героев этого романа. Мужество, изобретательность, вера в свои силы, любовь к Родине приводят чекистов к победе на их трудном пути.

7—3—3
инф. — 72

С(Кав)



ПРОЛОГ

В лесу шел дождь. Шел уже второй день, и серые, похожие на туман тучи клубились на склонах гор, цепляясь за скалы и мокрые ветви деревьев. Дождь был мелкий, как водяная пыль, которая не падает на землю, а как будто висит над нею, пропитывая собой воздух и просветы между деревьями.

Чуть прихрамывая, лесник шел по тропинке, и мокрая отяжелевшая трава да перепревшие листья глушили его шаги. Лес замер под густой сеткой дождя, только откуда-то издалека, словно из-под земли доносился чуть слышный рокот набиравшего силы горного ручья, да глухо и неровно стучали где-то вдали топоры лесорубов.

Лес кончился, и открылась поляна, заросшая высокой, поникшей от пропитавшей ее влаги травой. На конце ее поднималась высокая замшелая скала, а за ней был крутой обрыв. На дне его бежал ручей, шум которого и проникал в чащобу леса. А на скале стоял одинокий раскидистый дуб. Могучий и кряжистый, он цепко впился корнями в скалу и казалось, не скала его, а он держит ее над обрывом, не давая рухнуть вниз, в бурлящий горный поток.

Лесник молча стоял и смотрел на дуб. Он уже обошел участок — все было, как всегда, в полном порядке. Можно было спускаться вниз, где на небольшой поляне за

опушкой стоял маленький домик, повесить на гвоздь ружье, снять мокрые сапоги и куртку и вытянуть ноги к огню очага. И отдохнуть, по-настоящему отдохнуть за целый день. Но он все стоял под дождем и смотрел на дуб. Потом вздохнул и пошел к нему через поляну. Положил ладонь на его влажную шершавую кору. Когда бы он ни заканчивал свой обход, он не мог не повернуть к этому одинокому великану. Дуб будил в нем далекие воспоминания детства, когда отец его отца — тоже лесник, водил его, пятилетнего мальчишку, сюда, к этому дубу. И хотя с той поры прошло около полстолетия, ему казалось, что дуб и тогда был точно таким же, что в нем не прибавилось ни одной веточки, ни одного листика. Для человека в эти полстолетия укладывалась почти вся его жизнь, а лесной великан, казалось, их и не заметил. Он был еще совсем не стар — этот дуб, ему было, наверное, что-то около трех сотен лет. То что видел и что слышал этот дуб, не могло, наверное, уместиться в самые полные сказания нартов.

В старости человек всегда склонен к размышлениям — именно их и будил в леснике этот одинокий дуб... Продолжая держать ладонь на мокрой коре, лесник все стоял неподвижно, смотря вверх на замерзшую в мелкой сетке дождя крону ветвей. Вот так, наверное, стояли здесь до него сотни и сотни людей. Где они теперь? Давно уже позабыты их имена, а дуб стоит и стоит и, казалось, не замечает движения времени.

Лесник сел на скалу и спустил вниз ноги. Туман все плотнее окутывал вершины гор, и все настойчивее и громче ревел внизу горный ручей.

Была еще одна причина, заставлявшая лесника сворачивать в конце своего пути после обхода. Возможно, именно эта причина прежде всего и заставила его сегодня сойти с протоптанной тропы. Но он с полной отчетливостью вспоминал о ней только здесь. На той стороне ущелья петляла дорога на перевал. Осенью сорок второго года его рота окопалась на ней, чтобы не дать немцам возможности перейти на ту сторону гор. А вон в том окопе, которого уже не было — на его месте лежал белый, покрытый зеленоватым мхом валун, который он давно еще положил здесь как памятник,— были убиты трое из его родного аула, а сам он тяжело ранен в ногу. Потом плен, лагерь, унижения, издевательства. И, наконец, побег. Тогда тоже были горы, лес и дождь. Только горы

были чужие и очень далекие отсюда. Но дождь именно такой, какой шел и сейчас. Именно он его и спас, этот дождь. Сбил с толку собак, которые было взяли его след.

Человеку иногда хочется остаться наедине со своим прошлым, как бы тяжело оно не было...

Дождь понемногу усиливался. Туман на склонах гор стал еще гуще. Все громче шумел ручей. Только топоры лесорубов стучали все глуше и глуше. Лесник поднял голову и вдруг вздрогнул: прямо над его головой чуть покачивалась обломанная ветка. И перелом был свежий. Настолько свежий, что казалось, сломали ее только сейчас.

Лесник встал. Вчера эта ветвь была совершенно цела. Ведь он каждый день неизменно подходил к дубу. Это было так невероятно, что он даже сразу не поверил своим глазам. Кто мог это сделать? И, главное, для чего? Кому нужно было ломать ветвь дуба, да еще на краю пропасти? Даже больше, чем на краю — прямо над ней. Поступок этот можно было просто принять за озорство, если бы он не был связан с опасностью для жизни. Да и кто это мог сделать здесь, в лесу? Разве только работники лесхоза. В последнее время их стало очень много. Но тот, кто был связан с лесом, навряд ли мог это сделать без всякого смысла. А посторонних в лесу сегодня не было. Во всяком случае, он никого не приметил. А если кто и был, значит, этому человеку надо было таиться от лесника. И не только потому, что сломал ветку.

Потом он подошел к самому краю обрыва и посмотрел вниз.

Сломанная ветвь повисла как раз над темной пустотой пропасти. А если этот человек сорвался вниз?

Лесник нагнулся еще ниже, вглядываясь вниз, где на самом дне бился в камнях горный ручей, и вдруг заметил что-то не совсем обычное на крутом срезе скалы. Еще не успел разобрать что, как услышал позади себя шорох, и быстро обернулся, положив руку на приклад заброшенного за спину ружья. Позади него стоял человек. На нем были кирзовые сапоги, брезентовые брюки и такая же куртка с капюшоном. На короткой щетине его обветренных щек блестели мелкие капельки дождя. Наверное, это был один из рабочих лесхоза, потому что лицо его вдруг показалось леснику знакомым, и это как-то сразу успокоило его. С работниками лесхоза он не один раз встречался в столовой лесохозяйства.

— Добрый день,— сказал лесоруб.— Товарищи послали меня,— он кивнул головой в сторону поляны,— в селение за папиросами. Я всегда ходил по дороге, а мне сказали, что напрямик короче. Я правильно иду?

— Почти,—сказал лесник, всматриваясь в его лицо,— вот там немного правее тропинка.

Рабочий перехватил его взгляд, который он снова обратил на сломанную ветку, и спросил:

— Молния?

Лесник покачал головой.

— Тогда, наверное, медведь.— Рабочий показал пальцем вниз.— Если играл, так это уже в последний раз. С такой высоты и медведь в лепешку... Будьте здоровы.— Он повернулся и пошел в сторону, указанную ему лесником, и сейчас же пропал в зарослях молодого орешника.

Лесник смотрел ему вслед, с каждым мгновением убеждался в том, что уже видел этого человека, но теперь эта убежденность странным образом не успокаивала его, а, напротив, вселяла в него какую-то неясную, все возрастающую тревогу. Он хотел пойти следом, сделал уже шаг в ту сторону, но тут вдруг, вспомнив о чем-то, снова вернулся к обрыву. Что же это было — то, что он заметил недавно, стоя на этом месте? Он нагнулся и посмотрел вниз. Опершись ладонями о край обрыва, нагнулся еще ниже. Теперь он увидел это. И увидел не там, ниже по обрыву, а совсем близко от себя. Так близко, что, если лечь грудью на край обрыва, можно достать пальцами. Это было что-то похожее на белую шелковую веревку. Лесник осторожно протянул к ней свободную руку, и в этот момент на его ноги и спину легла тревожная тяжесть. Она толкнула его тело, словно рухнувший с гор валун. И он даже не сразу понял, что летит вниз в туманную и холодную пустоту ущелья...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Владимир Петрович Берузаимский стоял на дороге у остановки и ждал автобуса. Шел дождь или уже перестал, понять было трудно, просто в воздухе висела мелкая, похожая на туман, водяная пыль, и поднимающиеся по обеим сторонам дороги покрытые лесом горы просматривались, словно сквозь густую марлевую сетку. По лос-

нящемуся от влаги шоссе изредка проносились машины, груженные, по-видимому, зерном, потому что кузова их были затянуты брезентом. Но автобус все не показывался. Берузаимский посмотрел на часы. Еще час, и начнет, пожалуй, темнеть. Кроме него, на остановке никого не было. Только какая-то женщина торопливо спускалась вниз по тропинке, беспокойно поглядывая на шоссе. Там, наверху, откуда она шла, белело несколько домиков.

Снова по самой обочине одна за другой пронеслись две грузовые машины. Берузаимский отошел немного назад и присел на камень, положив рядом свою рабочую сумку.

Тяжело отдуваясь, женщина наконец вышла на дорогу. Черный плащ ее блестел, словно натертый маслом. На полных румяных щеках искрились капельки влаги.

— Давно ждете? — спросила она недовольным голосом, словно Берузаимский был в чем-то перед ней виноват.

— Больше часу,— ответил он и снова посмотрел на часы.

— Господи,— забеспокоилась женщина,— а должен ходить через каждые тридцать минут. Не иначе что-то случилось. Что же нам теперь делать?

— Ждать,— ответил Берузаимский,— может, он скат меняет. Может, у него просто мотор забарахлил...

— А если что похуже? Куда же это я тогда в темень. Вам в райцентр? — женщина вытерла мокрое лицо краями косынки.— Туда вас каждый довезет. А мне — не доезжая километров пять, направо.

— Хутор Рамбесный? — спросил Берузаимский.

— Вы его знаете? — оживилась женщина.— Так я в первом доме у колодца живу.

— Никогда не бывал,— сказал Берузаимский,— живу рядом, а никогда не бывал. Все как-то недосуг. Работа...

— Вы в лесхозе? Что у вас там своей машины нет?

— Есть. Тоже что-то случилось. Не хотелось ждать. Скорее бы лечь, за день так намаешься.

— И не говорите,— охотно поддержала женщина,— и все это возраст. Лет тридцать назад и мне все было нипочем.

— Это когда вы в первый класс ходили? — спросил он.

— Ну что вы.— И без того розовые щеки женщины

зарделись еще больше.— Вы такое скажете. Внуков уже жду. Потому к дочке и ездила.

— Наверное, там, где вы живете, воздух особенный,— засмеялся Берузаимский,— я вот вам и сорока лет не дал бы.

— Да будет вам,— с явным удовольствием сказала женщина. — А воздух у нас действительно хороший. Приезжайте как-нибудь, сами увидите.

— Так уж там и хорошо? — поддразнил ее он.

— А почему плохо? — Кажется, она не на штуку обиделась.— Горы, лес, река...

— И кто же там живет? — поинтересовался Берузаимский.— Одни колхозники?

— Почему это.— Голос женщины звучал так же обидчиво.— Врачи у нас, например, живут — и такой, что людей лечит, и ветеринарный. Учитель Касей Касимов — не слышали? Его не только в Рамбесном, его весь мир знает.

— Вот как,— удивился Берузаимский.— И чем же это он так знаменит?

— А вы побывайте у нас и узнаете. Радио он занимается. Переговоры ведет на иностранных языках со всем светом. Мне почтальон, наш Аскер, говорил — открытки ему откуда только не идут. Из Африки, из Америки.

— Ага,— сказал Берузаимский,— значит, он коротковолновик-любитель. Ну теперь таких, как ваш Касимов, много, и не только на вашем хуторе.

— Много, да не очень,— снова как будто обиделась женщина.— На соседских хуторах нет. Да и у вас в райцентре не сыщешь. Вот только на птицеферме брат Касимова живет. Так тот тоже этим же самым радио увлекается, но только с нашим Касеем ему не сравниться. Говорю вам, его весь мир знает.

— Ну ладно, ладно,— примирительно сказал Берузаимский,— вы меня убедили — лучшего хутора, чем ваш, не найти в горах. Я почему расспрашиваю, покой ищу. У нас в райцентре слишком стало шумно. Домик я свой почти продал. Хотел бы подыскать где-нибудь в местечке потише. У вас там ничего подходящего не продается?

Женщина задумалась.

— А вам большой дом нужен?

— Зачем же большой,— засмеялся он,— две комнаты вполне хватит. Вся моя семья — это я один и есть.

— Один? — женщина посмотрела на него теперь уже

с определенным интересом.— Некогда было и жизнь устроить? И сейчас времени нет? — И так как Берузаимский не ответил, сказала другим тоном.— Все можно найти и купить — были бы деньги. У нас сейчас, кажется, ничего такого нет, а вот в Навесном — это сразу по ту сторону горы, продается. Небольшой домик около самой реки. Это вам как раз подойдет.

— Спасибо,— Берузаимский снова посмотрел на часы.— С автобусом, наверное, случилось что-то серьезное.

— И не говорите,—снова забеспокоилась женщина,— надо будет машину остановить. Может, довезут.

Берузаимский встал и вышел на асфальт, завидев показавшийся из-за поворота грузовик, но прежде чем успел поднять руку, идущая на полном ходу машина вдруг резко затормозила и остановилась на обочине дороги прямо около них. Из окна кабины высунулось круглое, красноватое лицо водителя, со спутанными мокрыми волосами, чуть прикрытыми сдвинутой на самый затылок кепчонкой.

— Куда? В райцентр?— спросил он простуженным голосом.

Женщина быстро оттерла плечом Берузаимского и вышла вперед.

— На хутор, в Рамбесный. Это совсем недалеко,— быстро сказала она.— Три километра по шоссе.

— Знаю,— проворчал шофер,— только мне туда не надо.— Он посмотрел на Берузаимского.— А вам в райцентр? Тогда садитесь.

Шофер открыл дверцу кабины.

— А как же я? Как же так... Женщину, значит, оставишь на дороге. Значит, мне здесь одной, на ночь глядя? Как же так?

Шофер хотел было закрыть дверцу, но потом посмотрел на женщину и спросил:

— А дрова возьмешь? Вон те, которые в кузове лежат. По дешевке отдам. Не пожалеешь. И всю зиму в тепле будешь.

— Дрова?— заинтересованно переспросила женщина.— А ну покажи, какие они у тебя, дрова?

— Возьмешь, до самого дома довезу,— шофер спрыгнул на дорогу.— Хочешь, во двор сброшу. Хочешь, к самой печке...

Берузаимский слышал, как они вполголоса говорили

еще о чем-то. Наверное, торговались. Наконец и шофер, и женщина вернулись. Оба были, по-видимому, довольны. Женщина забралась на сиденье и уселась, плотно прижав Берузаимского своими полными литыми бедрами к дверце кабины. С этой минуты она перестала обращать на него внимание, только о чем-то вполголоса переговаривалась с шофером, который сразу же дал полный газ. Они мчались по мокрому шоссе с такой быстротой, что Берузаимский стал не на шутку опасаться, как бы на повороте машину не занесло. Но все обошлось благополучно. Они свернули с асфальта и по крутой, присыпанной щебенкой дороге стали подниматься в гору. Вскоре показались первые домики хутора, и сразу же справа — сложенный из камней колодец.

— Приехали,— сказала женщина.— Вот сюда, направо.

Берузаимский вышел из кабины и помог ей вылезти. Она открыла калитку и вместе с шофером завозилась за воротами.

Берузаимский осмотрелся. Хуторок, как видно, был маленький, не больше десяти-пятнадцати домиков, но расположился он очень живописно — в седловине между горами, густо заросшими лесом. Дорога, проходя через него, шла дальше вверх, наверное к хутору Навесному, о котором только что говорила ему хозяйка. В этот непоздний еще час Рамбесный казался совершенно пустынным. Только из соседнего двора, из-за штакета, показалась голова в платке, женщина бегло осмотрела машину, потом, заметив хозяйку, крикнула, что в ее отсутствие никто не приходил. Из этого Берузаимский сделал вывод, что попутчица его жила в доме одна или, по крайней мере, в настоящее время с ней никого не было.

Хуторок сразу понравился Берузаимскому. Понравился ему и домик, к которому они подъехали. Он был небольшой, аккуратный, покрытый новеньким шифером. И в маленьком дворике было опрятно и чисто, словно в только что прибранной комнате.

Машина вошла во двор, и втроем они быстро выгрузили дрова. Быстрее всех работал шофер, и, хотя вокруг никого не было, он все время с некоторым беспокойством оглядывался по сторонам. Берузаимский и раньше догадывался, что дрова эти добыты им отнюдь не законным путем, а теперь еще больше в этом уверился.

Но ничего не сказал. Такие люди, как этот шофер, ему нравились — как правило, они были решительны и энергичны. И не останавливались перед тем, что задумали. А это качество Берузаимский больше всего ценил в людях, с которыми ему приходилось иметь дело. Он заметил, что новенький скат, который только что лежал в кузове под дровами, очутился теперь вместе с ними в сарае. Шофер незаметно отправил его туда, предварительно пошептавшись о чем-то с хозяйкой.

Наконец дрова были сложены, и хозяйка с шофером отошли в сторону. Она сунула ему деньги, тот быстро пересчитал их и с удовольствием хмыкнул. Спрятал в карман и весело сказал:

— А вообще-то за разгрузку с вас причитается. Поллитра бы не мешало — если не мне, то гражданину вот.

— Пол-литра не знаю, а с праздников кое-что осталось,— сказала женщина.— Пожалуйста, проходите в дом.

Берузаимский покачал головой: ехать с пьяным шофером ему совсем не улыбалось.

— Спасибо, уже поздно. Да и пить за рулем не полагается.

— Ну, по сто граммов можно было бы,— разочарованно вздохнул шофер.— Ну да ладно, отложим. До следующего раза. Бывай здорова, хозяйка, спи в тепле и вспоминай нас добром. Нужно будет, еще подкинем.

Он говорил так, словно Берузаимский стал его компаньоном.

Когда они садились в машину, начало заметно темнеть. Снова посыпал дождь. Теперь он дробно застучал по кабине. Берузаимский, поставив сапог на подножку, спросил:

— А где живет этот ваш известный всему миру Касей? Здесь или в Навесном?

— Почему — в Навесном? — снова как будто обиделась хозяйка.— Я же сказала: у нас. Во-он его дом, с большой антенной. Третий от меня.

Шофер завел мотор.

— Ладно, хозяйка, пол-литра за тобой!.. Не забудь, как-нибудь заедем!..

Пока они спускались вниз к шоссе, шофер не произнес ни слова. Только напряженно всматривался в уходящую вниз неровную дорогу. Когда до шоссе осталось совсем немного, машину вдруг начало как-то странно кре-

нить на левый бок. Водитель резко затормозил и, открыв дверцу, спрыгнул на землю.

Берузаимский слышал, как он стучал носком ботинка по скатам. Послышалась приглушенная ругань.

— Что случилось? — спросил Берузаимский, высовываясь из кабины.

— Связался, дурак, на свою голову,— пробурчал шофер.— За тридцаткой погнался. Будь она трижды проклята. Будем теперь здесь в темноте валандаться.

— Да что все-таки случилось? — еще раз спросил Берузаимский.

— Вы что, на машинах никогда не ездили? — озлобленно ответил шофер.— Скат сел, вот что...

— Гвоздь? — спросил Берузаимский.

— Черт его знает, в темноте не разберешь,— он подошел к кабине и мрачно посмотрел на растворяющуюся в темноте громаду горы, на узкую полосу ведущей вверх дороги.— Менять надо. А запасной, как назло, там оставил.

Берузаимский хотел было спросить, зачем же он это сделал, но не спросил. Шофер сплюнул с досады и вдруг решительно пошел вверх по дороге.

— Вы за скатом? — крикнул ему вслед Берузаимский.

— А то куда же! — донеслось из темноты.— Вы тут смотрите, чтобы какой-нибудь шальняга сдуру не врезался. А то мы здесь надолго заночуем.

Шаги его, удаляясь, все глуше и глуше стучали по дороге. Берузаимский спрыгнул на землю и захлопнул дверцу кабины. Шофер уже исчез в темноте. Дождь усилился. Темные мокрые ветви деревьев свисали над кабиной. На дороге, ведущей к хутору, было тихо. Только внизу на шоссе пронеслась, дребезжа бортами, порожняя машина. Берузаимский еще раз прислушался. Потом нагнулся и пошарил рукой по осевшему заднему скату. Найдя то, что искал, он с трудом извлек из резины острый трехгранный гвоздь с плоской широкой шляпкой. Берузаимский положил его в карман и снова пошел к кабине. Посмотрел на часы. Стрелки их показывали девять часов семнадцать минут. Берузаимский еще раз прислушался. Наверху было совсем тихо.

Он открыл дверцу кабины, сел на сиденье и, придвинув к себе брезентовую сумку, открыл ее.

В ней лежала деревянная коробка, в которой обычно держат столярный инструмент. Он открыл крышку.

Инструменты лежали, аккуратно пригнанные в пазы, тускло поблескивали в полумраке синеватым металлом. Берузаимский привычным движением надавил по выпуклости сбоку. Бесшумно открылась задняя стенка. Он еще раз внимательно прислушался. Вокруг было тихо. Только чуть слышно стучали по кабине капли дождя. Он положил ящичек на колени. Щелкнул переключатель. И сразу же вспыхнул зеленый глазок индикатора.

...Только минут через двадцать сверху послышались шаги. Спускаться вниз по мокрой скользкой дороге, да еще придерживая перед собой катящийся скат, было куда труднее, чем поднимать его в гору, и шофер, начав чертыхаться, наверное, уже с первого своего шага, ругался теперь так громко, что Берузаимский сразу услышал внизу его голос.

Еще минут двадцать спустя скат был сменен. Шофер все это время был так озлоблен происшедшим, что, кроме проклятий, которые он время от времени изрекал, не сказал Берузаимскому ни слова, хотя тот все это время, чем мог, помогал ему. Лицо его продолжало оставаться мрачным до тех пор, пока они не выехали на дорогу. Но как только под колесами мягко зашуршал асфальт, водитель дал полный газ и что-то весело засвистел, покачивая головой из стороны в сторону. Берузаимского все время удивляло, почему он не побоялся совершить сделку с явно ворованными дровами в его присутствии. Ведь он же не имел ни малейшего понятия, кто находится рядом с ним в машине. Но это обстоятельство, кажется, и сейчас нимало не беспокоило водителя. Или этот парень был очень смел или просто глуп...

Продолжая насвистывать, шофер вел машину на полной скорости, не обращая никакого внимания на сидевшего рядом с ним пассажира, словно вообще забыв о его присутствии. Скоро они догнали грузовик. В кузове его перекатывалась из стороны в сторону пустая бочка. Шофер пошел на обгон, засигналил. Но водитель впереди и не думал уступать дорогу. Сигнал раздирал тишину гор, машины шли словно привязанные почти вплотную друг за другом, но идущий впереди грузовик продолжал идти почти по самой левой бровке. Шофер выругался и сплюнул.

— Теперь посмотрим, подлюга,— пробормотал он и еще раз сплюнул.

В этот момент впереди показался встречный автобус.

Шофер весь сжался, вцепился в руль, словно слился с ним в одно целое и, когда автобус со свистом пролетел мимо, так стремительно бросил свою машину на открывавшуюся часть дороги, что у Берузаимского больно дернулась голова. Обойдя грузовик, он резко сбавил скорость и повел машину по самой середине дороги, сам не обращая теперь внимания на надрывные сигналы сзади. Он все сбавлял и сбавлял скорость, и чем надрывнее и громче становились сигналы оставшейся за ним машины, тем веселее делалось его круглое красноватое лицо. Он высовывался в окно и что-то с явным удовольствием кричал в него. Что именно, Берузаимский не слышал, звуки голоса относил ветер. Но, несомненно, это было что-то обидное и оскорбительное. Несколько раз он делал вид, что наконец уступает дорогу, но в самый последний момент снова бросал машину на левую сторону шоссе. И, только натешась вволю, дал полный газ и сразу оторвался от преследователя. Лицо его выражало теперь полное удовлетворение.

Все это время, несмотря на то что его раздражало поведение шофера, Берузаимский не сказал ни слова. Этот парень заинтересовал его. По опыту он знал, что именно в такие вот минуты человек раскрывается с полной силой. Годы совместной жизни могут дать иногда меньше, чем один вот такой час. Характер шофера был для него сейчас почти абсолютно ясен. Когда они уже после наступления темноты въехали на главную улицу райцентра, он сказал шутливо:

— Ну, что ж, сделку совершили, столько вместе проехали, а кого поблагодарить, я так и не знаю.

— А это и не надо,— вдруг посерьезнев, сказал шофер,— встретились и разъехались. Такая наша шоферская жизнь.

— Ну как хотите, не настаиваю.— Берузаимский полез в карман, чтобы расплатиться.

— А может, не надо? — нерешительно сказал шофер.— Все-таки помогали.

— Ну, как хочешь,— протянув деньги, Берузаимский задержал руку.— Как хочешь, не насилую.

— Да нет уж, давайте,— шофер торопливо выбросил ладонь.— За работу же сами отказались получить. Я-то тут ни при чем. Ну, бывайте здоровы!

Он захлопнул дверцу и тронулся с места. Берузаимский, усмехнувшись, посмотрел ему вслед. Парень был

жаден и все-таки больше неумен, чем смел. Не захотел сказать свое имя? Решил сохранить инкогнито? Забыл, что на машине имеется номер. ЗИС в этот момент поворачивал за угол и под зажегшимися красными огоньками, под его кузовом ясно и отчетливо вспыхнули четыре цифры — «24-48».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Маленькую Саиду нужно было вести в школу. Аминет была в институте. Сегодня у нее был очень важный день — она готовилась к защите диссертации. А мать Лаукана приболела. У нее с самого утра был очень неважный вид, и, хоть она храбрилась, стараясь показать, что все в порядке, Лаукана трудно было обмануть. Он достаточно хорошо знал свою мать, она всегда старалась сделать вид, что с ней ничего не происходило, в каком бы состоянии она не была. Он знал, что у нее неважно и с давлением, и с печенью, но дома она совершенно не желала говорить об этом. Конечно, она и сейчас отведет Саиду в школу. И никто не подумает, чего это ей будет стоить. Только не Лаукан. Его она не обманет.

Саида, стоя у зеркала, тщательно заплетала косички. Это она в свои семь лет умела делать очень неплохо и нескрываемо этим гордилась. А бабушка ее сидела в кресле с бледным, но, как обычно, веселым лицом и ждала, пока та кончит свою работу. Нет, конечно. она ни за что не согласится, чтобы с Саидой шел Лаукан.

Майор Лаукан Карабетов надел пиджак и подошел к матери.

— Ложись, нан,— тихо сказал он.— Саиду отведу я.

— Ты? — Мать подняла на него глаза.— Но ведь тебе на работу. Ты же опоздаешь. И потом с Саидой всегда ходила я. Почему я не могу сделать это и сегодня?

«Потому что ты очень плохо себя чувствуешь»,— хотел сказать Лаукан, но не сказал. Это было бы бесполезно. Мать бы все равно доказала бы ему, что это совсем не так и, чтобы окончательно успокоить его, непременно пошла бы с Саидой. Поэтому он сказал:

— Сегодня мне не надо в комитет. У меня дела. И как раз рядом со школой.

Саида, закончив плести косички, захлопала в ладоши.

— Ты пойдешь со мной, папа? А то у меня уже спрашивали, какой ты. Всех уже видели, только тебя одного нет.

Лаукан невесело усмехнулся. Это, пожалуй, было справедливо не только для музыкальной школы, куда надо было вести сейчас Саиду, для преподавателей старшей дочери Суры, которая уже училась в общеобразовательной школе, он был тоже лицом неизвестным. А Сура в этом году пошла во второй класс. Работа, конечно, есть работа, но урвать часик для детей он вполне мог бы. Вот сейчас же он сумеет это сделать. Надо просто позвонить своим и объяснить, в чем дело. Сказать, что он немного задержится. Но если сделает это сейчас в присутствии матери, она тут же поймет, что никуда ему идти было не надо и что все это он делает ради нее. И тогда весь разговор начнется сначала. А ему совсем этого не хотелось.

Лаукан поправил галстук и посмотрел на мать. Да, лицо ее было бледнее обычного. И эти мешки под глазами. Надо непременно отправить ее к врачу. Но это лучше всего сумеет сделать жена. Женщины всегда легче находят в таких делах между собой общий язык.

Саида уже была готова. Она стояла у дверей в светлом накрахмаленном платьице и с нетерпением смотрела на отца.

— Только идите осторожнее,— сказала мать таким тоном, словно он тоже был еще совсем маленький.

Лаукан не успел ответить — зазвонил телефон. Он взял трубку. Говорил дежурный.

— Вы еще не вышли? — спросил он.— Сейчас за вами придет машина.

— Что-нибудь случилось? — спросил Лаукан.

— Сейчас за вами придет машина,— повторил голос на той стороне провода и добавил: — Через четыре минуты.

Щелкнул рычажок, трубку положили.

Мать вопросительно смотрела на него. Она сразу поняла, в чем дело. Только Саида продолжала нетерпеливо переступать с ноги на ногу, раскачивая из стороны в сторону папку с нотами.

— Ну идем же, папа,— чуть капризно сказала она,— я же могу опоздать.

— У тебя другие дела,— сказала мать и хотела встать,— я пойду с Саидой,

— Нет,— Лаукан быстро подошел к ней и положил руку на плечо,— нет, нан, сейчас придет машина, и я довезу ее до школы.

Саида захлопала в ладоши.

— Я поеду на машине, я поеду на машине,— почти пропела она,— вместе с папой, вместе с папой.— Она подбежала к окну и приподнялась на цыпочки.— А где же она? Когда она придет?

— Идем,— сказал Лаукан,— она уже вышла.— Он взял ее за руку.— Мы ушли, нан. Пойди ляг, у тебя очень усталый вид. Я позвоню Аминет, на обратном пути она зайдет за Саидой.

К его удивлению, мать ничего не возразила на эти слова. И это еще больше встревожило его. Значит, она действительно чувствовала себя хуже обычного. Мать никогда не спрашивала его, когда он вернется. Она отлично знала, что если он мог сказать об этом, то говорил обычно сам. Аминет, та только недавно поняла эту истину.

Серая «Волга» мягко подкатила к подъезду почти в ту же минуту, когда Лаукан и Саида вышли из него. На заднем сиденье Лаукан еще издали разглядел лейтенанта Арбаняна.

— А,— сказал он,— Саида. Ты тоже с нами? На работу?

— Нет,— солидно ответила Саида, усаживаясь рядом с шофером,— я в школу. В музыкальную. Я учусь музыке.

— Ах, вот как,— притворно удивился лейтенант.— Ты уже учишься музыке? Честное слово, сказали бы, не поверил.

— Почему? — спросила Саида, не спуская глаз с ветрового стекла.— У нас учатся многие. И девочки, и мальчики.

— Что случилось? — тихо спросил Лаукан у Арбаняна.— Что-нибудь срочное?

— Не очень,— так же тихо ответил Арбанян.— Разрешите, довезем Саиду, и тогда...

Лаукан кивнул головой. Тем более что машина уже сворачивала на улицу, где находилась школа.

— Остановите здесь,— сказал он шоферу, когда до школы оставалось еще два дома.

— Это не школа,— запротестовала Саида,— школа вон там! Дальше.

— Но тебе надо немного пройти и ногами,— сказал Лаукан, ему совсем не хотелось, чтобы кто-то видел, как он привозит свою дочь на занятия. Да и девочку совсем не стоило к этому приучать.

Саида выскочила из дверцы и помахала рукой.

— Привет учителю,— крикнул ей вслед Арбанян.

— А у меня и не учитель,— строго сказала Саида, приостановившись,— а учительница. Ираида Ивановна.

— Ну, тогда передавай привет Ираиде Ивановне,— улыбнулся Арбанян.— Только передай обязательно!

— Передам,— крикнула Саида и вприпрыжку побежала к парадному. Взбежав на ступеньки, она еще раз помахала им рукой и скрылась.

Машина свернула за угол и набрала скорость.

— Так что случилось? — снова спросил Лаукан.— Что-нибудь новое?

— Нет,— сказал Арбанян,— старое. В лесу Джамбот обнаружил какую-то вещь. Около старого дуба. Там, где погиб прежний лесник. Иннокентий Терентьевич считает, что нам надо лично осмотреть место происшествия.

— Иннокентий Терентьевич? — переспросил Лаукан.— Разве он не уехал?

— Он звонил с вокзала.— Арбанян откинулся на спинку сиденья.— Перед самым отходом поезда.

— Значит, полковник узнал о находке Джамбота только на вокзале? — с некоторым удивлением спросил Лаукан.— Каким же образом?

— Вот об этом он мне не сказал, товарищ майор,— чуть официально ответил Арбанян.— Кажется, Джамбот сообщил это через своего сына. Но, я думаю, мы узнаем об этом у Джамбота.

Машина уже выходила на улицу, которая вела к проходящей мимо города в горы трассе. Лаукан замолчал. Он знал, что, если бы его подчиненный лейтенант Арбанян знал больше, ему ни о чем не нужно было бы его расспрашивать. Значит, то, что было известно лейтенанту, было бы только повторением давно известного для майора Лаукана Карабетова.

Карабетов и Арбанян работали вместе уже больше года. Знавшие их были немного удивлены тем, что они быстро и легко сошлись и сработались. Люди они совсем разные. Майор внешне очень необщительный и замкнутый, Арбанян напротив — разговорчивый и всегда веселый. Когда работа была особенно напряженной, Карабе-

тов мог просидеть целый день, куря папиросу за папиросой, не произнося ни единого слова. Тогда молчал и Арбанян. И молчание в этом случае, как правило, нарушал Лаукан. Он смотрел в опустевшую пачку папирос, бросал ее на угол стола и произносил всегда одни и те же слова: «Ну, почему бы не захватить вторую пачку». Но это были только слова. Вторую пачку в один и тот же день он никогда не открывал. Как уже заметил Арбанян, этого правила майор ни разу не нарушил за время их совместной работы. Он умел распределять ее равно на все рабочее время, и последняя папироса почти точно могла означать, что их трудовой день подошел к концу.

Сейчас майор думал о том, что это была за находка, сделанная новым лесником, совсем недавно заменившим на этом посту старого, погибшего, как все считали, вследствие своей неосторожности. Новый лесник еще только осваивался, и многие считали его новичком в этом деле. Но Карабетов знал, что это не совсем так. С Джабаевым они родились в одном ауле, только лесник был лет на двадцать старше. Карабетов закончил школу и поступил в институт, когда Джабаев после войны вернулся домой из Франции, где сражался вместе с французскими партизанами. Потом кто-то стал писать на него анонимные письма, обвиняя его чуть ли не в предательстве, и уже перешедшему работать тогда в органы безопасности Карабетову долго пришлось заниматься их проверкой. Выдвинутые против Джабаева обвинения абсолютно ничем не подтверждались. Был он человек спокойный, уравновешенный и очень приметный. Лицо его было обожжено во время боя, он горел в танке, но чудом остался жив и теперь носил пышную бороду, которая очень шла к его бледному продолговатому лицу. Много раз майор пытался выяснить, кто, по его мнению, мог писать на него анонимные письма, кого он может считать своим врагом? Но всякий раз Джабаев только недоуменно пожимал плечами.

В конце концов Карабетов сам нашел анонимщика. Им оказался парень из их же аула, имевший виды на невесту Джабаева. Неожиданный приезд солдата, которого почти все считали погибшим, нарушил все планы этого неудачного искателя, и он не нашел ничего лучшего, как попытаться запрятать соперника куда подальше. Одновременно Карабетов узнал и историю невесты Джабаева Мерем, историю любви и верности, которую не могли

нарушить ни слухи о гибели любимого, ни его долгое отсутствие. И Карабетов тогда подумал о том, как несправедлива жизнь — о выдуманных Ромео и Джульетте знает весь мир, а вот совершенно реальная, переборовшая все преграды любовь остается достоянием разве только близких родственников.

Карабетов вызвал к себе любителя анонимных писем и имел с ним длинный разговор. Парень был настолько испуган, что признался во всем полностью. Надо думать, что после разговора с Карабетовым у него навсегда пропала охота освобождать подобным способом дорогу к девичьим сердцам. Во всяком случае, больше ни одного письма с обвинениями в адрес Джабаева не было.

Джабаев давно женился на той, которая его так долго и верно ждала, имел двух детей, работал в лесхозе, и, когда Карабетов узнал о том, что именно он принял лесной участок после гибели старого лесника, это его нисколько не удивило. Джабаев самозабвенно любил горы и лес, в которых вырос и с которыми был дружен чуть ли не с первых дней своей жизни. В редкие свободные дни Карабетов и сам любил брать ружье и уходить в горы. Ружье он брал просто так, на всякий случай, если вдруг придется случайно встретиться на узкой горной тропе с не в меру рассерженным медведем, но такого случая пока не было, и майор, как правило, возвращался домой с нетронутыми зарядами. Жена не раз посмеивалась над его неудачливостью, но он на это не обижался. Никакая стрельба, никакая подбитая дичь не смогли бы заменить ему величественной красоты леса, полного загадочных шорохов и звуков. Прогулка по лесу начисто снимала недельную усталость и делала его свежим и бодрым. После таких прогулок Карабетов не один раз заходил в домик Джабаева, стоящий чуть обособленно от других в поселке лесхоза, подолгу беседовал со своим старым знакомым — опять-таки о лесе, о его жизни, о его обитателях. Но вот с той поры, как Джабаев принял пост лесника, Карабетов не виделся с ним ни разу. В горах после этого он был только однажды, но домик, занимаемый прежним лесником, в который теперь перебрался Джабаев со своей семьей, находился уже не на дороге, ведущей в лес, а значительно дальше, в глубине его, на горе за неглубокой балкой. А в тот раз у майора просто не было времени заглянуть к Джабаеву и поздравить его с новым назначением. Он собирался непременно

сделать это в следующий выходной, но вот теперь придется им увидеться уже по службе.

Карабетову уже давно было известно о гибели старого лесника. Он читал отчет участкового уполномоченного милиции и общее заключение по этому делу. Оно сводилось к тому, что, по всей вероятности, виною всему явился несчастный случай. Проще говоря — неосторожность. Сломанная ветвь на старом дубе, который, как все это знали, был предметом особой заботы лесника, по-видимому, привлекла его внимание. Возможно, он хотел разобраться, как она была сломана. Возможно, хотел попытаться выяснить, нельзя ли скрепить перелом, и для этого поднялся вверх по стволу. Леснику было уже около шестидесяти, в этот день шел дождь, и кора дерева была мокрая. Мокрыми и скользкими от налипшей грязи были и его сапоги. Стоило ноге соскользнуть, и удержаться на мокром стволе не удалось бы и более молодому да крепкому человеку. Ну, а дальше все понятно. Внизу — пропасть в несколько десятков метров. И изуродованное тело лесника нашли уже ниже по реке, выброшенное волнами на камни. Но упал он в пропасть именно с того места, где рос дуб. Следы этого падения участковый обнаружил сразу.

Внешне все выглядело довольно правдоподобно, и только единственная мысль вызвала некоторую тень сомнения у Карабетова: стал бы подобным образом в подобных обстоятельствах вести себя опытный, умудренный жизнью человек, до тонкостей знакомый с лесом?

Однако никаких других соображений по поводу гибели лесника пока не было. Врагов, как все единодушно заявляли, он не имел, жил в полном одиночестве, так как все его близкие погибли во время войны да в оккупации. Правда, иногда ему приходилось задерживать любителей государственного добра — чаще всего шоферов, забросивших в кузов своей машины кое-что из приготовленного к отправке леса, но никогда ни на кого не составил ни одного акта, никого не оштрафовал, никого не привлек к ответственности. Подобная мягкость иногда вызывала даже справедливые нарекания.

Около дуба не было обнаружено никаких следов. Конечно, тут мог сыграть свою роль дождь и то обстоятельство, что следы начали искать только на второй день после трагического происшествия, но факт оставался фактом — ничего не говорило о том, что здесь

было преднамеренное убийство. Да и с какой целью оно могло быть совершено?

И вот вдруг какая-то неожиданная находка. И по-видимому, немаловажная, если она заставила Джабаева сообщить в управление и если прямой начальник Карабетова полковник Смирнов отдал распоряжение ознакомиться с этой находкой, да еще в самую последнюю минуту перед своим отъездом.

Машина шла по шоссе, далеко оставив позади последние домики города. Промелькнули ажурные переплетения нового моста, вознесшегося над рекой, и слева встали покрытые лесом горы. А справа внизу пенилась, пробиваясь сквозь камни, река. Машина могла довезти их только до проселочной дороги, ведущей в лесхоз. Домик лесника находился значительно левее и дальше. Туда вели только пешеходные тропинки. Карабетов обернулся к молча сидевшему все это время Арбаняну.

— Мы вот так пойдем в лес? — он показал на их одежду.

— А почему бы и нет? — засмеялся Арбанян.— Почему медведям не ознакомиться хоть раз в жизни с европейской модой? Почему не узнать, что такое галстук и как он завязывается? — И, продолжая улыбаться, закончил, кивнув головой назад в сторону багажника.— Там все лежит, товарищ майор. Останетесь довольны. Сам выбирал. А я вот все думаю о том, с какой стати старому человеку на дерево влезть понадобилось. Решил детство вспомнить, что ли?

— О том, что влез на дерево, никому не известно. Поскользнуться можно и стоя около него. А может, лесник просто уронил какую-то вещь, уронил стоя под самым дубом? Ветер мог отнести ее к самому обрыву. Ну, а дальше уже все понятно...

— И это возможно,— сказал Арбанян,— и другое. Еще многое другое...

— А если многое, значит — ничего... Хорошо, если Джабаева мы найдем сразу.

— Разве он не знает о нашем приезде?

— Иннокентий Терентьевич сказал, что он уже садился в машину, когда сын Джабаева подошел к управлению. Иннокентий Терентьевич его узнал, подозвал к себе. А вот что было в записке — не знаю.

— Если он сразу позвонил — значит, важное что-то.

Машина свернула на проселок, стало трясти. Дорога круто пошла в гору. Над головой, почти сплошь закрывая небо, смыкались густые ветви деревьев.

— Сверните сюда,— Карабетов показал шоферу на открывшуюся слева небольшую поляну.

Арбанян вынул из багажника две пары кирзовых сапог, брезентовые брюки и такие же куртки. Все оказалось почти впору — у Арбаняна был точный глаз.

Минут через пять, переодевшись, они снова вышли на дорогу и, пройдя сотни две метров, свернули на неширокую пешеходную тропу. Эта тропа так и называлась «тропой лесника». То замысловато петляя, то опускаясь на дно лощины, то взбираясь круто вверх, она шла прямо к домику лесника. Карабетову эта тропинка была довольно хорошо знакома по лесным прогулкам.

Несмотря на то что шел уже одиннадцатый час, в лесу стоял полумрак, здесь все еще веяло утренней прохладой. И как-то не верилось, что всего полчаса назад они были в шумном городе. Когда до дома лесника оставалось примерно столько, сколько они прошли, Карабетова кто-то окликнул. Они посмотрели вверх и в просвете ветвей увидели на склоне лохматую голову Джабаева.

— Там направо тропинка! — крикнул он.— Сворачивайте и поднимайтесь вверх.

Джабаев стоял, опершись рукой о ствол дерева, другой придерживая ремень перекинутой на плечо старенькой берданки. На заросшем редкой рыжеватой бородой лице играли пробивающиеся сквозь листву блики солнца. Лесник смотрел прищуря левый глаз, и можно было подумать, что на лице его играла усмешка. Однако и Карабетов и Арбанян знали, что это было следствием все того же ожога, изуродовавшего левую сторону лица.

— Так что там у тебя случилось, Джамбот? — спросил Карабетов, подходя и протягивая ему руку.

Вместо ответа лесник махнул рукой вперед, словно приглашая их в глубину леса, и сам, молча повернувшись, пошел вперед по едва заметной тропинке.

— Не знаю,— сказал он чуть позже, все так же не оборачиваясь.— Может, и зря тревогу поднял? Да только не верится мне, что со старым Мирзабечем такое могло случиться. Как хотите — не верится!

— Не верится? — Карабетов приостановился, но лесник этого не заметил.— А участковый об этом знал?

В том, что в обстоятельствах гибели старого лесника сомневался и Арбанян, и он сам, не было ничего удивительного. Им это полагалось по роду службы. Отсюда для них всегда начинался путь к истине... Но то, что подобные же сомнения пришли в голову человеку, отлично знавшему и обстановку вокруг, и самого погибшего лесника — это уже меняло дело.

Джабаев приостановился, поправляя сползший с плеча ремень карабина, обернулся.

— О чем? — спросил он, глядя на них обоих чуть прищуренным глазом.— О чем, говорите, знал участковый? А, о том, что мне не верится? Да нет. Участковый со мной об этом не говорил. Когда случилось это несчастье, меня вообще здесь не было. Я дочку в город возил.

В самом деле, почему участковый должен был интересоваться мнением Джамбота о происшествии в лесу? Ведь Джамбот был тогда одним из многих рабочих лесхоза, и только. С таким же успехом он мог выяснить мнение каждого из них. Другое дело теперь. Но для участкового происшедшее месяц назад было уже завершенным делом, и у него не было никаких оснований к нему возвращаться. Однако что же заставило Джабаева усомниться в версии гибели лесника? Сделанная им находка? Или что-то другое? Пока лесник не сказал, что это была за находка. И Карабетов пока об этом не спрашивал. Он отлично знал Джамбота, знал, что он скажет все сам тогда, когда об этом будет нужно сказать.

Лесник снова молча шел впереди, раздвигая рукой нависшие над дорогой ветви кустарника. В нескольких шагах позади себя майор слышал шаги Арбаняна. За все время после встречи с лесником он не произнес ни слова. И это обстоятельство удивляло Карабетова больше, чем молчание Джамбота.

Наконец лес стал редеть, и впереди в ярких лучах солнца открылась довольно просторная поляна. На самом краю ее, вцепившись мокрыми корнями в каменистую почву, стоял старый раскидистый дуб. Если бы даже Карабетов не заметил на одном из его отростков свисавшуюся вниз высохшую ветвь, он бы все равно, наверное, безошибочно определил, что это и был именно тот дуб, около которого месяц назад произошло несчастье.

Джамбот шел прямо к дубу. Опершись о его ствол рукой, остановился. Остановились и Карабетов с Арба-

пяном. Вид, открывшийся перед их взором, был удивительно хорош. Внизу за круто обрывавшейся замшелой скалой темнел синеватый провал ущелья, на дне которого глухо шумел горный поток. На противоположной стороне по изумрудной зелени склона петляла коричневатая лента дороги. Она уходила высоко вверх к горным вершинам, над которыми неторопливо плыли льдистые, как будто совсем прозрачные облака.

Чуть в стороне от них за молодым дубняком медленно поднималась в гору большая отара овец. Отсюда она была похожа на белое кучевое облако, неподвижно застывшее на склоне горы. А над ней, над этим облаком, черными точками застыли в небе горные орлы.

Легкий ветерок нес горную прохладу, сыростью тянуло и снизу из ущелья, где все так же глухо и неумолчно шумел горный поток.

Карабетов еще раз заглянул в глубину ущелья и невольно поежился. Да, тот, кто сорвался с этой скалы, не имел ни малейших шансов остаться в живых. Он был уже мертв, как только его ноги и руки потеряли опору — дальше зацепиться было уже не за что. Разве только за пробивавшиеся сквозь расщелины корни дуба. Но удержаться за них мог только, пожалуй, тренированный гимнаст, да и то не более нескольких минут.

Пока Карабетов и Арбанян рассматривали скалу, на которой стоял дуб, Джамбот продолжал молчать, словно ожидая, когда его начнут спрашивать. Наконец майор приподнял голову и вопросительно посмотрел на него. Джамбот так же молча показал рукой вниз.

— Там,— коротко сказал он.— На нижнем отростке корня. Надо лечь на камень. Так не увидишь.

Карабетов понял, о чем говорил лесник. Он лег на холодный замшелый гранит и, упершись руками в него, насколько это можно было, заглянул в пропасть. Арбанян в это время крепко придавил его ноги к земле.

Сначала майор ничего не увидел. Ничего, кроме сизоватой глубины ущелья, кроме пенистого потока, прыгающего по камням в его глубине, да пробившихся на крутом срезе обрыва растений и обнаженных камней. Но потом, повернув голову чуть вправо, он вдруг заметил то, что имел в виду Джамбот. Оно висело в нескольких метрах от головы Карабетова, запутавшись за переплетения обнаженного корня. Это, по всей вероятности, был обрывок тонкой белой веревки, может быть, даже шнура. До-

стать до него рукой было невозможно, даже если бы удалось опуститься на всю длину туловища. Без хорошей веревки здесь явно было не обойтись.

Карабетов поднялся, отряхивая куртку и брюки от прошлогодней травы.

— Нужно на чем-то спуститься,— сказал он Джамботу. — Здесь нет ничего такого поблизости?

Джамбот молча кивнул головой и пошел к росшим в стороне от дуба кустам. Нагнувшись, он вынул оттуда свернутый кольцом канат. И подойдя, так же молча передал его Карабетову.

— Товарищ майор,— сказал Арбанян,— разрешите мне, я легче.

— Хорошо,— согласился Карабетов.— Белый обрывок шнура на отростке корня. Правее и метра на два ниже того места, где я лежал.

Джамбот быстро обвязал лейтенанта одним концом каната, обвернул другой его конец за ствол дуба и, набросив несколько витков на свои кисти, кивком головы предложил Арбаняну спускаться. Лейтенант, опершись руками о срез скалы, медленно сполз в пропасть и повис у самого ее верха на туго натянувшемся канате. Он старался не смотреть вниз, но глубина все равно захватила его и на какое-то мгновение он ощутил противную тошноту, однако быстро справившись с ней, огляделся. Скала была крутая и почти совершенно ровная. Из многочисленных трещин, пересекающих ее, выбивались стебли трав. Зацепиться за них не было возможности. Переплетение корней, вылезших из самой крупной расщелины, было значительно ниже, и лейтенант крикнул Джамботу, чтобы тот немного опустил канат. Через минуту Арбанян уже касался корней руками. Теперь он ясно видел запутавшийся в них обрывок шнура. Еще с десяток секунд, и он дотронулся до него рукой. Шнур был не особенно толстый, шелковистый на вид, по всей вероятности, очень крепкий. Но больше всего удивило Арбаняна, что шнур не запутался за корни, как это показалось ему сразу, он был завязан узлом, тугим двойным узлом. А вот развязывать его у хозяина не было времени. Или это было ему совсем не нужно, потому что шнур был обрезан острым предметом по обеим сторонам узла.

Арбанян не стал развязывать узел. Лежащим в кармане ножом он отрезал корень, к которому был прикреплен узел, и крикнул Джамботу, чтобы тот его поднимал.

Через несколько минут он стоял уже наверху рядом с дубом, рассматривая вместе с майором находку Джамбота.

Шнур был сплетен, по всей вероятности, из синтетического волокна и несомненно обладал большой прочностью. Но кому и для чего с риском для жизни нужно было прикреплять его к корню дуба над пропастью? Случайно ли было то, что именно в этом месте сорвался в пропасть старый лесник? И наконец, когда прикреплен этот шнур — до гибели лесника или после? Это были только первые вопросы, которые сразу пришли в голову Карабетову и Арбаняну. А за этими вопросами могло скрываться еще множество других, которые немедленно встанут перед ними, как только будет найдет ответ хотя бы на один из трех первых.

— Как ты его заметил, Джамбот, — спросил Карабетов, — этот обрывок шнура?

— Я помнил, старый Мирзабеч любил этот дуб. Он часто сидел под ним вот здесь, — медленно сказал Джамбот. — Сидел и думал. Я тоже стал приходить сюда и отдыхать после обходов. Я знал, почему Мирзабеч сидел и думал всегда именно здесь. На той стороне, где вот тот белый камень, он



был ранен в сорок втором, попал в плен. Под этим камнем похоронены его друзья.

Здесь ему хорошо было думать о прошлом. Тихо и спокойно. А на той стороне — горы и дорога. Через перевал. Сегодня утром я сидел здесь и тоже думал. Каким образом Мирзабеч мог сорваться вниз? Что, если он не лез на дерево, а просто что-то уронил, сидя вот так на этом камне, а потом нагнулся, постарался достать и не удержался на скользком камне. Я лег на камень, хотел представить, как это могло произойти, и увидел внизу вот этот обрывок. Я мог бы позвать кого-нибудь из лесхоза и попросить помочь достать его. Но потом решил послать сына за кем-нибудь из вас. Я думал, так будет лучше...

— Очень даже правильно,— сказал Карабетов.— Спасибо. И прошу тебя пока никому об этом ни слова.

— Я потому и послал сына,— сказал Джамбот,— что не хотел, чтобы знал кто-то еще. А теперь я пойду. Мне надо увидеть Мерем, прежде чем она уйдет в лесхоз. Я дойду до дома и вернусь. Если буду нужен — пойдете по той тропинке: или встретите меня на ней или найдете около дома...

Когда он ушел, Арбанян, продолжая рассматривать находку, сказал:

— Очень похожа на обрывок стропы парашюта. Вы не находите?

— Что ж, и это возможно,— ответил майор,— сейчас на стропы идут самые различные материалы. Но, пожалуй, самое интересное — каким образом этот обрывок очутился над пропастью, да еще привязанным к корню?

— Во всяком случае, не для того, чтобы помочь кому-то опуститься в пропасть,— сказал Арбанян.— Сам шнур выдержал бы и два человеческих тела, но корень, посмотрите, переломился бы и от тяжести ребенка. Но для того чтобы завязать этот узел, кому-то надо было спуститься вниз — как мне, предположим. Значит, человек этот был не один... Или у него была веревочная лестница, которую он мог прикрепить к стволу дуба, а потом спуститься по ней вниз.

— Для чего? — задумчиво произнес Карабетов.— Вот что для нас сейчас самое главное. У вас есть хоть какие-то соображения на этот счет? Лестница, канат, на котором тебя спускают в пропасть... И все это только для того, чтобы завязать узел на отростке корня? Посмот-

рите,— он показал на концы шнура,— это же следы ножа. Значит, шнур был значительно больше. И когда он выполнил свое назначение, его обрезали.

— Вы хотите сказать, что к нему было что-то привязано? Что корень был использован... вместо тайника?

— А почему бы нет? — Карабетов подошел к самому краю обрыва.— Посмотрите, при нормальном положении человека, стоящего у самого края обрыва, ему ровным счетом ничего не увидеть. Не увидишь ничего даже тогда, когда нагнешься до критического предела. И только, когда лежа на самом краю заглянешь вниз... Но кто и зачем это станет делать? Если на конце этого шнура находился какой-то сверток, то его нельзя было бы заметить ни отсюда, ни с той стороны ущелья. Так что тайник отличный... но... есть одно но. Слишком сложен к нему доступ. И слишком рискован. Впрочем, вот если бы...— Он вдруг быстро подошел к стволу дуба, еще раз заглянул вниз и посмотрел на Арбаняна.— Послушайте, тот корень внизу какого размера?

— Размера? — Арбанян на мгновение задумался.— Он достаточно спутан, но если вытянуть отросток... Метра два с половиной будет.

— Тогда я, кажется, понимаю, в чем дело.— Майор вдруг быстро развернул оставленный Джамботом кусок каната, обвил им дерево, потом обхватил им свою талию, а оставшийся конец взял в обе руки наподобие скакалки. После этого он осторожно подошел к самому краю обрыва. Канат за его спиной натянулся до отказа. Арбанян сделал невольное движение к майору, но остановился: лицо последнего было слишком сосредоточенно и напряженно. Да и большой опасности ему не грозило — канат не дал бы ему упасть вниз. Нагнувшись над самым краем, майор медленно опускал петлю каната. Арбанян продолжал напряженно наблюдать за ним. Однако он не мог видеть того, что привлекало такое напряженное внимание Карабетова. Майор продолжал опускать петлю все ниже и ниже. Потом задержал ее на несколько мгновений и с еще большим напряжением и осторожностью стал тянуть ее вверх. Прошло еще несколько секунд, и над краем камня показался конец вдвое сложенного каната, а вместе с ним и захваченный им отросток корня. Карабетов потянул веревку и захватил корень руками.

— Вот,— сказал он,— понимаете теперь, в чем дело, лейтенант?

Арбанян понял это уже до того, как майор закончил свой эксперимент. Теперь и он был почти убежден, что корень дуба служил тайником. И тайником отличным. Но для кого? И что в нем надо было прятать? На эти вопросы ответить гораздо сложнее. Но ответить все равно будет надо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вот уже второй год, как Берузаимский жил в небольшом домике, расположенном на главной улице райцентра. Улица эта была одновременно и основной магистралью, по которой проходил весь транспорт, и местный и транзитный, в какую бы сторону он не шел. Днем над ней почти всегда стояла легкая завеса пыли.

Владимир Петрович неправду сказал женщине на дороге, что работает в лесхозе. Работал он в конторе райпотребсоюза, но так долго и так часто говорил всем о тесноте в бухгалтерии, да о своей тяге к природе, что многие знавшие его были уверены: место счетовода в конторе райпотребсоюза освободится в самое ближайшее время. Но работать в лесхозе и жить в райцентре было делом нелегким. И никто не удивился, когда Владимир Петрович заговорил о продаже своего домика. Больших денег он за него не запрашивал, но многим покупателям пока отказывал, мотивируя отказ тем, что еще не подыскал себе подходящего жилья где-нибудь поближе к делянкам лесхоза. А перебраться поближе к природе в принципе он решил уже окончательно. Ничего не поделаешь, привычка. Столько лет пробыл на лесоразработках на Севере, что уже не мыслит себя без свежего воздуха да без других прелестей леса. Даже заскучал в последнее время.

Через несколько дней, после того как Берузаимский случайно побывал на хуторе Рамбесном, в конторе уже лежало его заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности. Одновременно он сообщил своим сослуживцам, что подыскал наконец подходящий домик в хуторе Рамбесном и что договорился насчет продажи своего.

Домик он действительно подыскал, но без помощи той

самой вдовы, с которой случайно познакомился на шоссе, и у которой так же случайно побывал дома на хуторе. Случилось все это так.

На второй день после знакомства с шофером, довезшим его до райцентра, Владимир Петрович попросил работавшего с ним в конторе счетовода узнать фамилию водителя ЗИСа под номером «24-48». Сделать это было не особенно трудно, так как зять этого счетовода работал в ГАИ. Берузаимский сказал, что шофер этой машины помог большой группе людей, в числе которых был и он, Берузаимский, добраться до места назначения и отказался взять за это какую-либо плату. Дело было в сильный дождь, и шофер этот развез их по домам. И вот он хотел бы от имени случайных пассажиров хоть как-то отблагодарить этого человека. Через день знакомый счетовод выполнил его просьбу. Фамилия шофера была Джаримоков. Звали его Юнус. Передавая эти сведения, счетовод добавил, что водитель этот находится не на очень хорошем счету у инспекторов ГАИ, и потому особенно приятно слышать, что даже и такие люди, как он, могут совершать добрые поступки...

Позвонив спустя день в контору облпотребсоюза, Берузаимский узнал, что водитель Джаримоков вместе со своей машиной находится на отдаленном птичнике и что обычно он возвращается оттуда к концу рабочего дня.

В этот же день около шести часов вечера, стоя у обочины дороги, Берузаимский внимательно вглядывался в номера идущих в сторону райцентра ЗИСов.

Их в этот вечер было не особенно много, шли в основном МАЗы, работающие в горах на прокладке дороги, ведущей к перевалу, а оттуда к морю. Из птицефермы в райцентр можно было проехать только этой дорогой, и Берузаимский был уверен, что знакомый ему ЗИС непременно пройдет мимо. Единственное, чего он опасался, что Джаримоков опять как-нибудь словчит и задержится еще на час-два. Тогда в наступивших сумерках трудно будет издали увидеть номер машины.

Но этого не случилось. ЗИС Джаримокова Берузаимский узнал сразу, как только машина вывернула из-за поворота. По тому как дребезжали его разболтанные борта, Берузаимский понял, что на этот раз кузов машины был пуст. Надвинув кепку на самые глаза, Владимир Петрович шагнул к обочине шоссе и поднял руку. Завизжав тормозами, ЗИС остановился.

— Куда? — спросил из кабины хриплый голос Джаримокова.— Только до развилки, дальше не возьму. Садись, если устроит.

Берузаимский коротким рывком открыл дверцу и поднялся в кабину.

— Устроит,— сказал он,— вполне устроит.

Шофер быстро обернулся к нему на звук его голоса и сейчас же узнал. Лицо его стало отчужденным. Он явно был не рад этой встрече, и Берузаимский подумал, что сделал правильно, надвинув на глаза кепку. Если бы Джаримоков узнал его раньше, он бы, пожалуй, не остановился. Да и сейчас, когда Владимир Петрович расположился уже рядом с ним, прихлопнув за собой дверцу, опустив голову, водитель мрачно смотрел на приборы, словно не зная, оставлять ли ему пассажира в кабине или попросить его выйти. Потом, словно наконец решившись, включил газ.

— Опять вы,— глухо произнес он, не отрывая глаз от дороги.— Что-то часто мы с вами стали встречаться, а?..

Берузаимский, чуть нагнувшись вперед, посмотрел на его лицо.

— А-а,— сказал он весело и, как ему показалось, с хорошо разыгранным удивлением,— и правда, мы с вами встречались! Всего два дня назад. Да тогда было темно — хорошо не разглядел. Вы что, всегда по этой дороге?

— Да нет,— с прежней мрачностью ответил шофер.— Заладили вот лесхоз да лесхоз. Кому подваливают рейсы получше, а мне...— он махнул рукой.— Этому диспетчеру пока не сунешь... Шкурники все, вот что.

«Лесхоз»? — подумал Берузаимский. Странно, ведь ему сказали, что Джаримоков ушел в другой рейс. Ошиблись ли там или шофер почему-то скрывал это? Если скрывал, значит, у него были для этого какие-то основания. Похоже, что его знакомый промышлял не только дровами...

Джаримоков замолчал, продолжая мрачно смотреть впереди себя на дорогу.

Одна за другой их обгоняли машины. Берузаимский заметил, что Джаримоков на этот раз не обращал на них ни малейшего внимания и что ехал он с необычной для него сравнительно малой скоростью. Дважды, когда машину сильно тряхнуло на плохом участке дороги и борта задребезжали так, словно хотели рассыпаться, Джаримо-

ков с тревогой оборачивался, лицо его делалось еще более хмурым. Берузаимский поймал на себе его теперь уже откровенно враждебный взгляд. Сделав вид, что он не заметил этого взгляда, Владимир Петрович дружески заговорил о шоферской работе, о трудностях ее да малых заработках. Джаримоков отвечал неохотно, с раздражением. И Берузаимский снова сделал вид, будто не замечает этого. Минут через пять они проехали то место, где в прошлый раз Берузаимский ожидал автобуса с женщиной из Рамбесного. А еще минут через пятнадцать впереди показался отросток дороги, ведущей к этому хутору. Джаримоков, проехав его метров за сто, затормозил машину.

— Все,— сказал он все так же враждебно.— Приехали. Я предупреждал — только до развилки.

Владимир Петрович продолжал сидеть.

— Ну, непонятно, что ли? — уже нетерпеливо и почти злобно повторил Джаримоков.

— Куда же вы едете? — спокойно спросил Владимир Петрович.— Впереди только одна дорога — через райцентр. И мне тоже туда.

— А может, я сверну в город через мост? Вы же не инспектор — какое вам до этого дело!

— Ну, если на мост,— так же спокойно ответил Берузаимский,— то я там и слезу. Из города в райцентр идет больше машин, чем по этой дороге. Я же вам заплачу.

— Не надо мне вашей платы,— совсем разозлился шофер.— Говорю, выходите, я дальше не еду.

— Вперед или вообще никуда?

— Чего вы ко мне привязались? — почти заорал Джаримоков.— Вам сказано, вылезайте, и все тут. Делаешь людям добро, подбираешь на дороге, а они еще коники выбрасывают. Вылезайте, или я сейчас возьму ключ!

— Тихо ты,— неожиданно для Джаримокова резко и угрожающе сказал Берузаимский.— Прекрати истерику! А то я тебе такое устрою, что навек забудешь левые дела. Понял?

Джаримоков испуганно посмотрел на него.

— Это какие левые дела? — забормотал он.— Ну, подобрал старые ветки, ну, продал за двадцатку, ну что здесь такого? Один раз и было. Что меня, за это судить будут? Да это еще надо доказать. Да, да, доказать надо! А не докажете, так и за клевету привлечь можно.

— Ладно,— тихо и веско произнес Владимир Петрович.— Надо будет, докажем. И поверят. Тебя, Джаримоков, сколько раз уже на мелочах ловили. Забыл? Можно напомнить. А что сейчас у тебя в кузове? Ну-ка, выйдем, посмотрим!

Берузаимский открыл дверцу. Лицо шофера стало совсем серым, особенно, когда он услышал свою фамилию.

— Так это же,— забормотал он.— Это же... Так, товарищи мне кое-что дали, чтобы передать. Я не хотел. И я...— он совсем запутался и замолчал, затравленно смотрел на Берузаимского.

— Так ты не хочешь выходить? — безжалостно спросил тот.— Может, мне посмотреть самому?

— Ладно,— безнадежно сказал Джаримоков.— Ваша взяла. Дурак я, вот что. Тогда еще подумал, что вы из органов, да потом чего-то засомневался...

— Не засомневался, а жадность одолела,— усмехнулся Владимир Петрович.— А жадность, она и не таких, как ты, жуликов до тюрьмы доводила!

Джаримоков включил заглохший было мотор.

— Куда ехать-то? — упавшим голосом спросил он.— В город или в райцентр?

— Туда, куда ехал, туда и езжай. Разворачивайся, немного назад и вверх...

Джаримоков не ответил. Выглядывая в окно кабины, он разворачивал машину и потом, когда она дошла до развилки и повернула, спросил, не поднимая глаз:

— Значит, и ее тоже? — и со злобой добавил.— Ну и правильно — не покупали бы такие вот, так и мы бы меньше химичили. Ведь это она меня. Еще в тот раз... «На ферму едешь, захвати ящичек яиц. От тех курочек, что на индюков похожи. Разведу на зависть соседям. Привези — не обижу». Теперь вот... развози на свою голову! Ведь честное слово, товарищ начальник,— не просила бы, никогда бы за это не взялся. Поверьте, ни за какие деньги! И это в последний раз. Больше никогда. Вы уж скажите, что я не стал скрывать, кому вез. Другой бы разбил их, выбросил на дорогу, и все дела. А я ведь органам помогаю.

Берузаимский молчал. В другом случае, возможно, поведение Джаримокова вызвало бы у него чувство брезгливости, но сейчас оно доставляло ему только удовлетворение. Все-таки было у него свойство безошибочно распознавать людей. Впрочем, пожалуй, и он при первом

своем знакомстве с Джаримоковым не мог предположить, что человек этот при малейшей для себя опасности будет выглядеть таким жалким и беспомощным. И это обстоятельство тоже надо было учитывать, если их знакомство продолжится и дальше.

Шофер говорил еще что-то, но Берузаимский, думая о своем, почти не слушал его. Только когда наверху впереди показалась телевизионная антенна, поднявшаяся над одним из домиков Рамбесного, Берузаимский сказал:

— Останови машину.

Джаримоков посмотрел на него, но, не говоря ни слова, повиновался.

— А теперь слушай. В органах я работал, но давно. Ушел. Из-за таких вот, как ты, жуликов. Не доглядывал, не пресекал вовремя... Подожди, не перебивай. Но связи у меня там еще есть, и донести на тебя и твою эту знакомую из хутора мне раз плюнуть. Понял? Я это и хотел сделать. Да теперь повременю. Парень ты, как мне кажется, не такой уж и плохой. А мне как раз из дома в дом переезжать. Из райцентра на хутор. Может, поможешь? Я заплачу, не волнуйся...

Джаримоков продолжал с недоверием смотреть на него. Лицо его выражало такую смесь чувств, что сразу в них не смог разобраться и такой опытный человек, каким был Берузаимский.

— Да что вы... Да я... Пожалуйста, какой разговор,— все еще не совсем веря Берузаимскому, пробормотал Джаримоков.— И зачем деньги? Я так, по знакомству.

— Ну вот и отлично,— кивнул головой Берузаимский.— А теперь давай к покупательнице. Завершай дело. Много закинул? — он кивнул головой на кузов машины.

— Да что там! — снова забормотал Джаримоков, трогая машину.— Так, на дне ящичка. Сотня-полторы, не больше.

— За один день это не так плохо,— усмехнулся Владимир Петрович.— Но бывают дни и пустые, а?

— Еще бы,— кивнул Джаримоков.— Пустых-то куда больше. На пол-литра и то не наберешь.

Он уже совсем успокоился и говорил с Берузаимским как со старым знакомым, хотя нет-нет да и бросал на него настороженный взгляд, словно все еще не совсем веря, что опасность для него миновала.

Джаримоков подвел машину к знакомому уже дому с палисадником и медленно «подал» ее задом прямо к воротам. Машина почти вся потонула в зелени деревьев, росших перед самым заборчиком.

Сидя в кабине, Берузаимский слышал, как шофер открыл задний борт и полез в кузов. Потом до него донесся знакомый голос. Он посмотрел в заднее, забранное мелкой решеткой, стекло. Джаримоков торопливо стаскивал с кузова картонные ящики. Судя по тому, с каким трудом и осторожностью он это делал, ящики были заполнены доверху и яиц там было явно не сотня-полторы, как утверждал Джаримоков.

Голос Джаримокова до кабины почти не доносился, он старался говорить как можно тише, но женщина, ничего не подозревая, вела беседу в полный голос. Она торговалась, пыталась недоплатить шоферу три рубля.

Наконец он получил деньги и пошел к машине. Хозяйка шла за ним.

— Так ты не забудь,— продолжала она говорить громким грудным голосом,— и привези прямо сюда. В такое же время. Получишь все сполна. Все до копейки.

— Ладно, ладно,— бормотал Джаримоков,— а потише можно? Зачем кричать на весь хутор!

— А ты не бойся,— засмеялась женщина,— у нас в такое время все по домам сидят. С работы только вернулись, вечеряют.

Владимир Петрович плотнее прижался к спинке сиденья — кажется, женщина подходила к самой кабине.

— Ну ладно, до свидания,— сказал Джаримоков.— Только вы никому ни слова... Человек мне уступил прямо с базы... как для меня уступил, а я отдал вам. Нехорошо может получиться, если он узнает.

— Будет тебе! — засмеялась женщина. — Уступил, и спасибо. Не даром же. Пятерки тоже на земле не валяются. Так смотри, жду.

Джаримоков с мрачным видом вскочил в кабину и, не глядя на Берузаимского, включил мотор. Машина тронулась с места, позади раздался голос хозяйки, что-то снова крикнувшей вслед, но Джаримоков на этот раз не обернулся. Он снова смотрел вперед в ветровое стекло.

— Дрова завез, яйца тоже, что еще требуется? — с усмешкой спросил Владимир Петрович.— Десяток баранов или пару бычков?

— Ей привези, она и от них не откажется,— в серд-

цах сказал Джаримоков.— Только этого ей не надо. А вот скат ей нужен. Для какого-то своего родственника, что ли...

— И что — пообещал?

— Будет какой-нибудь старый — подкину... Чтоб не в ущерб производству.

— Как в прошлый раз? — снова с усмешкой продолжил Берузаимский.

— Тот на заднем колесе, уже третий день крутится,— не приняв вызова, сухо ответил Джаримоков.— Я его временно у нее хотел оставить. Потом бы вернулся. Лишь бы теперь на гвоздь не нарваться — запасного больше нету. Так когда же вам вещи перевозить? Скажите только заранее, чтобы я мог со своими рейсами согласовать. Вам что, в райцентр, как и в прошлый раз?..

Берузаимский кивнул головой, думая о том, какой предлог ему следует найти, чтобы встретиться с Джаримоковым на шоссе еще до того, как он купит дом и начнет перевозить вещи.

Джаримоков, ничего теперь не опасаясь, вел машину на скорости, на которую она была только способна. Уже две идущие впереди машины остались с правой стороны. Но совсем недалеко от поворота, ведущего в райцентр, позади послышался настойчивый сигнал догонявшей их машины. Джаримоков, по своему обыкновению, сначала не обратил на него внимания и не уступил дорогу. Однако сигналы становились все громче. Джаримоков наконец посмотрел в зеркало, приглушенно выругался и нехотя свернул на правую сторону шоссе. Слева стремительно выскользнул покрытый брезентовым тентом «газик» и, обогнав их, помчался впереди.

— Начальство? — спросил Берузаимский.

— Главный агроном колхоза,— ответил Джаримоков.— Начальство небольшое, но лучше не связываться. Его тут каждая собака знает. Молодой, да ранний.

— А что он делал в горах? Разве там есть колхозные земли?

— Пасека там у них,— нехотя ответил Джаримоков.— Какая-то экспериментальная, что ли. Так он на ней все свободное время проводит. Говорят,— он усмехнулся,— каких-то особых пчел выводит, что ли. Которые меда в три раза больше дают. Только, по-моему, брехня все это. Очковтирательство. Да и пасеку, слышал, будут переносить в другое место.

— Почему?

— Так там же строительная площадка близко. Машины какие-то новые. Не просто мощные, а сверх-сверх... Так при работе ревут, что, говорят, это плохо на пчел действует. А по-моему, он просто предлог нашел. Ничего не получается, вот и решил свалить на машины.

— Откуда тебе все это известно,— засмеялся Владимир Петрович.— На базаре одна баба сказала?..

— Так уж одна баба,— обиделся Джаримоков.— Шофер знакомый в колхозе работает — он и рассказывал. Сказал, что главный, это Алкес, значит, уже место в горах новое подыскивает. На будущую весну будут перевозить все это хозяйство.

— Так что же этот главный кандидатскую степень на пчелах хочет заработать или как?

— Не знаю,— пожал плечами Джаримоков,— только от него всего можно ждать. Выскочка. Всегда во всем вперед лез. Еще в школе.

— Ты что, с ним учился?

— В одном классе. Целый год. Он и там свои порядки наводил. То ему плохо, это нехорошо. Так делать нельзя. Это его в детдоме научили.

— У него что, не было родителей?

— Были... Почему не было? Только отец во время войны погиб. А мать умерла, когда ему лет пять-шесть было. Мы же в одном ауле жили. Только он теперь вон какой стал, агроном, да еще главный. А я что? Я шофер. На меня кто внимание обращает? Есть люди, которым везет. А которым так,— он с горечью махнул рукой.

— А кто же его отец был? — спросил Владимир Петрович.

— В колхозе работал, как и мой. Слышал, охотник был к тому же. На всю округу славился. Ружье у него, говорят, было самой известной марки... Три кольца, что ли. Отец как-то говорил, большие деньги будто стоило.

— И теперь оно, конечно, пропало?

— Да нет,— покачал головой Джаримоков,— слышал, сохранили люди, отдали. Да только зачем оно ему? На охоту не ходит. Все со своими пчелами возится. Многие хотели купить, хорошие деньги давали — всем отказывал. Держит, чтоб незнакомым людям пыль в глаза пустить. Вот, мол, какие вещи имеем. Не то, что вы. Алкес, он какой был — такой остался.

— Алкес? Это что? Его имя?

— Ну да, Алкес. Алкес Хаджинароков. Ну вот, мы уже приехали.

Действительно, Владимир Петрович за разговором и не заметил, как они въехали на главную улицу райцентра. Джаримоков затормозил как раз напротив раймага, где и в прошлый раз высадил Берузаимского. Владимир Петрович вышел из кабины.

— Ну, будь здоров,— сказал он.— Обделывай свои дела, да смотри осторожней. Не все такие добрые, как я. Да и я, имей в виду, не всегда добрым бываю. Переезжать буду на этих днях. Найду тебя. Позвоню. Или сам приду. И не беспокойся, за бензин, за амортизацию машины заплачу. В обиде не будешь. Да,— он придержал дверцу,— как звать твою вдовушку? Из хутора? Да ты не опасайся, — усмехнулся Владимир Петрович, видя, что Джаримоков заколебался с ответом.— Ведь если бы я хотел гадость тебе или ей сделать, не так бы с тобой разговаривал. И потом, что мне стоит узнать это без тебя? Ты сам понимаешь. А она мне обещала с покупкой дома помочь. У меня уже есть кое-что на примете, да, может, у нее что лучше. Так я сразу и договорюсь.

— Фамилию не знаю,— сказал Джаримоков, кажется, вполне успокоенный и словами и тоном Берузаимского.— Сказала, зови тетушка Фамет.

— Ну, бывай здоров.— Берузаимский, наконец, захлопнул дверцу кабины.— Так если надо, я позвоню.

На следующее же утро Владимир Петрович сел в автобус и слез с него на развилке, ведущей в знакомый уже ему хутор Рамбесный. Ждать попутной машины, которая довезла бы его до самого хутора, он не стал. Хотя дорога почти все время шла в гору, добраться до него можно было и пешком. От асфальта первые домики хутора отделяли какие-то два — два с половиной километра. И Берузаимский, не став раздумывать, пошел.

Только пройдя с полкилометра, он обернулся. Далеко внизу по асфальту в обе стороны проносились машины. Промелькнул красно-белый автобус. Но отросток дороги, ведущий к хутору, был пуст.

Впереди в зелени листвы забелели хаты хутора. Как и вчера, первое что он увидел — была высокая телевизионная антенна, поднимавшаяся над домом учителя Касея. Хуторок в этот утренний час казался совершенно пустым. Дети были в школе, одноэтажное здание которой светлело внизу в балочке, а взрослые, наверное, нахо-

дились на работе. Берузаимский дошел до дома вдовы Фамет и, не останавливаясь, заглянул во двор. Он казался пустым. Да и похоже, что и сам дом был на запоре. Хозяйка, наверное, или поехала к дочери, или тоже была на работе.

Это обстоятельство нисколько не огорчило Берузаимского. Напротив, оно как нельзя больше соответствовало его планам.

Владимир Петрович продолжал идти по заросшей густой зеленью улочке хутора, удивляясь тишине и безлюдию, царящему вокруг. Только спустя некоторое время он понял, в чем дело. Хуторские дворы узкими длинными полосками опускались вниз к реке и, по-видимому, именно там, на этих дворах, и находилось сейчас все оставшееся дома население. Пока солнце не поднялось высоко и не стало жарко, люди копались в огородах.

Он уже прошел почти весь хутор, дошел до последнего домика, стоящего поодаль от всех остальных. Это и был дом, над которым поднималась высокая телевизионная антенна. Дом, в котором жил преподаватель английского языка Касимов. Хотя дом этот и находился в самом конце хутора, антенна его была так хорошо видна снизу именно потому, что он находился на возвышенности, на целый десяток метров поднимаясь над первыми хуторскими хатками.

В доме учителя были открыты окна. Оттуда доносились приглушенные голоса и чуть слышные обрывки музыки. Наверное, из радиоприемника.

Поднявшись на возвышенность, Владимир Петрович приостановился. Отсюда через широко раскрытое настежь окно довольно отчетливо была видна угловая комната учительского дома. За столиком, чуть согнувшись, спиной к окну сидел человек. На ушах его поблескивали черные наушники. Это, наверное, и был сам учитель Касей. Берузаимский посмотрел на часы. Было восемь часов тридцать одна минута. Он пошел дальше.

Сразу за домом открылся колодец. Около него стояла женщина с двумя ведрами. Берузаимский подошел к ней и помог вытащить воду. Женщина поблагодарила его и спросила откуда он идет и к кому приехал. Берузаимский ответил, что он из райцентра, что хочет переехать жить сюда, подальше от шума и суеты и что ему сказали, будто где-то здесь продается небольшой домик. Женщина сразу же оживилась.

— Да, да, правду сказали,— она поставила ведра на землю.— Это Шарифовы продают. У них сын врач, работает на море в большом санатории. Так они к нему перебраться решили. Это вниз по дороге к самой реке. Он уже не к нашему, а к соседнему хутору Навесному относится. Первый дом, который вам встретится. Вы его издали увидите. Около него большой каштан. Самый большой в нашей округе. А Шарифовы... они сейчас дома. Оба. То-то обрадуются покупателю. А то все говорят — глушь да глушь. А какая у нас глушь? Радио есть, телевизор есть, кино тоже — пожалуйста. А надо в райцентр — садись в автобус, за полчаса довезет. Вы правильно делаете, что к нам переезжаете. Не пожалеете.

Поблагодарив за полученные сведения и распростившись со словоохотливой женщиной, он пошел по дороге, ведущей сначала вниз, а потом снова вверх в гору, туда, где на склоне горы виднелись первые постройки соседнего хутора. Дом, о котором он получил сведения, скрывался, вероятно, где-то за возвышенностью, потому что, как можно было понять из рассказа женщины, он находился где-то у берега реки.

Берузаимский, расспросив мужчину, ехавшего ему навстречу на велосипеде, очень скоро нашел дом и встретился с Шарифовыми. Оба они — и муж и жена — были уже довольно стары и, как и предсказывала встретившаяся у колодца женщина, очень обрадовались покупателю. Много они не запрашивали, да и Берузаимский особенно не торговался. Так что предварительно все было слажено очень скоро. Назавтра договорились встретиться в райцентре, чтобы официально все оформить. Берузаимскому вполне подходил этот небольшой, стоящий у самой реки домик, а Шарифовы были так рады сговорчивому покупателю, что весь разговор не занял и полчаса. Обе стороны расстались в полном согласии.

Проходя мимо учительского дома, Берузаимский снова бросил взгляд в окно. И опять увидел человека, сидящего в углу с наушниками. Владимир Петрович посмотрел на часы. Стрелки показывали девять часов двадцать минут.

На следующий день с домом Шарифовых в основном все было улажено. А так как и за свой дом, находящийся на главной улице райцентра, Берузаимский тоже не запросил особенно много, то и здесь у него все устро-

илось очень быстро. И не прошло и трех дней, как Берузаимский стал владельцем домика у реки, а в его дом уже готовились переезжать новые жильцы. Все свои немногочисленные вещи — тахту, кровать, стол, стулья и нечто наподобие серванта — он продал тоже по дешевке и, купив себе в раймаге все только самое необходимое, нашел Джаримокова. В первый же свой рейс на птицеферму тот перебросил все это небогатое имущество в новый дом Берузаимского. Как Джаримоков ни отказывался от денег, Владимир Петрович почти силой вложил в его руки двадцатку да еще пообещал непременно угостить — или когда тот сумеет добраться в Навесной без машины, или при случайной встрече в райцентре.

Только проводив Джаримокова и оставшись один, Берузаимский по-настоящему приступил к осмотру своего нового владения.

Главное, что его сразу же привлекло в нем, это то, что в доме не было подвала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Самолет шел на большой высоте. Приглушенно гудели мощные двигатели. За черной окружностью бортового окна беспрерывным потоком летели и гасли в плотной тьме вырывающиеся из двигателей красные искры. Под закругленным потолком кабины тлела мягким синеватым огнем одинокая лампочка.

Тагир полулежал, опершись на мягкую спинку сиденья. Его предупредили, что в их распоряжении целых три часа, и все-таки он не только не мог уснуть, но даже задремать. А вот сидевший напротив него человек, с которым его связывали самые трудные, если не самые трагические годы жизни, спал, удобно устроив русоволосую, на которой не были заметны первые седые пряди волос, голову на подлокотник кресла. Наверное, сказалось нервное перенапряжение того момента, которого они ждали несколько недель. У каждого нервная разрядка проявляется по-своему. Даже у тех, кого так много общего связывает в этом мире.

А может быть, Сергей прав. Спать, это лучше, чем молча ждать, глядя друг на друга. Говорить они все равно не смогли бы. Во всяком случае, о том, о чем хотели. Недаром же все последние дни их держали совершен-

но отдельно. Да и сейчас, Тагир был в этом уверен, любое их слово будет подхвачено и записано на пленку подслушивающим устройством.

Самолет находился в воздухе уже второй час. И должен был идти к цели еще вдвое дольше. Подумав об этом, Тагир невольно усмехнулся. Он достаточно хорошо знал географию, чтобы понимать, что от аэродрома, с которого они поднялись, до нужной точки было не более тридцати минут лета. Сейчас, выполнив свое задание, самолет вполне мог опускаться на бетонную дорожку, с которой он взлетел. Машина шла, все время меняя курс и высоту, и, несмотря на непроглядную черноту ночи, Тагир был уверен, что все это время граница была где-то рядом, граница, которую они пока еще не нарушали, но которую должны были все-таки рано или поздно нарушить,— иначе ни ему, ни спящему сейчас перед ним человеку незачем было садиться в самолет.

Тагир посмотрел на темневшую у входа в кабину пилота сигнальную лампу. Первая ее вспышка и легкий звуковой сигнал должны предупредить их: подготовиться. Потом второй. И дальше будет холодная свистящая пустота, рывок, и где-то высоко над головой неясное полуокружье шелка. Несмотря на большую высоту, с которой должен быть совершен прыжок, кольцо они должны были вырвать сразу после отделения от самолета. Потом придет медленное раскачивание в бездонной мгле, и где-то под ногами будут идти навстречу им горы и лес. Горы и лес, знакомые ему много лет назад. Их он считал своими. Узнает ли их теперь? Узнают ли теперь они его? И примут ли?..

Моторы продолжали гудеть мягко и усыпляюще. Сергей спал, словно его ожидала совсем другая судьба, чем Тагира. Словно он должен был остаться здесь, в машине, и вернуться снова туда, под горячее сухое небо чужой страны.

Внезапно приоткрылась дверца кабины. Из нее показалась голова штурмана. Прищурясь, он посмотрел на спящего Сергея, потом перевел взгляд на Тагира, и, приподняв палец, сказал по-русски с сильным акцентом:

— Еще час,— он постучал пальцем по руке.— А потом давай... Ищем ветра.

И снова исчез.

Тагир усмехнулся. Час! Значит, половину оставше-

гося времени сбросили. Но и так не слишком ли затягивается эта игра на нервах? Но «ищем ветра»! Это, кажется, все объясняло. Они не рискуют все-таки пересечь границу. Боятся. Значит, хотят выйти на участок с благоприятным направлением ветра. При большой высоте, на которой они все время шли, ветер вполне может вынести их за линию границы. Но пересечь границу они все-таки боятся. Даже на такой высоте! Эта мысль вдруг принесла ему удовлетворение. Они боятся! Он даже не попытался разобраться, почему это должно быть приятно ему. Почему он должен быть горд этим. Просто ему доставляло удовлетворение ощущать это. Впервые после многих лет полного отсутствия собственной гордости.

Самолет теперь, по-видимому, шел над морем, потому что вот уже минут двадцать, как он не менял своего курса. И Тагир, закрыв глаза, представил себе, над какой точкой он сейчас мог находиться. Наверное, внизу во всю ширь раскинулось море. А где-то справа, за галечными отмелями, вставали крутые, заросшие кустарником берега, а над ними уходили в черноту неба покрытые лесами горы. Много лет назад он, тогда еще совсем молодой парень, где-то там внизу впервые вступил на качающуюся палубу десантного судна. Была ночь, такая темная, как и сейчас, неясно угадывалась за бортом холодная маслянистая вода. С моря дул резкий пронизывающий ветер, и мелкие хлопья снега, прикасаясь к щекам, оставались на них капельками воды. Рядом в ночном тумане неясно темнели портовые сооружения. Батальон поднимался по деревянным трапам почти без единого звука. Только изредка где-то звякал в темноте неплотно пригнанный котелок, нет-нет да и слышалась вполголоса произнесенная команда. Позади оставался знакомый с детства аул, молодая жена с грудным Алкесом на руках. Впереди была темь, холодное море, и за ним берега Керченского полуострова... Но тогда не было времени переживать разлуку. Шла война, и враг стоял в каких-нибудь четырехстах километрах от предгорий. От земли, где сменяли друг друга десятки поколений адыгов.

Высоко над головой вставал неясный приближающийся гул. Это бороздил небо немецкий самолет-разведчик. Хотя пилоты его не могли ничего слышать из того, что происходило внизу, на палубе десантных судов стало совсем тихо. Все молча размещались там, где находили свободное место.

Так начиналось первое в жизни двадцатилетнего Тагира путешествие по морю. Путешествие, которое осталось в его памяти на всю жизнь.

Когда под дощатым настилом палубы глухо застучали машины, Тагир перестал думать о том, что осталось позади. Теперь надо было смотреть вперед. Только вперед. Все учения по высадке на берег не могли, конечно, идти ни в какое сравнение с тем, что ожидало их на плоских песчаных берегах, приближающихся сейчас к ним с каждым оборотом винта. Где-то совсем рядом на палубе или на палубах десятка других разрезавших волны слева и справа десантных судов было немало знакомых адыгов из соседних аулов. С ними Тагир не один раз встречался на свадьбах, на празднествах, а то и просто за дружеским столом. Но искать их сейчас было глупо. Да и навряд ли это ему удалось бы. Уж слишком плотно на темной качающейся палубе сидели люди, прижав к себе оружие.

Стучали моторы, шипела за бортом рассекаемая носом самоходной баржи вода, и бил в лицо холодный морской ветер, неся, как и прежде, острые иглы снежной крупы.

Где-то рядом шли миноносцы и катера боевого охранения. На них изредка вспыхивал сигнальный огонек и мгновенно исчезал.

К берегам подошли перед самым рассветом. Что было потом, Тагир не мог после восстановить в строгом хронологическом порядке. Холодная, обжигающая тело соленая вода, скользкий на морском дне камень и вспыхнувший ослепительными вспышками взрывов и линиями трассирующих пуль внезапно оживший, до этого казавшийся совершенно вымершим берег. Линии колючей проволоки в воде и шквальный огонь из притаившихся в нескольких десятках метров за гребнем берега дотов. Но все это поглотил, смял и отбросил куда-то далеко от Тагира могучий порыв тысяч людей, перед которыми, обгоняя их, катилось многоголосое «ура». Он бежал вместе со всеми туда, где далеко впереди вставали, освещая мечущиеся фигурки людей, огненные фонтаны разрывов — с моря били суда сопровождения десанта. А потом вдруг пришла звенящая неправдоподобная тишина. Противник, сбитый со всех своих приморских оборонительных рубежей, поспешно отходил по всей ширине полуострова на запад. Туда, откуда пришел.

Тогда ни Тагир, ни те, кто находился рядом с ним, не знали, что пройдет несколько месяцев и им снова придется оставить эту изрытую снарядами, политую кровью их товарищей землю. И что день ее полного освобождения наступит несколько позже. Они просто не думали тогда об этом. Была победа, победа полная, одержанная в невероятно трудных условиях, и это в каждого из них вселяло гордость и уверенность в своих силах.

Прошла зима. Фронт неподвижно лежал у самого горла узкого полуострова. И только когда по-настоящему ударило южное горячее солнце, враг, собрав все силы, бросил их в наступление. Снова на узкой полосе земли развернулись жесточайшие бои. Но теперь уже им приходилось отходить назад, отбиваясь от наседавшего со всех сторон врага. Горело солнце над головой, горела степь. Прогорклый запах дыма стлался к самым стенам города, позади которого было только море. Теперь уже теплое, ласковое, ставшее таким близким и родным.

Взвод, в котором служил Тагир, третий день отбивал атаки вражеской пехоты и танков, окопавшись на вершине холма в развалинах старой мельницы. В двухстах метрах позади начинались первые городские строения. С распахнутыми дверями, с выбитыми стеклами окон. Жители или сидели в каменоломнях, или прятались у причала порта, все еще надеясь уйти на Большую землю. Эвакуировали в первую очередь больных и раненых. На второй день для поддержки части, в которой дрался Тагир, подошли два танка. Две машины, покрытые вмятинами от снарядов, царапинами, оставленными осколками. Машины подошли к окопам, где лежал Тагир, давно не бритый, усталый, забывший, что есть на свете вода, которой можно было ополоснуть лицо. Из распахнутых люков видны были головы танкистов. Они были в темных шлемах, и только один из них стоял, подставив горячему солнцу обнаженную голову с черными спутанными волосами. И как ни коротко было мгновение, которое Тагир смотрел на него снизу вверх, лежа на гребне окопа, он безошибочно узнал в нем Джамбота. Джамбота, с которым они расстались несколько месяцев назад перед погрузкой на десантные баржи.

А Джамбот, смотря вперед, не замечал его. Для этого ему надо было высунуться из люка еще по крайней мере на два десятка сантиметров.

Тагир повернулся на бок и, приподняв руку, крикнул:

— Джамбот! Эй, Джамбот!..

Джамбот, кажется, не услышал. Он продолжал напряженно всматриваться куда-то в горячее марево каменистой степи, лежавшей за гребнями окопов в той стороне, куда смотрело дуло орудия его танка. Но там, насколько это мог определить снизу Тагир, все было спокойно и недвижимо.

— Джамбот! — крикнул еще раз Тагир.— Посмотри вниз, это я, Тагир!..

На этот раз Джамбот, кажется, услышал. Он приподнялся и нагнулся над люком. Тагир поднял руку и махнул ею. Лицо Джамбота расплылось в улыбке. Он что-то крикнул и тоже поднял руку. Тагир хотел вскочить на ноги, но в это время кто-то с силой прижал его к земле. Где-то совсем недалеко рванулись в стороны комья земли, и в голову и ноздри ударил резкий перегар разрыва. Уже прижавшись щекой к брустверу, Тагир увидел, как на башне танков захлопнулись люки. Машины, тяжело урча, дали задний ход и пошли вдоль окопов. Тагир только успел заметить, что на танке, в котором находился Джамбот, были нарисованы три красные звездочки. Больше следить за танками Тагир уже не мог. Впереди поднялась и в полный рост пошла на окопы немецкая пехота.

Дважды еще в это утро она поднималась для решительного броска и дважды откатывалась на исходные позиции. Но после каждой отбитой атаки рядом с Тагиром оставалось все меньше и меньше бойцов. И перед третьей он понял, что больше половины взвода уже вышло из строя.

А потом на них двинулись танки. Помкомвзвода прошел по окопу и молча положил перед теми, кто еще не был ранен, связки ручных гранат. Перед Тагиром тоже. Тагир посмотрел сначала на связку, потом на стальные серые машины, которые переваливались на ухабах, с каждой минутой все приближаясь к нему, и подумал о Джамботе. Где он сейчас со своим танком? Идет ли и тот другой, который был с ним рядом в самом начале боя? Встать и оглянуться Тагир не мог, а снизу с земли ему ничего не было видно.

Серые машины с черными крестами становились все больше и больше. Вот уже из первой блеснуло пламя, и где-то совсем рядом встал косой столб огня и пыли. Теперь танки били поочередно, один за другим. Тагир

успел их пересчитать. Танков было пять. Но где же Джамбот? Где?

Танки с крестами на серой броне отделяли от них уже какие-то десятки метров. Теперь они били по гребням окопов из пулеметов. Кто-то лежащий рядом с Тагиром приподнялся, занеся над головой связку гранат, и сник, прошитый очередью. И в этот момент Тагир наконец увидел наши танки. Они вырвались откуда-то справа, оттуда, куда оттянулись несколько часов назад, и шли теперь на полной скорости прямо во фланг находившихся совсем близко от окопов серых машин. Их отделяло друг от друга уже не более двухсот метров. Но они не стреляли. Ни машина Джамбота, ни та, другая, которая шла рядом с ней.

Почему они не стреляли? Ведь пока их не заметили, можно было при удаче поджечь по крайней мере две крайние машины. Почему они теряли драгоценное время?

Тагир не слышал свиста пуль, врезавшихся в бруствер, не видел вспышки рвавшихся по сторонам снарядов. Он смотрел на танки. Только на танки. Почему Джамбот терял время? Сейчас фашисты их заметят! И вот они наконец заметили... Фланговая двойка машин резко затормозила и стала разворачиваться передом к идущим на полном ходу к ним краснозвездным танкам. Их разделяло уже пятьдесят метров. Тридцать. Двадцать. А танки не стреляли. Ни один, ни другой. Шли на полной скорости и не стреляли. Тагир хотел крикнуть во весь голос: «Стреляй же, Джамбот, стреляй!» — но вдруг понял, в чем дело. У танкистов не было боеприпасов. И им ничего другого не оставалось, как идти на таран.

Даже сквозь грохот взрывов Тагир различил скрежет металла. Первый краснозвездный танк на полном ходу врезался в неуспевшую до конца развернуться фланговую машину. Она сразу осела и резко наклонилась набок. Второй танк ударил по гусеницам другую машину. Но в этот момент третья почти в упор послала в него снаряд. Две машины, плотно сцепившись, горели. Черно-красное пламя высоко вставало над ними. И в этот момент Тагир совершенно ясно увидел на иссеченной осколками защитной броне три знакомые красные звездочки. Это горел танк Джамбота. Его друга Джамбота. Самого близкого из его друзей. И враг, который поджег его, находился рядом. Не помня, что он делает, Та-



гир, крепко сжав в руке связку гранат, вскочил на бруствер и, почти не пригибаясь, бросился вперед. Кажется, его не заметили. Свиста пуль он не слышал. Он продолжал бежать, видя совсем невдалеке от себя серую сталь начавшей снова поворачиваться к нему лобовой броню машины. И только в этот момент под его ногами ударили фонтанчики пыли. Но он был уже в двух десятках метров от вражеской машины. И, размахнувшись, собрав последние силы, он бросил связку вперед, под черную вращающуюся гусеницу.

Страшный грохот и ослепительная вспышка перед глазами пришли почти одновременно. Какая-то сила толкнула его в грудь и швырнула на землю.

Когда он открыл глаза, над степью висела непривычная тишина. Кто-то стоял над ним. Он увидел сапоги, подбитые железом, с расходящимися раструбом голенищами. И почти безотчетно протянул руку к лежащему рядом карабину. Сапог приподнялся и с силой ударил его в грудь. И он снова упал на горячую сухую землю. Потом их всех, кто остался в живых, вели по горячей степи. Автоматчики шагали рядом. Тех, кто падал, тут же пристреливали. Тагир, стиснув зубы, шел в общем ряду. Один раз он вспомнил о том, что было в конце боя. О черном пламене над горящим танком. Джамбот погиб. Погиб его лучший друг. В ауле у него осталась невеста. Мерем. Об их любви знали все. Ее ставили всем в пример. Мерем и Джамбот — это звучало как нечто неразделимое. Но война разлучила их прежде, чем они успели соединиться. И Мерем сейчас там, далеко отсюда, ждет своего Джамбота. Сумеет ли когда-нибудь Тагир рассказать ей о том, что произошло с Джамботом?..

...Приглушенный вибрирующий звук отвлек Тагира от его мыслей. Над дверцей кабины пилотов вспыхнула и погасла лампочка. Первое предупреждение. Тагир быстро поднялся и потряс за плечо Сергея. Тот сейчас же поднял голову и осмотрелся вокруг. Счастливый он был человек. Просыпался так же быстро, как и засыпал, и засыпал так же быстро, как и просыпался.

— Пора? — спросил коротко.

— Первый сигнал,— сказал Тагир.— Приготовься.

Открылась дверца кабины, и из нее снова показалась голова штурмана. Он показал пальцем на люк.

— Открыть,— потом указал наверх,— один раз еще,

сразу вниз. Кольцо дергать. Понятно? Первый ты,— он показал на Тагира,— потом ты. Через три минуты...

Все эти инструкции были давно и в самых малейших деталях известны Тагиру и Сергею, и ни тот, ни другой даже не кивнули в ответ на слова штурмана.

Только когда за ним закрылась дверь, они встали и посмотрели друг на друга. Сергей, обернувшись назад на закрытую дверь, громко сказал:

— Значит, если все пойдет как надо, через год... А письмо на первое почтовое...

Они еще раз посмотрели друг на друга, пожали руки. Потом Тагир открыл люк. За ним стояла мрачная и, казалось, совсем неподвижная мгла. Но это только казалось. Тагир поправил лямки парашюта и еще раз посмотрел на Сергея. Тот кивнул.

В этот момент приглушенно прозвучал сигнал. Быстро замигал красный глаз лампочки.

— Давай,— сказал за спиной Сергей.

Он подошел к нему вплотную и положил руку на плечо, словно поправляя лямку парашюта. Тагир шагнул вперед в непроглядную темноту ночи и почти в это мгновение он услышал в ушах свистящий шепот Сергея:

— Пиши сразу... Сразу!

Воздушная струя рванула его тело и отбросила куда-то в сторону. А эти слова все еще стояли в его ушах. Наконец вращение тела кончилось. Он рванул кольцо парашюта, раздался знакомый шелест, еще раз тело ощутило рывок, и он повис в бездонной темноте беззвездного неба. Только по тому, как покачивало из стороны в сторону его напрягшееся в стропах тело, он понял, что тугая струя ветра несет его под острым углом к далекой, но с каждым мгновением становившейся все ближе земле.

Через некоторое время внизу он вдруг увидел цепочку огней, полудугой впаявшуюся в землю. А дальше они сбивались в плотный сверкающий узел и снова бежали прерывистой цепочкой. Это несомненно было побережье. На мгновение Тагиру показалось, что его несет именно туда, прямо в гущу этих огней. Но потом он понял, что расчет штурмана на ветер был точен. Огни, приближаясь, уходили все дальше и дальше назад. И вот они остались уже совсем далеко туманным сгустком еле заметных красноватых точек. Навстречу Тагиру шли теперь горы. Заросшие лесом, безлюдные горы. Во всяком случае, под ногами теперь снова была сплошная темно-

та. Только далеко внизу в противоположную сторону от оставшихся позади огней медленно, но все шире растекалось светлое пятно. Это из-за гор вставал рассвет.

Но пока он придет на ту землю, на которую он сейчас опустится, пройдет еще немало времени.

Где-то в воздухе сейчас находится и Сергей. Он должен был оставить самолет ровно на три минуты позже. Три минуты при такой скорости и высоте, это очень много. Значит, Сергей висит сейчас в небе не менее чем в двух десятках километров от него.

В воздухе было тихо. Тяжелое тело туго натягивало стропы. Шли минуты за минутами. Наконец, он почти ясно услышал под ногами неясный приглушенный шум. Этот звук был знаком ему с детства. Так мог шуметь, пробиваясь сквозь камни, только горный поток. Он весь напрягся, и в этот момент коснулся ногами ветвей. Они податливо расступились, и еще через несколько секунд Тагир упал на бок, на мягкую траву.

Парашют, к удивлению, легко поддался усилиям. Тагир свернул его на ощупь в темноте и лег на мягкую шелковую ткань, с наслаждением вытянув свое тело.

Наконец за столько лет он был на родной земле. Родной? Имел ли он право называть ее так?

Над головой мягко шелестели листья, где-то далеко внизу ровно и глухо шумел горный поток.

Тагир не мог точно определить, где он сейчас находится. Но вполне возможно, что когда-то очень давно, в пору своей молодости, он мог проходить именно по этой земле, мимо этого дерева, под которым сейчас лежал, и мог точно так же вот трогать руками его влажную шероховатую кору. А в той речке, что шумела внизу, мог ловить форель на самодельные, сделанные неумелыми мальчишечьими руками крючки...

Вот тогда все окружающее его и было его собственностью. И его ближайшего друга Джамбота. И всех других, кто жил на этой земле.

Земля пахла перепрелыми листьями и свежей травой. И он вдруг почувствовал, что так может пахнуть только именно эта земля, та, которую он оставил много лет назад. Нигде, никогда за последние два десятка лет он не ощущал подобного запаха.

И ему почему-то захотелось уснуть. Прямо сейчас, на этой траве, вдыхая в себя растревоженные запахи детства.

Пока рассвет придет сюда, пройдет еще не менее двух часов.

Тагир закрыл глаза. И снова закачалась перед ним выжженная солнцем, пробитая пулями земля Керченского перешейка. Снова он шел в расстроенных рядах раненых, еле передвигавших ноги людей. Вода в выдолбленных камнях, из которых пил скот. И одно только слово, которое плыло над колонной — «лос, лос»...

А потом тесный товарный вагон, стоны, прерывистое дыхание и стук колес под ногами. Мертвых выбрасывали на редких остановках, и опять стук колес, и опять стоны.

Лагерь, в который он попал, лежал у самого подножия синих, покрытых дубовыми лесами гор. Издали они напоминали ему родные — Кавказские. Но только издали. На второй день он узнал, что это были Карпаты.

Тех, кто мог работать, гоняли валить деревья. Огромные столетние великаны. Их увозили на какое-то строительство.

Утром и вечером брюквенный суп и сто граммов хлеба, если этот сырой мякиш можно было назвать хлебом. В редких случаях похлебка из внутренностей конины.

Огромная, всегда распахнутая яма-могила для умерших заполнялась быстро. Недавно выкопали одну, через несколько дней уже роют другую.

Тагир был уверен, что не далек и его черед.

А рядом призывно синели горы. Густые леса на их склонах как бы обещали приют и защиту. Но как туда уйти? Как обмануть охрану, преодолеть двойную линию колючей проволоки и главное — как побороть оставшуюся от контузии слабость? Работа отнимала все силы до последней капли.

Тагир уже давно приметил несколько парней из соседних аулов. Кое-кого он знал, кое-кого просто помнил в лицо. Но во время работы трудно было перекинуться словом. Охранники бдительно следили за тем, чтобы никто не отвлекался от дела. А ночью поговорить было совсем невозможно — они находились в разных бараках.

Одного из этих адыгейских парней Тагир знал по имени. Звали его Хасан, в мирное время он работал в райсельторге. Кем — Тагир не знал, но помнил, что тот работал именно там, отлично.

В последнее время Тагир начал замечать, как вокруг Хасана и еще одного русского белобрысого парня во

время работы как-то незаметно собираются одни и те же люди. Еще один русский — неразговорчивый и три адыга. Тагир был уверен, что все это неспроста. Во время короткого отдыха он, растянувшись на траве, вяло наблюдал, как они о чем-то вполголоса беседовали. Но стоило приблизиться охраннику, как сейчас же замолкали. Большего Тагир заметить не мог, потому что ценил каждую секунду отдыха — вялость в мышцах и головокружение никак не пропадали.

Однажды, когда они рубили лес в стороне от дороги, Хасан оказался к Тагиру ближе, чем обычно. Показал глазами на срубленную ветвь и взялся за один ее конец. Они потащили ее в штабеля, и, когда укладывали, Хасан, незаметно нагнувшись к нему, тихо сказал по-адыгейски:

— Надо бежать, Тагир. Иначе здесь мы погибнем.

Бежать? Разве Тагир сам не думал об этом? Но как? Ведь даже сейчас, когда они вдвоем перетащили эту тяжелую ветвь, у него мелко дрожали ноги. Нет, в таком состоянии он может стать для других только обузой. Из-за него могут погибнуть и все остальные.

Тагир покачал головой.

— Нет, Хасан, у меня нет сил. Уходите сами... Если удастся уйти, передай привет жене, маленькому Алкесу. На большее я сейчас не годен. Да,— добавил он, поправляя ветвь,— и еще скажи Мерем, если увидишь ее, что Джамбот погиб. Как герой. Я сам это видел.

Хасан больше ничего ему не сказал. И больше не подходил к нему. Поверил ли он Тагиру, что у того действительно не было сил для побега, или решил, что тот струсил? Этого Тагир так и не узнал.

Через неделю всех обитателей бараков подняли на рассвете. Пошатываясь от усталости, от тяжелого, не ушедшего еще сна, они стояли на плацу, прижавшись друг к другу. Рядом с комендантом лагеря Тагир увидел незнакомого человека. У него было бледное невыразительное лицо и тонкие губы. Между ним и комендантом, прижавшись к черным раструбам галифе, стоял коричневый, исполинского размера дог.

Комендант поднял руку, после того как капо и начальники блоков установили тишину, поглаживая другой рукой крутую холку дога, что-то сказал незнакомому Тагиру человеку, тот кивнул головой и на совершенно правильном русском языке прокричал:

— Свиньи!.. Вы самые настоящие свиньи! Все. Германское командование проявило к вам величайшее снисхождение, оно сохранило вам жизнь, дало работу. Оно вас кормит. Вы отвечаете на это черной неблагодарностью. Сегодня ночью несколько человек пыталось бежать из лагеря в горы к бандитам, которые называют себя партизанами. Но обмануть нас никому не удастся. Запомните это все. И тот, кто попытается это сделать, ждет участь тех, кто сейчас понесет здесь перед вами заслуженную кару!

Комендант снова поднял руку в черной перчатке, и в конце шеренги заключенных показалась группа людей, окруженная автоматчиками. Первым шел Хасан. Остальные были те, кого в последнее время Тагир видел вместе с ним. Не хватало только одного русского, не разговорчивого и мрачного. Но Тагир сейчас же увидел его. Два дюжих капо за ноги тащили его тяжелое тело по земле. Голова с закрытыми глазами качалась из стороны в сторону, подпрыгивая на кочках.

Всех шестерых поставили перед строем. Седьмого бросили около их ног. Тагиру в этот момент показалось, что он был еще жив. Один глаз открылся и смотрел прямо на безмолвную шеренгу пленных. От этого взгляда Тагиру, да, наверное, не только ему одному, стало не по себе. Он словно спрашивал у всех: почему вы молчите, почему допускаете все это?..

— Смотрите же,— снова прокричал в этот момент стоявший рядом с комендантом.— Такая участь ждет всех!..

Наступила тишина. Все опустили головы.

Комендант посмотрел на безмолвные ряды и что-то вполголоса сказал одному из начальников блоков. Тот отдал короткую команду с угодливым видом окружавшим его капо, и те немедленно бросились к шеренгам.

— Поднять головы! — заорали они.— Поднять головы, свиньи!.. Смотреть туда, прямо на них. Кто отвернется, станет рядом с ними!

Раздались глухие удары палок.

Люди молча и нехотя поднимали головы. И в этот момент один из приговоренных, совсем еще молодой паренек, пошатнулся и тяжело осел на землю. К нему бросились охранники. Схватив за шиворот, они пытались поставить его на ноги. Но они бессильно подгибались. После некоторых попыток они поняли, что тот мертв. У парня не выдержало сердце.

— Свиньи,— снова прокричал тот же самый немец,— трусливые свиньи! На расплату у вас не хватает мужества. Ну, как остальные, может быть, они тоже предпочитают умереть от страха? А?

Все молчали. Тагир видел лицо Хасана. Оно было печальным и суровым. И вдруг их глаза встретились. Тагиру в это мгновение показалось, что Хасан улыбнулся. Ободряюще улыбнулся, словно не Хасан, а он, Тагир, находился сейчас в одном шаге от смерти.

Комендант поднял затянутую в перчатку руку, а тот, кто переводил его слова, снова крикнул:

— Смотреть, всем смотреть, кто отвернется, сейчас же займет их место!

Хасан снова смотрел на Тагира, только на него, он что-то хотел сказать, слова уже были на его устах, это Тагир видел настолько ясно, что даже напряг слух. И в эту минуту раздался голос коменданта. И сейчас же его покрыл треск автоматных очередей. Хасан рванулся вперед, и в этот момент Тагир ясно услышал его голос:

— Тагир, передай, передай...

Он захлебнулся и медленно повалился на землю.

Тагир даже не заметил, как ткнулся в спину стоящего впереди пленного. Кто-то схватил его за руку, больно рванул, поставил в ряд на место. Находись в этот момент Тагир ближе к коменданту и его приспешнику, он, пожалуй, бросился бы на них, не раздумывая о последствиях. Но теперь он опомнился и снова замер в общем ряду. Хорошо, что никто из охранников не заметил его порыва. Пользы бы Тагир не принес никому, но одним трупом рядом с теми, что сейчас лежали, пришитые пулями, стало бы больше.

И он стоял, пошатываясь от ненависти, от бессильной ненависти, чуть ли не до боли впиваясь сжатыми пальцами в ладони рук.

И вдруг Тагир заметил, как Хасан пошевельнулся. Кажется, он хотел подняться. Первым после него это заметил переводчик. Он вынул пистолет и нагнулся, почти доставая концом ствола голову Хасана. Раздался выстрел. В этот момент вся ненависть Тагира обратилась не на коменданта, не на подобострастно согнувшихся около него капо, не на только что разрядивших в Хасана и его товарищей охранников автоматную очередь. Больше всего и непримиримее он ненавидел сейчас этого че-

ловека с бесцветным лицом и тонкими губами, спокойно и деловито рассматривавшего пробитую его пулей голову Хасана. Ему показалось, что он рванулся вперед, что он сейчас вопьется руками в жилистое горло стрелявшего. Но все это ему только казалось, потому что даже ненависть уже не могла придать сил его измученному трудом телу. И он стоял, как и все рядом с ним, покачиваясь на ослабевших ногах.

Два дня все шестеро лежали у края дорожки в нескольких метрах от колючей проволоки, отделявших пленных от воли. И два раза в день на работу и после работы всех их проводили мимо казненных. И тех, кто пытался опустить голову, снова били палками. Но Тагир сам теперь не опускал ее, он смотрел на запекшуюся кровь на голове Хасана, теперь он был спокоен, только левая контуженная сторона лица наливалась острой болью.

Через месяц после гибели Хасана, доведенный до полного отчаяния издевательствами охранников, он все-таки решился бежать. Во время работы ему и еще шестерым удалось перехитрить охрану. Но навряд ли это сулило бы уйти далеко, если бы не трагическая случайность, ставшая для него счастливой. Когда преследователи находились в каких-то нескольких сотнях метров от них, сверху обрушилась каменная лавина. Их спаслось двое — он и еще один парень с Волги. Но зато преследователи отстали. Решили, наверное, что все погибли.

Спустя некоторое время они встретили еще одного худощавого сутуловатого парня, бежавшего из другого лагеря. Звали его Сергеем. Вскоре они остались вдвоем — третий не выдержал напряжения и умер.

А потом...

Тагир открыл глаза и увидел тонкую ажурную листву над головой. Темнота медленно рассеивалась. Высокое небо становилось серовато-белым. Все так же ровно и глухо шумел где-то внизу горный поток. Но теперь в его неумолчный шум вплетались неясные голоса. Лес медленно просыпался. И вдруг где-то совсем рядом ясно и отчетливо засвистела синица.

Тагир сел и осмотрелся. Он лежал на небольшой поляне, заросшей сочной травой. Со всех сторон ее кольцом окружали молодые дубки. Тагиру повезло — он опустился почти в самый центр этой поляны. А вот Сергею... Сопутствовала ли такая удача и ему?

Он быстро сложил парашют и пошел через поляну на шум потока. Метров через двести перед ним открылась еще одна поляна. На противоположном краю ее лежали большие замшелые валуны. А еще дальше была глубокая расщелина с неровными узкими трещинами. По-видимому, она уходила вниз к ущелью, на дне которого и шумел поток.

Тагир остановился около одной из особенно глубоких трещин и бросил туда сверток с парашютом. Он заскользил по неровным стенкам и застрял между ними далеко внизу. Потом Тагир подкатил к краю расщелины один из небольших валунов и столкнул его вниз следом за свертком. Валун упал точно на него, увлекая за собой мелкие камни и комья земли. Когда рассеялась поднятая им пыль, отсюда сверху нельзя было заметить ни малейших следов сброшенного свертка. А опускаться вниз навряд ли кому могло прийти в голову.

Первая задача была решена. Оставалась вторая. Тагир еще раз осмотрелся, перекинул через плечо холщовую сумку, какие в этом лесу носили лесорубы, и хотел двинуться снова через лес, чтобы поискать тропинку, ведущую к дороге. Там, где много людей, на него вряд ли кто обратит внимание. Но прежде надо было полностью избавиться от прошлого. Он сделал несколько шагов к лесу. Где-то совсем недалеко от себя он услышал шаги. Кто-то шел через лес, раздвигая шелестящие ветви руками, и что-то чуть слышно пел, пел на знакомом ему с самого рождения адыгейском языке. Звонкий чистый голос с каждым мгновением становился все отчетливее и яснее. Еще десятка два шагов, и человек этот выйдет из-за деревьев.

Не раздумывая, Тагир упал на землю, за первый валун, плотно прижавшись телом к холодному, покрытому зеленоватым мхом камню...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Майор Карабетов постучал в дверь.

— Войдите,— произнес за ней низкий знакомый голос.

Полковник Смирнов сидел за столом и просматривал бумаги. Он приехал ночью, и майор его еще не видел.

— Садитесь,— сказал полковник.— Ну, что с Джабаевым? Не зря вас побеспокоил?

— Пожалуй, даже с некоторым опозданием, товарищ полковник,— ответил майор.— Я думаю, нам надо было раньше заняться обстоятельствами гибели лесника. Помоему, здесь все обстоит не так просто, как это сказано в протоколе участкового уполномоченного. По моему мнению и по мнению лейтенанта Арбаняна, предположение о несчастном случае чрезвычайно сомнительно. Кстати, это мнение разделяет и Джабаев.

— Вот как? — полковник внимательно посмотрел на него.— И на чем же основаны эти соображения?

Карабетов рассказал о встрече с Джабаевым, о его находке и обо всем том, что с ней было связано.

— Ну и что же добавил ко всему этому Джабаев, после того как вы снова встретились с ним? — уже с явным интересом спросил полковник.

— Не очень много, товарищ полковник. Повторил, не верит, что лесник мог сорваться в пропасть, влезая на дерево.

— Подождите,— сказал полковник,— вы уже отдали на исследование найденный кусок веревки?

— Так точно, товарищ полковник, веревка сплетена из синтетических волокон, обладает очень большой крепостью. Но в ней нет ничего необычного. Такие толстые и крепкие шнуры используются сейчас даже в быту. Сделана она, по данным экспертизы, не за границей, а у нас. На парашютные стропы подобные шнуры не употребляются.

— Так,— сказал полковник,— но все-таки что же конкретно опровергает версию о несчастном случае? Не будем пока говорить, каким образом оказалась обнаруженная Джамботом веревка на корне дерева, и о том, кто и для чего ее привязал. Сейчас нам важно установить, какие факты говорят за то, что гибель лесника явилась следствием несчастного случая и какие этому противоречат. И на чьей стороне преимущество. Насколько мне известно, ружье лесника было найдено лежащим наверху около дуба. Значит, в момент падения оно не было перекинуто через его плечо, а вот его палка, с которой он обычно совершал обходы участка, не найдена. Значит, перед тем, как сорваться в пропасть, он снял с себя ружье, но палку оставил при себе. Для чего это было ему нужно? Как по-вашему?

— Ружье он снял для того, чтобы можно было лечь на землю и заглянуть в пропасть, — после короткой

паузы ответил Карабетов, подумав в этот момент, что полковник несомненно познакомился с делом о гибели лесника, если ему были известны такие детали. Только когда это он сделал — до своего отъезда или уже после? Но во втором случае ему пришлось бы использовать для этого ночь.

— Допустим,— кивнул головой полковник,— но палка, зачем ему понадобилась в этом случае палка? Ведь, как я понял из вашего рассказа, вам для того, чтобы сделать то, что, по вашим словам, сделал лесник, то есть лечь на край обрыва и заглянуть в него как можно дальше, понадобилась помощь лейтенанта. А ведь вчера еще не было дождя.

— Все-таки он старый опытный человек, товарищ полковник.

— Старые и опытные люди тоже иногда совершают роковые ошибки, майор. С этим я согласен. Любопытство могло на какое-то мгновение взять верх над простой осторожностью. Это бывает и с очень бывалыми людьми. Нет, одних предположений мало. Нужны веские и твердые факты, опровергающие случай. Тогда все это происшествие приобретет совершенно другую окраску. Тогда мы уже можем с полным основанием предполагать, что оставил эту веревку на корне дерева не просто какой-нибудь турист. И делать из этого соответствующие выводы. Я думаю, вам с лейтенантом надо продолжить исследования места происшествия. И вести его до того, пока вы не придете к какому-то одному бесспорному выводу.

— Слушаюсь, товарищ полковник,— сказал Карабетов.— Разрешите приступить к выполнению прямо сейчас? — Он хотел добавить, что, кажется, знает, почему палку лесника не нашли наверху около дуба. Да, она вместе с лесником упала в пропасть, и поток, по всей вероятности, унес ее. Палка была в руках у лесника. Она заменяла ему веревку, с помощью которой Карабетов подтянул к себе корень. Но он этого не сказал. Надо было все проверить. И потом палка могла еще найтись наверху, где-нибудь в кустах.

— Да,— кивнул головой Смирнов.— Еще одну минуту. Последние дни вдоль нашей границы, особенно в ночное время, отмечаются частые полеты чужих самолетов. Как правило, они курсируют на очень большой высоте и линии границы не нарушают. Однако проходят на очень близком, я бы сказал, критическом расстоянии от этой

линии. Возможно, в этом нет и ничего из ряда вон выходящего. Но в эти дни нам нужно быть особенно внимательными. При благоприятном направлении ветра, благоприятном, конечно, не для нас, вполне можно ожидать с той стороны любые сюрпризы. А такое направление ветра,— полковник пододвинул к себе лежащий на столе листок бумаги,— господствовало во вторник, в пятницу и субботу. Так что в лесу будьте особенно внимательны. И не только к тому, что касается обстоятельств гибели лесника,— он встал.— Ну вот, теперь, пожалуй, все...

Полковник вышел из-за стола и подошел к Карабетову.

— Еще раз напоминаю, будьте предельно внимательны. Если действительно здесь не несчастный случай, а нечто другое. Там у меня на столе записи переговоров коротковолновиков, работающих в нашем районе. Всех их мы знаем, всем верим. По крайней мере, должны верить, так как никаких оснований для того, чтобы подозревать кого-то из них в нечестности, у нас нет. Но вот в передачах, идущих на них, есть нечто не совсем обычное. Трижды передается одна и та же фраза на наших коротковолновиков-любителей. Позывные радиолюбителя-коротковолновика из Багдада. С ним ведут переговоры, во всяком случае, вели, несколько из наших любителей. В том числе братья Касимовы. Вы их знаете?

— Один из них преподаватель английского языка? — спросил майор.— Что живет в Рамбесном?

— Вот именно,— кивнул головой полковник.— Фраза, которой заканчивается передача, звучит примерно так: «Желаю вам всего самого доброго»...

— Простите, товарищ полковник,— с некоторым недоумением сказал Карабетов,— но это самая обычная фраза, которой обычно заканчиваются все передачи любителей.

— Возможно,— кивнул головой полковник, — но я сказал — фраза эта звучит примерно так,— он подчеркнул последнее слово,— в ней всегда меняется порядок слов. Например: «самого доброго желаю вам» или «доброго самого вам желаю» и так далее.

— Но что говорят по этому поводу сами любители, товарищ полковник? Их об этом спрашивали?

Смирнов покачал головой.

— Пока нет. Если судить по их ответным переда-

чам, никто из них не принимает эти передачи на себя. Во всяком случае, ни один на них не отвечал. Однажды попробовал это сделать учитель, но его запрос остался без ответа.

— Товарищ полковник, — медленно произнес Карабетов, смотря прямо в лицо Смирнова, — вы считаете, что все это имеет какое-то отношение к гибели лесника?

— Не будем опережать события, майор, — полковник снова пошел к столу. — Но если только ваши предположения о том, что эта смерть была насильственной, подтвердятся... Что ж, тогда такая возможность будет не исключена. Ну, а теперь все. Не теряйте больше времени. Желаю удачи,— он протянул Карабетову руку и пошел к своему креслу.

Майор вышел. Лейтенант ждал его в их общем кабинете. Перед ним лежал на столе тот самый обрывок шнура, до которого он с таким трудом добрался вчера утром. Арбанян рассматривал его с таким вниманием, что Карабетов невольно улыбнулся.

— Хотите получить от него ответ,— спросил он,— на все интересующие вас вопросы? Было, если помните, такое письмо: система узелков на шнурках. У древних майл. Но на этом кусочке, к сожалению, только один узелок, да и тот ровно ни о чем не говорит.

— Да,— Арбанян наморщил лоб.— Но кому и за каким чертом все-таки могла прийти мысль завязывать его над пропастью, где проще простого сломать себе шею?

— Вот это нам и придется выяснить,— сказал майор.— Выяснить, как бы трудно это ни было.

— Товарищ майор,— произнес Арбанян, как и прежде не отрывая глаз от обрывка шнура,— а что, если это сделал сам лесник? И в тот самый момент, когда отрезал вторую сторону, потерял равновесие и упал.

— Но если он обрезал шнур, значит, на нем что-то было. Вы полагаете, что оно могло упасть вместе с ним в воды реки?..

— Вот именно, товарищ майор,— подтвердил лейтенант, хотя в голосе его не звучало никакой уверенности.— И тогда...

— И тогда мы отрезаем все пути для дальнейшего расследования,— закончил майор.— Нет, лейтенант, давайте-ка пока оставим все предположения, звоните дежурному, чтобы машина выезжала. Приготовьте всю нашу вчерашнюю спецодежду. Через десять минут мы выез-

жаем. И ни я, ни вы не сядем за свои столы, пока у нас не будет совершенно обоснованная версия того, что произошло в лесу.

Через пятнадцать минут они проезжали уже по центру города. Смотревший в окно Арбанян вдруг совсем некстати спросил:

— А как Саида? Кто поведет ее сегодня в музыкальную?

— Она уже там,— недовольно ответил Карабетов. Забота лейтенанта о его дочери сейчас показалась ему совсем неуместной, хотя в другое время она, возможно, и была бы приятна майору. Но, когда есть дело — надо жить только делом, пока оно не будет доведено до конца. Таково было убеждение Карабетова, и он старался ему не изменять. Во всяком случае, в тех обстоятельствах, когда это было возможно.

* * *

Машина, оставив их на том же самом месте, что и в прошлый раз, ушла обратно в город. Вернуться она должна была перед самым вечером, когда в наступающей темноте делать в лесу было уже нечего.

Прежде всего Карабетов и Арбанян направились к домику Джабаева. Еще не доходя до него, они услышали пение. Молодой и свежий девичий голос далеко разносился под кронами деревьев. Пела несомненно девушка. Наверное, дочь Джабаева.

Лесника они встретили на тропинке, ведущей к дому. Он шел своей размеренной легкой походкой, и ружье, как обычно, висело за его спиной. Он остановился и, поздоровавшись, сказал:

— Поет, слышите, все время поет. Не знаю, что делать. Только из школы придет, сразу поет. Ей-богу, не знаю, что делать,— повторил он.

— Сколько ей лет? — спросил Арбанян.

— В восьмом классе. Пятнадцать недавно исполнилось. Ей говоришь, уроки делать — это главное. Школу надо кончать на медаль, а она поет. Утром встает — поет. Вечером спать ложится — поет. Бедная Мерем тоже не знает, что делать...

— Значит, призвание,— снова сказал лейтенант.— Надо посоветоваться со специалистами. Пусть проверят голос, слух... Хотите, я поговорю с Ираидой Ивановной?

— С кем? — спросил Карабетов, невольно приостановившись.

— С Ираидой Ивановной,— спокойно сказал Арбанян.— С преподавательницей Саиды.

— Вы с ней знакомы? — майор с некоторым удивлением посмотрел на лейтенанта.

— Пока нет,— так же спокойно ответил лейтенант,— но для такого случая можно и познакомиться. Когда у человека талант — жаль, если пропадет. Разве вы считаете, это не так?

— Нет,— пробормотал майор,— я считаю, что это так. Но только... Однако оставим это пока. Поговорим о деле. Слушай, Джамбот, нам нужна веревка, хорошая крепкая веревка, не та, что лежит у тебя около дуба, а значительно длиннее. Чтобы доставала до самого дна обрыва. До берега реки. Ты мне как-то об этом говорил. Мне кажется, она у тебя есть.

— До самого дна? — переспросил Джамбот, совсем не удивившись этой просьбе.— Это, значит, метров сорок. Правильно я говорил. Есть даже больше. Тут у меня в середине лета туристы останавливались, они и оставили на хранение. И не только веревку. Скобы и все, что нужно для подъема.

— Нам скорее нужно для спуска,— сказал Карабетов.— Если у тебя есть время, пойдем с нами к поляне.

— Обход я уже сделал, часа два имею. А потом надо пройти по участку, что прилегает к дороге. К концу рабочего дня машины в райцентр возвращаются. Порожняком. Так не всех это устраивает. Есть такие, что дровами заполнить кузова норовят. Распустил их старый Мирзабеч, да не будет недобрым словом упомянуто его имя!

— Послушай, Джамбот, — сказал майор, когда они, захватив моток крепкой альпинистской веревки, шли к поляне.— Ты и сейчас считаешь, что гибель Мирзабеча не случайна?

— Этого я не говорил,— покачал головой Джабаев,— не говорил... Чтоб так сказать, надо основания иметь. Я только никак не верю тому, что слышал потом от нашего участкового. Что будто Мирзабеч забрался на дерево, чтобы поправить сломанную ветвь, и оттуда сорвался вниз... Я думаю, что он тоже увидел тот кусок белой веревки и хотел его достать...

— Кусок веревки? — спросил майор.— Но зачем ему нужен был простой кусок веревки?

— Но ведь она обрезана... значит, на ней тогда что-то было.

— Правильно,— кивнул головой Карабетов,— ты правильно мыслишь, Джамбот. Но что? Вот в чем вопрос?.. Как ты думаешь, что может прятать человек, привязывая к корням дерева, над пропастью?

— Что-то очень важное. Чтоб никто не видел и не знал.

— Хорошо, давай допустим, что кто-то попытается это сделать снова. Удастся ли ему это, чтобы ты этого не заметил? Как тебе кажется, Мирзабечу было почти шестьдесят,— после короткого раздумья сказал Джамбот,— мне на десять лет меньше. То, что увижу я, мог не увидеть Мирзабеч. Но Мирзабеч мог не увидеть один, два раза. А потом увидел бы. Если человек был посторонним.

— И если все-таки Мирзабеч не обратил на него внимания? — быстро спросил Карабетов.

— Значит, он был местный или из лесхоза.

— Правильно,— сказал Карабетов.— Я тоже так думаю. А сколько работников в лесхозе? Тех, что работают в лесу?

— Наверное, больше ста,— сказал Джамбот.— Во всяком случае, не меньше. А если считать вообще всех, то раза в два больше.

— Все это не особенно утешительно,— сказал Карабетов.— Ну, ладно, пока давай веревку, пойдем к обрыву.— И, когда Джамбот подошел к дому и скрылся за густым кустарником, окружающим его двор, посмотрел на Арбаняна, который снова впал в непривычную для него задумчивость.— Ну что, лейтенант, теперь моя очередь? Как вы считаете?

Арбанян внимательно окинул глазом приземистую фигуру майора, словно только впервые ее увидел, и очень серьезно спросил:

— Вы когда в последний раз взвешивались, товарищ майор?

— Я? — майор засмеялся. — Допустим, неделю назад. Уверяю вас, за это время я не очень отяжелел.

— И все-таки сколько было на весах?

— Восемьдесят или восемьдесят два,— не совсем уверенно ответил Карабетов.

— А я взвешивался только вчера, — сказал Арбанян. — Семьдесят четыре кило. А восемь килограммов

над пропастью — это не так мало. Спросите об этом хотя бы Джабаева.

Лесник подходил в это время к ним, держа в руках моток крепкой альпинистской веревки, в другой у него были несколько скоб и пара ботинок с металлическими шипами.

— О, да тут все, что надо,— обрадованно произнес лейтенант,— хоть сейчас на Казбек! — он взял из рук лесника ботинки, быстро осмотрел их и бросил торжествующий взгляд на Карабетова. — Какой у вас размер обуви, товарищ майор?

— Сорок третий,— сказал Карабетов,— вам же это известно.

— В таком случае, судьба решила не только с килограммами в мою пользу — ботинки сорок один с половиной, что вполне соответствует моему размеру. Это вам тоже отлично известно...

— Вечный счастливчик! — засмеялся Карабетов.— Что ж, будем надеяться, что когда-нибудь повезет и мне. Ну, а теперь,— произнес он уже с полной серьезностью,— не будем терять времени...

— Джамбот, Джамбот! — донеслось со стороны домика.— Подожди минутку.

Лесник остановился. Карабетов и Арбанян, пройдя несколько шагов, сделали то же.

По тропинке торопливо шла женщина.

— Добрый день! — сказала она мягким грудным голосом.— Почему гости проходят мимо и не заходят в дом?

— Потому, что мы не гости, Мерем, — ответил майор.— У нас есть дела, и, когда мы их закончим, если разрешишь, непременно зайдем в твой дом.

— Ты же знаешь, об этом не принято даже спрашивать,— улыбнулась жена Джамбота.— Мы будем рады тебе и твоему товарищу. А теперь я хочу, если разрешите, спросить у Джамбота, поедет ли он в ближайшие дни в город. Если нет, я поеду сама. Но тогда...

— Тогда тебе нужно будет уже сегодня начать к этому готовиться? — улыбнулся Джамбот.— Тебе все кажется, что ты прежняя Мерем. Ну ладно,— мягко добавил он.— Поезжай, я присмотрю за всем, сделаю обход немного раньше...

— Уж не ревнуешь ли ты меня, муж мой? — засмеялась Мерем.— Когда женщине за сорок, об этом пора забыть...

Арбанян во время этого разговора исподволь осматривал жену Джамбота. Раньше он кое-что слышал о ее красоте, но увидел ее впервые. Действительно, в ней было гармонично и совершенно все. И статная стройная фигура, и полуоткрытые сейчас, чуть покатые плечи, и тонкая гибкая шея, и черты лица с тонким прямым носом и большими, темными, как осенняя ночь, глазами. А было ей наверняка уже за сорок. Как же она выглядела в лучшую пору своей молодости?

И рядом с ней бородатый Джамбот, похожий на жителя необитаемого острова. Два эти человека настолько не подходили друг к другу, что Арбаняну стоило большого усилия представить сейчас, что были они мужем и женой. Но он тотчас же вспомнил историю их любви. Ведь она зародилась еще тогда, когда Джамбот был молодым стройным парнем, и огонь горящего танка не успел опалить его лица. И Арбанян вдруг почувствовал такое уважение к этой стройной, все еще удивительно красивой женщине, что ему захотелось подойти к ней и пожать ей руку. Но он, конечно, не сделал этого. Он только спросил:

— Это пела ваша дочь? Мне кажется, у нее довольно приятный голос.

— Да,— Мерем довольно улыбнулась.— А вот Джамбот говорит, что Сана только даром тратит время. Что ей лучше лишний раз решить задачку по математике.

— Я думаю, одно другому не мешает, — сказал лейтенант, в то время как Джамбот недовольно посмотрел на жену.— Почему бы вам как-нибудь не показать ее специалисту по пению?

Жена Джамбота вдруг совсем смешалась и покраснела.

— Я не знаю, — пробормотала она растерянно. — Если Джамбот хочет...

— Ладно, ладно,— недовольно произнес Джамбот.— Поговорим об этом потом, а сейчас нам надо идти.

— Так заходите,— донесся уже издалека голос Мерем.— Непременно заходите.

Лесник шел впереди, хмуро опустив голову. Арбаняну стало даже немного неловко: не начатый ли им разговор испортил ему настроение? Зачем действительно вмешиваться в чужие дела. Но ведь голос девочки и верно показался ему и чистым, и свежим, и достаточно сильным. И это в лесу. А если в закрытом помещении с

хорошей акустикой? Нет, если они зайдут в дом к Джамботу, он непременно вернется к этому вопросу. Даже если Джамботу этот разговор будет не особенно приятен. Они дошли до поляны у обрыва, на краю которого и рос уже знакомый им дуб. Прежде всего они самым тщательным образом осмотрели поляну и весь росший по ее краям кустарник. Прошли по тропинке, по которой должен был идти к дубу лесник в тот роковой для себя день. Палки нигде не было. Оставалось вернуться к прежнему выводу: в момент падения в пропасть лесника она была у него в руках. Через час они все вернулись к дубу.

Лейтенант, кажется, полностью убедил Карабетова, что спускаться и на этот раз нужно ему, потому что последний на этот раз не сказал ни слова, когда Арбанян стал готовиться к спуску. Джамбот молча разматывал канат, а потом стал крепить один его конец к стволу дуба.

— Как ты думаешь,— спросил майор,— сколько метров до дна?

— Не меньше тридцати,— подумав, ответил лесник.— Я был внизу у берега речки только три раза. Два, когда шел по ее берегу от истоков. Один раз спускался с той стороны. Но там обрыв раза в три меньше. Сейчас вода большая, и берега внизу осталось совсем немного. Только ногами стать — не больше. Но на обрыве внизу кустарник, молодые пихты, ели. Я снизу видел. Чем ниже, тем гуще. Это хорошо. Будет за что цепляться.

— Это плохо, — сказал Арбанян. — Если то, что было прикреплено к корню, действительно упало вниз. Попробуй найти. Не обшаривать же каждый кустик! На это и месяца не хватит.

— И все-таки это лучше, чем если бы скала была совсем голой. Тогда любой предмет не остановился бы при падении до тех пор, пока не упал бы в воду. А на трудности давайте не жаловаться. Их еще нам предстоит преодолеть немало. Вы готовы?

Арбанян кивнул головой. Он успел уже снять кирзовые сапоги и плотно зашнуровать на ногах альпинистские ботинки. Брезентовую куртку он с себя сбросил и остался в одной клетчатой рубашке с длинными рукавами. Джамбот снова, как и в прошлый раз, крепко обвязал его концом каната подмышкой, пропустил канат за ствол дуба, и лейтенант осторожно лег на срез обрыва, спустив вниз ноги. Канат в руках майора и лесника натянулся как

струна. В следующее мгновение Арбанян соскользнул вниз и повис над обрывом.

Сейчас пропасть под его ногами показалась ему значительно глубже. Наверное, потому, что теперь ему предстояло опуститься на дно, а не висеть всего несколько минут у самого ее края. И еще, наверное, потому, что теперь спуск должен был длиться не менее чем полчаса. Ведь на пути вниз придется осматривать каждую расщелину, каждый встретившийся на пути кустик и веточку.

Сейчас лейтенант висел приблизительно на уровне срезанного вчера им корня дерева. Он мог протянуть руку и достать его. Но корень ему не был нужен. Сейчас его интересовали ростки плюща, обвивавшие хвойные деревца, росшие из расщелин. Он медленно ощупывал их руками, стараясь обнаружить в их зелени посторонний предмет. Канат опускался медленно, чуть заметными рывками, и Арбаняну не доставляло большого труда осматривать каждый кустарник или молодые побеги. Они договорились, что, если на пути его встретится что-то подозрительное, он похлопает рукой по туго натянутому канату. Или крикнет. Но пока в этом не было нужды. Как внимательно ни осматривал Арбанян расщелины и растения, медленно уходящие вверх, как ни ощупывал их руками, ничто не вызывало ни малейших подозрений.

Чем ниже опускался Арбанян, тем ощутимее становился влажный сумрак, поднимающийся со дна потока. Когда с противоположной стороны начала уходить в небо правая, более низкая сторона ущелья, легкий сумрак превратился в полумрак.

Однако на близком расстоянии все было видно довольно отчетливо.

Поток под ногами шумел теперь все громче и угрожающе. Если бы даже оставшиеся наверху захотели окликнуть лейтенанта, он бы ничего не услышал. С каждым метром гул все усиливался, и временами Арбаняну казалось, что это тугая струна звука, рвавшаяся вверх, раскачивает его тело на канате. Тогда он плотнее прижимался к скользкому камню или к кривым стволам карликовых деревьев.

Как и говорил Джамбот, ниже растительность становилась все гуще. Но теперь это были уже не деревья и кустарники, а какие-то ползучие растения, лишайники и бархатистый зеленый мох. Если предмет, который мог упасть сверху, был небольшого размера, искать его

здесь, пожалуй, было безнадежным делом. Помочь мог разве только счастливый случай.

Еще несколько метров, и лейтенанту пришлось включить фонарик, висевший на груди. Короткий его луч лег на влажный камень, покрытый блеклой зеленью растений.

Еще через несколько метров Арбанян ощутил водяную пыль, густо висевшую над бьющимся в камнях потоком.

Он направил луч фонаря вниз. Вода пенилась в двух-трех метрах от его ног. Поток был неширок, не более десятка шагов поперек, но попасть в него было не особенно приятно. Ни один человек не устоял бы на ногах даже у самого его края. Два-три мощных удара об острые камни — и выбраться из него уже не удалось бы вообще никому.

Но Джамбот и здесь оказался точен. У самого подножия круто вздымавшейся вверх скалы темнел узкий карниз, который не заливала вода. Он был достаточно широк не только для того, чтобы можно было на него стать, здесь можно было даже сесть. Некоторую помеху, для того чтобы стать на твердую опору, представлял собой большой куст, который находился прямо под ногами лейтенанта. Но опускали его настолько плавно и медленно, что он сумел отодвинуть его в сторону ногами и стать на мокрый, обдаваемый мелкими водяными брызгами карниз.

В тесном ущелье вода ревела так, что о том, чтобы его голос донесся до верха, нечего было и думать. Но Джамбот и майор поняли, что он добрался до основания ущелья. Канат ослаб ровно настолько, чтобы дать возможность лейтенанту свободно двигаться, и снова остался неподвижным.

Он оперся рукой о крутой холодный срез обрыва и осмотрелся. То что он принял за один большой куст, было на самом деле несколькими кустами. Причем все они были вырваны с корнем и, спутавшись, представляли на первый взгляд одно целое.

Арбанян, нагнувшись, внимательно разглядывал их. Вот этот самый пышный рос, несомненно, где-то там наверху у самого среза обрыва. Таких там было много. А вот этот, поменьше, значительно ниже. И третий, обвитый плющом, тоже. Все они были вырваны с корнем. А для этого нужно было приложить немалую силу. И лейтенант понял — лесник, падая вниз, пытался спастись, хватался за все, что попадалось под руки. По-видимому,

сначала ему удавалось как-то сдерживать свое падение, но ни один куст не выдержал тяжести его тела. А потом у него окончательно кончились силы. Он упал сюда, прямо на край узкого карниза, на котором сейчас стоял Арбанян, упал, возможно, все продолжая судорожно держаться за вырванные кусты. Был ли он еще жив в этот момент? Лейтенант поднял голову и посмотрел вверх на круто падающий вниз провал ущелья, и ему снова стало не по себе. Нет, навряд ли в старом теле лесника могла в тот момент теплиться жизнь. Руки его, наверное, бессильно разжались, кусты остались на камнях, вода подхватила и унесла тело. Ведь найдено оно было значительно ниже, там, где поток, выходя в долину, терял свою силу.

Арбанян нагнулся еще ниже, ощупывая лучом фонаря влажные камни и спутанные между собой корни кустарников. Потом он приподнял их и оттащил немного в сторону. Под ними была довольно заметная вмятина в наносном песке. Именно сюда, наверное, и упало тело лесника.

Лейтенант внимательно осмотрел каждую расщелину, ощупал руками каждое растение, пробивавшееся из щели у самой воды. Площадка, на которой он стоял, была длиной в десяток метров. Когда он дошел до самого ее края, он вдруг заметил чуть выше, почти над самой головой, торчащий из камня отросток корня. Вокруг него не было больше ни одного растения. Отросток находился в полном одиночестве. Это было более чем странно. Арбанян уперся ногой о выступ скалы, медленно приподнялся и с трудом дотянулся рукой до отростка. Он так легко поддался и остался у него в руке, что лейтенант чуть было не потерял равновесие и не оступился ногой в воду. Корень, который остался в руке у него, был сантиметров тридцать в длину и очень напоминал тот, к которому была прикреплена обнаруженная Джамботом веревка, и перелом на нем был очень свежий. Вполне возможно, что он относился тоже к тому времени, когда случилось несчастье с лесником.

Арбанян еще раз оперся ногой о выступ скалы и попытался достать рукой до небольшой площадки, на которой лежал этот обломок корня. Это ему удалось не сразу. Наконец, медленно подтянув свое тело, лейтенант схватился одной рукой за выступ, а другой попытался обшарить его. И сразу же его ждал успех. Пальцы на-

ткнулись на какой-то холодный, небольшого размера предмет. Через несколько секунд, стоя уже снова на площадке, Арбанян рассматривал этот предмет, чувствуя, как волнение все больше и больше охватывает его. На его ладони лежала металлическая коробочка величиной с обычную пачку сигарет. Коробочка для своих размеров была довольно тяжелой. Плотно пригнанная крышка казалась припаянной наглухо.

Арбанян еще раз осмотрел ее со всех сторон, потом осторожно положил в карман и, подойдя к канату, дернул, как было условлено при подъеме, три раза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тагир продолжал лежать, прижавшись всем телом к замшелому валуну. Шаги слышались все ближе и ближе. Они были какие-то необычные. Словно человек двигался вприпрыжку. Двигался быстро, куда быстрее, чем это положено идущему шагом. Потом вдруг шаги остановились. Человек стоял где-то совсем близко за деревьями и вдруг снова запел звонким молодым голосом. Это была или девушка или совсем молодой парень. И песня удалялась с каждой минутой. Тагир успокоился: он ясно увидел мелькнувшую среди деревьев не то белую рубашку, не то платье уже далеко от себя. Теперь он слышал только слова песни, мотив был знаком ему с самого детства. И слова, звучащие на родном языке. Впервые он услышал их за целых двадцать лет.

Нет, не за двадцать. Была еще одна встреча. Встреча для него удивительная, перевернувшая многое, если не главное в его неустроенной неласковой жизни.

После долгих странствований он попал в Бейрут.

В этом большом портовом городе — столице Ливана его попросту бросил в сильном приступе малярии капитан перуанского танкера, на который он нанялся за гроши. В Бейруте, как на всем Ближнем Востоке, было тревожно и неспокойно. Иногда где-то над головой на очень большой высоте с протяжным глухим воем проносились самолеты, по улицам ходили патрули гражданской самообороны. Совсем рядом на земле соседней Сирии все еще стояли войска захватчиков. Да и отдельные их отряды совершали иногда налеты и на пограничные деревни Ливийской республики. Город часто

просыпался среди ночи от пулеметной, а то и от орудийной перестрелки. Тагир ходил по улицам, пошатываясь от слабости, позванивая жалкими оставшимися еще у него грошами, не зная, что делать дальше. На завершившие погрузку в порту суда его не брали. Один его внешний вид яснее ясного говорил, что как работник он никуда не годится. Ждать, пока он снова наберется сил? Для этого существуют богадельни. А на судах надо работать. Денег, при самом экономном отношении к ним, оставалось не более чем на два дня. Если питаться двумя пирожками с горохом и единой миской похлебки, можно растянуть на три. А что дальше? Правда, был еще один выход. Но о нем Тагир не хотел думать даже в самые трудные минуты в своей жизни. Но сегодня он почувствовал, что больше не в силах бороться с судьбой. Ведь еще несколько дней, и он вытянет ноги где-нибудь на задворках одного из шумливых восточных базаров. И тело его бросят в яму с какой-нибудь дохлой бродячей собакой.

А город, в своей экзотической красочности, был великолепен. Особенно в районе аристократических его кварталов. За те несколько дней, которые Тагиру пришлось в нем пробыть, он узнал город довольно хорошо. Сидеть на одном месте для него было невмоготу — все время казалось, что где-то рядом он может наконец найти для себя какое-то дело и заработать несколько грошей. В богатом районе — Ашрафие, населенном в основном старинной ливанской аристократией, и в новом современном Рас-Бейруте, где жили в основном иностранцы, на него никто попросту не обращал внимания. В рабочем районе Верхней Басты трудовые руки не были нужны, только в районе Нижней Басты, заселенном мелкими торговцами, ему удалось подработать несколько монет, которые могли бы продлить ему жизнь на два-три дня.

Чем меньше оставалось сил в его когда-то крепком теле, тем отчетливее осознавал он безвыходность своего положения. Самое страшное заключалось в том, что ему не у кого было искать поддержки. Никто не обязан был за него заступиться — скитаясь по всему миру, он так и не приобрел себе постоянного подданства.

И он решил, будь что будет. Сейчас он пойдет на базар, проглотит пирожок с похлебкой и, когда желудок на некоторое время перестанет диктовать свою волю,

обдумает все не спеша. А там в конце концов не все ли равно, как кончить свою жизнь.

Он долго толкался в шумливой толпе базара. Ему все казалось, что у торговок, к которым он подходил, пирожки недостаточно велики, что где-то рядом должны быть большие, и что похлебки наливают не так много, как это делали где-то здесь же вчера, и, наверное, ходил бы еще дольше, как вдруг около одного из торговцев глиняной посудой услышал слова, которые заставили его вздрогнуть.

— Ахмет, — сказал женский голос, — возьмем эти. Они мне больше нравятся.

Тагир обернулся. У деревянного лотка, на котором горой были навалены глиняные кувшины и чашки самых различных форм и размеров, стояли мужчина и женщина. Тагир не видел их лиц. Но говорили они на чистейшем адыгейском языке.

И Тагир, не удержавшись, сказал:

— Добрый день, дорогие соотечественники!

Женщина не обернулась, она продолжала рассматривать посуду. Обернулся мужчина. Теперь Тагир не сомневался, что перед ним был адыг, такое лицо он мог встретить разве только где-нибудь в районе Понежукая. Или на берегах Лабы. Он смотрел на Тагира совершенно спокойно, казалось, его совсем не удивило внезапное к нему обращение.

— Добрый день,— сказал он.— И да поможет тебе аллах. Ты тоже приехал на базар за покупками. Издалека? Из какого аула?

Из какого аула? О чем он спрашивал. Или он просто смеялся над ним! И он ответил:

— Из того, что стоит над Лабой. Недалеко от Майкопа.

Мужчина внимательно смотрел на него. Теперь, кажется, он думал о том, не смеялся ли над ним Тагир.

— Ты говоришь правду? — тихо спросил он.— Ты на самом деле с древней адыгейской земли?

— Клянусь! — ответил Тагир.— Костями предков, которые лежат в этой земле.

Мужчина обернулся и коснулся рукой плеча женщины.

— Зульфия,— сказал он,— смотри, этот человек приехал оттуда, где жили наши предки. Он с Кавказа. Он был там совсем недавно.

Тагир покраснел. Он хотел сказать, что это было

совсем не недавно, что с тех пор прошло почти два десятилетия. Но не сказал. В глазах женщины вспыхнул такой интерес, что ему стало просто стыдно погасить его.

— Я всегда хотела увидеть хоть одного человека, который мог бы рассказать о том, как живут люди на нашей древней земле,— сказала она.— И вот аллах смилостивился надо мной.

— Подожди, — сказал мужчина, — подожди, Зульфия.— Он протянул руку Тагиру.— Меня зовут Ахмет. Это моя жена. Ты здесь один или у тебя друзья? Они здесь, на базаре?

Тагир назвал себя и сказал, что никаких друзей у него нет.

— А что ты думаешь делать? — снова спросил Ахмет.— Сегодня и завтра?

— Не знаю,— Тагир пожал плечами,— я жду парохода.

— Тогда пойдем в порт и узнаем, когда он придет,— сказал Ахмет.— И если не скоро, поедем к нам. В аул. Это совсем недалеко. Пусть радость встречи с земляком, который недавно покинул родину, достанется всем. Ты не можешь сказать «нет» — ты адыг.

Тагир растерянно молчал. У него не было причин отказываться от радушного приглашения, кроме одного. О чем он будет говорить тем, кто его встретит в ауле? Что ответит на их вопросы о жизни на родной земле, если он покинул ее столько лет назад? И как он объяснит свое нахождение за пределами родины? Но, с другой стороны, его неудержимо тянуло очутиться снова среди своих, услышать родную речь. Он колебался, не зная, что делать.

Ахмет в ожидании смотрел на него. А потом, по-видимому, приняв долгое молчание Тагира за согласие, сказал, обернувшись к жене:

— Плати деньги, Зульфия, и идем, у нас будет гость. И у всего аула будет гость.

Тагир еще с минуту поколебался, а потом, нагнувшись, подхватил сумку Зульфии. Ахмет взвалил на плечи другую, и они пошли куда-то через базар, к площади, окруженной глинобитными домами.

Там стоял длинный широкоосный автобус, на крыше которого горой возвышались схваченные веревкой сумки и узлы пассажиров. Последних было не так уж

много и Тагир со своими спутниками нашли удобное место в углу. Автобус, урча мотором и испуская странное зловоние от отработанных газов, тронулся с места и, медленно набирая скорость, свернул в первую же улицу. Улица была очень узка, и казалось просто чудом, что автобус продирается сквозь стенки домов. Попадающиеся навстречу пешеходы жались в проемах дверей и калиток.

Наконец они выбрались из узкого лабиринта улиц. Впереди лежала желтоватая песчаная равнина. Куда ни глянешь — везде пески и пески. Нигде ни жалкого деревца, ни кустарника. А над песками, над серой уходящей вдаль лентой шоссе стоит в мутной дымке красное, раскаленное, как сама степь, солнце.

Нанесенный ветром песок тонким слоем лежит на дороге, тяжелые скаты машины отбрасывают его в обе стороны, и он висит в воздухе, как вытряхнутая из мешка кукурузная мука.

То навстречу, то обгоняя их, изредка проносятся машины. То новенькие, блестевшие лаком и никелем, то совсем старые развалины, наподобие этого автобуса, на котором они ехали. Но больше всего вдоль дороги попадается верблюдов. Они шагают медленно и величаво, не глядя по сторонам, безостановочно перетирая что-то зубами. Иногда попадались низкорослые ослики, впряженные в арбы, колеса которых чуть ли не в два раза превосходили их рост.

Но вот пустыня кончилась, и по обеим сторонам дороги побежали маленькие деревушки с плоскими глинобитными домиками. И опять ни малейшей зелени, ни одного деревца — ни старого, ни молодого. Деревушки располагались, как заметил Тагир, больше на низменностях, где ветер из пустыни дул не так сильно. И со стороны дороги их плохо было видно. Только узкая голова мечети возвышалась высоко над всем ее окружающим.

Тагир молчал, молчали и его спутники. Тагир был гость и по обычаю должен был рассказать о себе. Но он не знал, о чем говорить, ведь и Ахмет и Зульфия были все еще уверены, что на подошвах его ботинок свежая пыль родной для них земли.

Время шло уже к вечеру. Автобус остановился на просторной площади деревушки, которая была несколько больше других, оставшихся позади. По обеим ее сторонам располагались небольшие магазинчики, торговавшие, по-видимому, всякой всячиной.

Ахмет и Зульфия предложили Тагиру пройтись, пока автобус будет стоять, посмотреть, что в них продают, но он отказался. Денег у него все равно не было, а торговля его не интересовала. Когда нет денег на еду, о коммерции не приходится думать.

Солнце отбрасывало теперь косые лучи, и становилось не так жарко. Если оставшиеся позади деревни казались совершенно пустынными, то здесь было довольно людно.

У длинной скамейки возле одного из домов Тагир увидел старуху, у ног которой расположились маленький мальчик и две девочки. Старая женщина что-то рассказывала, и те, раскрыв рты, внимательно слушали. Никто из них даже не обратил внимание на остановившийся неподалеку автобус.

Старая женщина эта вдруг удивительно напомнила Тагиру его соседку по родному аулу Хатукову. И поза, в которой она сидела, и длинное платье, и лоб, перевязанный легким платком, все это ему было настолько знакомо, что ему захотелось тут же выйти из автобуса, подойти к ним. Но он горько усмехнулся и опустил голову. Как все-таки крепко сидела в нем тоска по родной земле, если даже на сотни километров от нее на чужой, прожженной солнцем земле он видит людей, которых давно пора забыть и которых почти наверняка нет в живых!

Больше он старался не смотреть ни на старуху, ни на сидящих вокруг нее детей, потому что мальчик вдруг стал казаться ему его Алкесом, которого тоже наверняка давно нет в живых.

В самые сумерки автобус остановился у приподнятого шлагбаума. Шофер перекинулся с кем-то несколькими словами, кто-то открыл дверцу, заглянул внутрь. Потом снова в сгустившихся сумерках побежала за окном гористая пустыня. В тот момент Тагир даже не понял, что они переехали границу.

Через час автобус довез их наконец до аула, где жили Ахмет и Зульфия. Как оказалось, это был уже не Ливан, а Сирия. Несмотря на то что было уже поздно, весь аул очень быстро узнал, какой редкий гость появился у них, и как это полагается у адыгов, все пришли к дому Ахмета, чтобы приветствовать прибывшего.

В просторной кунацкой Тагир сидел на самом почетном месте. Каждый входящий желал ему счастливого прибытия и долгих лет жизни.

А когда наступил вечер и вместе с ним пришла прохлада, началось всеобщее торжество. У дома Ахмета собралось почти все население аула. Тагиру даже показалось, что он вернулся на свою родную землю.

Тонкая стройная гармонистка мягко раздвинула мехи гармоники, и полилась с детства знакомая мелодия. И девушки и парни, стоявшие по сторонам от гармонистки, молча ждали. Ждали, что скажет джегуако — распорядитель празднества.

А он вышел на середину круга и начал так, как начинают и сегодня в таких случаях распорядители на празднествах на адыгейской земле.

— О, люди, ради древней земли наших отцов, где родились адыгейские танцы и адыгское слово, ради нашего гостя, который прибыл к нам из колыбели наших дедов, будем сегодня танцевать и веселиться!

Потом он мягко отступил в сторону и стал там, где смыкаются ряды парней и девушек. И, обращаясь к мужчинам, почти закричал:

— Хлопать в ладоши!.. Всем хлопать в ладоши!..

Как разгоряченный конь, рванулась гармошка. Казалось, она взлетала теперь в воздух, и звуки ее обрушиваются на толпу откуда-то сверху подобно горному водопаду. Один из стройных парней сорвался с места, сделал прыжок и замер перед одной из девушек. Та плавно повела плечами и почти не слышно вышла из круга подруг.

— Люди,— возгласил распорядитель,— люди, слушайте меня. Сегодня все должны веселиться, сегодня не должно быть равнодушных.

И вдруг Тагир почувствовал резкую боль в левой стороне головы. Это снова давала знать о себе контузия. И эта боль почему-то снова заставила его вспомнить прошлое. Звуки гармоники и голос распорядителя перенесли его далеко от этой чужой земли, в предгорья родного Кавказа. Он вспомнил, как танцевал на первой свадьбе у своих соседей, когда привезли невесту. Вспомнил, как заиграли парный танец, и он впервые в своей жизни пригласил девушку. У нее были теплые тонкие руки, и она танцевала, прижавшись к нему локтями и плечом.

— Шире круг, шире круг! — продолжал громким голосом провозглашать джегуако—распорядитель, но Тагир уже не слышал его. В мыслях он был не здесь, под

сирийским небом, а дома, и казалось ему, что музыка, которая звучала вокруг него, была та, что он слышал давно-давно в своем ауле, когда впервые вышел в круг с той девушкой. Потом перед его глазами вдруг встало огромное грушевое дерево, которое росло во дворе, где тогда шло веселье, и он вспомнил, как однажды он еще мальчишкой с другими такими же мальчишками решил наворовать с него груш и как потом ему за это досталось. Интересно, стоит ли еще сейчас это дерево или его уже нет?

Потом он вдруг вспомнил мельницу, что находилась в верхнем конце аула на левом берегу стремительной в летние паводки речушки, вспомнил холодные прозрачные волны, которые возвращали бодрость истомленному солнцем телу. Вспомнил другую сторону речки, где на жарком берегу зрели на солнце огромные арбузы.

Однажды они собирали пшеничные колоски, и их застала гроза. И всем пионерским отрядом они бежали к синевшим вдали вагончикам полевого стана... Потом перед его взором встали ряды персиковых деревьев и заросли дикого терна на склонах пологой балки, и родник, и маленький журчавший на ее дне ручей.

Веселый голос распорядителя прервал его мысли.

— Дорогой гость наш! — сказал он, подходя к нему.— Да пусть сделает аллах тебя гордостью адыгского племени! Старшие предлагают тебе очередной танец. Они просят, чтобы ты напомнил им время наших дедов. И да пусть твой танец наполнит наши груди чистым воздухом гор, по которому они тоскуют уже многие годы. Шире круг! Шире круг и громче хлопки, гость наш исполнит нашу просьбу.

Тагир тряхнул головой, отгоняя от себя нахлынувшие воспоминания, и быстро вошел в круг. Теперь в вихре танца ему уже казалось, что он действительно дома в родном ауле и тень старой груши падает на него, и открой он сейчас шире глаза, всмотрись в окружающие лица,— многие из них окажутся теми самыми дорогими ему, знакомыми с самого детства. Давно он не танцевал так, как в этот вечер. В танцах вылилась вся его тоска по родному аулу, тоска, которую он так долго сдерживал перед другими людьми.

И даже высокая стройная девушка, с которой ему пришлось танцевать перед самым концом данного в его честь

празднества, казалась ему именно той, что положила на его плечи тонкие прохладные руки в тот памятный для него вечер, когда он впервые вошел в танцевальный круг.

Поздно закончилось веселье. Усталый и радостный, он лег спать, но снился ему снова родной аул, и старая груша, и мельница над рекой.

Незаметно прошли двое суток. Он знал, что по обычаю только после третьих его спросят, какова цель его приезда и каковы его намерения на будущее. Что он мог сказать? Не лучше ли было до срока покинуть аул? Но зато сам он узнал, что младшие братья Зульфии и Ахмета находятся в армии и лежат сейчас где-то совсем недалеко на горячей земле, закрывая дорогу захватчикам на родную теперь для них землю.

Но он малодушничал, откладывал с часа на час день своего отъезда.

Самое тяжелое и неприятное пришло к нему на третий день. Он случайно услышал разговор, который вели о нем его хозяин Ахмет и его сосед. Оказывается, где-то на севере Сирии совсем недавно велось строительство какого-то большого предприятия и строили его инженеры и техники из России. А теперь уже совсем недалеко от аула, в котором находился Тагир, с помощью тех же советских специалистов сооружалась больница для беженцев из захваченных израильтянами районов. И Ахмет довольно прозрачно намекал собеседнику, что Тагир один из ее строителей. Он говорил об этом с такой гордостью, что Тагиру стало совсем стыдно. Он незаметно ушел в угол двора, где у старого плетня стоял покрытый домотканым ковриком топчан, и долго лежал на нем, в который раз перебирая в мыслях всю свою нескладно сложившуюся в последние годы жизнь.

Как много должно было измениться на его родине за эти годы? Когда-то с таким напряжением сил они ликвидировали свою отсталость, ставили задачи кого-то догнать, с кем-то сравниться, а теперь помогают возводить на чужой земле промышленные гиганты, помогают ликвидировать чужую отсталость. И это несмотря на то что половина страны лежала в развалинах всего каких-то два десятилетия назад...

Наверное, Ахмет искал его, удивляясь, куда он мог деться, но Тагир до самого вечера не выходил из своего убежища. А потом, минуя калитку, через отверстие

в плетне пошел по задворкам аула просто так, сам не зная куда.

Было время, когда все еще находились в своих домах, и Тагир почти никого не встречал на своем пути. Только около одного глинобитного забора на низенькой скамеечке он заметил белобородого старика, опиравшегося обеими руками на палку.

— Селям алейкум,— сказал Тагир, поклонившись старику.

— Алейкум селям,— ответил старик и чуть-чуть подвинулся, освобождая место гостю.

Тагир сел. Старик молча смотрел на него, а потом спросил:

— Это ты гость Ахмета? Я слышал о тебе.

— Я,— ответил Тагир.— Я здесь уже третий день, и утром мне надо уходить.

— У тебя есть дела? — старик одобрительно наклонил голову.— У каждого человека должны быть дела. Мир держится на трудах рук человека. Еще нет трех дней, как ты гость нашего аула. И я не могу тебя ни о чем спрашивать, но ты уходишь, и, если разрешишь, я задам тебе вопрос — куда ведет тебя твой путь? Не на нашу ли благословенную землю, ни к горам ли, покрытым древними лесами, ни к рекам, вода в которых, как говорил мне мой отец, чище воздуха гор и слаще шербета. Если туда, передай низкий привет мой моей земле и моим братьям, живущим на ней.

— Нет,— тихо сказал Тагир,— мой путь лежит не туда.

— Но ведь ты же не живешь в нашей стране? — спросил старик.— Тогда откуда ты? Не оттуда ли, где много урусов [1] строили фабрику, которая даст работу и хлеб многим из наших братьев? Или оттуда, где они поднимают большой и светлый дом для больных и престарелых?

— Нет, — так же тихо ответил Тагир, — я не оттуда.

Старик помолчал и опустил глаза. Потом спросил:

— Тебе понравилось у нас? Или ты видел места лучше?

Тагир посмотрел в темные чуть водянистые глаза старика: старик понял, что вопросы его не нравятся собеседнику и стал говорить о другом. И вдруг в груди его поднялась злость на себя — чего он боится, почему не хочет

[1] Урус — русский.

говорить? Это его жизнь, и ему никуда от нее не деться. Прожил он ее сам, без чужих подсказок. И сам должен отвечать за нее. И он сказал:

— Я был на войне, сражался с фашистами. Потом был ранен, попал в плен.

— О, сын мой,— в голосе старика прозвучали оттенки гордости.— Я рад, что ты был воин. Мы слышали здесь, что на большой войне, прошедшей по нашей земле, отличились и наши братья — адыги. О мужестве воинов наших знают все жители аула. Большое спасибо им говорим мы. Аферем [1]. Мы тоже знаем, что такое война, хотя и не сравню ее с той, что прошла по нашей древней земле. Но мы тоже видели убитых и плачущих жен у разрушенных очагов, и мертвых детей, и стариков. Враг и сейчас стоит на нашей земле, но придет время, и мы изгоним его с нее. Так было во все времена со всеми захватчиками, так будет и теперь. Но что же стало потом с тобой, когда ты из плена ушел?

Тагир, уже ничего не скрывая, рассказал о лагере, об освобождении его чужими воинами. Старик молча слушал, изредка кивая седой бородой.

— Что делать, сын мой,— сказал после того, как Тагир замолчал.— Война всегда приносит много бед и несчастий. Такая беда постигла и тебя. Что же ты думаешь делать дальше, сын мой?

— Не знаю,— мрачно ответил Тагир.— У меня нет пути. Я как путник в глухом лесу. Куда ни пойди — везде деревья.

Тагир замолчал, молчал и старик. Так они просидели долго, каждый думал о своем. Потом старик тихо сказал:

— Послушай, исстари у нас рассказывали такой тхидеж [2]! У берегов моря, которое плескалось у самых наших гор. И мрачная опасность висела над адыгейскими аулами. Кочермы иноземцев переплывали море и как свора шакалов ночью обрушивались на горские аулы. Они грабили имущество, убивали тех, кого могли убить, увозили в полон красивых девушек, которых продавали потом на стамбульских базарах. Не могли собраться адыги с силами, чтобы наказать жестоких хищников. Не могли, потому что ждут их в одном месте, а они, словно темные силы зла, появляются в другом. И приходилось адыгам жить в постоянной тревоге.

---

[1] Аферем — молодец, браво.
[2] Тхидеж — легенда, сказание.

И не было этому конца. Но вот умирал в одном из аулов древний старик. Было ему столько лет, что он сам об этом не помнил и никто другой тоже не мог их сосчитать. И он сказал: «Идите в самый дальний аул, что находится на самой вершине горы, там в семье Кочасовых родились семеро мальчиков. И дано им знать, где и когда высадятся разбойники с кочерм, и дана им сила победить их в открытом бою. Идите и найдите их». И люди пошли и действительно нашли в сакле Кочасовых семерых мальчиков, и стали они скоро сильными и храбрыми мужами, и дана им была действительно сила и храбрость, и могли они угадывать место, где высаживались с моря враги. И стали разбойники жестоко страдать от своих набегов.

И вот однажды самая большая шайка разбойников высадилась на берегу так, как сейчас сделали те, кто пришел с оружием на эту землю. И приготовилась завладеть богатой добычей. И случилось так, что были здесь только одни братья. И никого больше не было рядом. Но они не отступили и приняли бой. И дрались они долго. И было время, когда враг начал брать верх. И вот тогда один из братьев, дотоле дравшийся так же храбро, как и все, вдруг почувствовал, как к нему пришел страх. Страх за свою жизнь. И ничего не в силах с собой сделать, он спрятался за камни, спасая свою жизнь и не думая о том, что будет с его братьями.

А братья в этот момент налились такой нечеловеческой силой, с такой яростью обрушились на врага, что те не выдержали и бежали, устилая свою дорогу трупами.

Но два брата сложили свои головы на поле боя. Оставшиеся стали искать третьего. Но нигде не нашли. Ни здесь, где погибли два других, ни там, где лежали убитые враги.

А беглец не посмел выйти из своего убежища. Несмотря на то что в начале битвы он не уступал никому из братьев в храбрости и уложил множество врагов, страх лишил его права стоять на поле боя победителем вместе с другими братьями.

Стыдясь своего поступка, он не вернулся к ним, не пришел больше к своей матери. Он ушел в горы. И так скитался он всю свою жизнь по чужим землям, оставаясь мыслями и сердцем дома, в родной сакле. Так и остался он на всю жизнь одиноким и забытым.

А когда пришла смерть, он лег на землю, обратившись лицом в сторону родной страны, прося аллаха простить

его за то, что оставил братьев в беде, что забыл свою мать. Но был он сам уже наказан всей своей жизнью... Вот такая есть легенда... Не знаю, может быть, ты и слышал о ней,— закончил старик.

Тагир молчал. Молчал и старик. Потом Тагир глухо сказал:

— Ты не понял меня, я не бежал с поля боя, я дрался пока мог, пока были крепки мое тело и руки. Я не виноват в том, что враги тогда оказались сильнее меня.

— Я не виню тебя в этом,— сказал старик.— Я верю тебе, ты не был трусом. Но кому нужна твоя храбрость на чужой земле, кто оценит ее, кто скажет тебе за это спасибо? И скажи, разве твое сердце не там, не в своем ауле, где тебя знает каждый человек, где ты помнишь каждый камень? Здесь на чужбине только твое тело. Душа твоя там. Я родился уже здесь, на чужой земле, а я самый старый в нашем ауле. Но ты! Ты не сможешь остаться жить с нами. Тело не может быть без души. Не сердись за то, что я тебе это сказал. Я сказал правду.

Тагир встал.

— Спасибо. Я не сержусь. Завтра утром я ухожу.

— Не забудь передать привет родной земле,— крикнул ему вслед старик.

Тагир ничего не сказал Ахмету о своем намерении покинуть аул на следующий день. Но утром, когда первые лучи солнца только легли на плоские крыши глинобитных саклей, он поднялся и, поблагодарив еще не совсем проснувшегося хозяина за гостеприимство, отправился в путь. Зульфия успела только сунуть в руки небольшой сверток с лепешками и сыром. Но куда направляться теперь? Возвращаться обратно в Бейрут? Там уже, кажется, им было испробовано все. Да и пропустят ли его теперь так легко через границу? Ведь по эту ее сторону он попал, по-видимому, только потому, что пограничник отлично знал Ахмета и Зульфию. Не испытать ли теперь счастья в Дамаске? Ведь оттуда не так трудно поездом попасть в Бейрут и в любой другой порт на побережье.

Но на проезд автобусом до Дамаска у него не хватало денег. Пока он ломал голову, как быть, подошел автобус. На этот раз он был почти полон. Шофер посмотрел на него и спросил, собирается ли он ехать? Тагир ответил по-адыгейски, что у него не хватает денег.

К его счастью, шофер тоже оказался адыгом. Он махнул рукой и сказал:

— Садись вон туда, в конец.

Так Тагир очутился в Дамаске. Здесь он попытался узнать, где находится та стройка, о которой ему говорили в ауле. Оказалось, она была все-таки довольно далеко и добраться туда с теми грошами, которые остались у Тагира, нечего было и думать. Вот когда он пожалел, что из ложной стыдливости не обратился за помощью к Ахмету и всем жителям гостеприимного аула и не рассказал им о себе всю правду, как сделал это перед стариком.

Но что-то надо было делать. Прежде всего, конечно, заработать на дорогу туда денег. Целый день он ходил по галдящему базару, пытаясь хоть кому-нибудь предложить свои услуги, как носильщик. Но все было тщетно. Вечером совершенно обессиленный и потерявший всякую надежду, он хотел только одного: забыться где-нибудь в укромном уголке тяжелым сном. И вдруг ему показалось, что в значительно поредевшей базарной толпе мелькнула удивительно знакомая ему фигура. Он бросился вперед, пытаясь разглядеть ее, но она пропала так же неожиданно, как и возникла. Он прошелся несколько раз мимо уже почти опустевших рядов и вдруг в самом конце базара у входа в кофейную снова увидел ее. Человек был худ, заметно сутуловат, и, когда он, спускаясь по ступенькам кофейной, на мгновение повернулся к Тагиру в профиль, последний понял, что не ошибся. Как это ни невероятно, это был Сергей. Человек, с которым они расстались много лет.

И Тагир, не теряя ни минуты, бросился ко входу в кофейную...

Все эти воспоминания прошли перед Тагиром почти за несколько минут, когда он в лесу, укрывшись за валуном, прислушивался к удалявшемуся голосу певца. Наверное, если бы тогда на базаре кто-нибудь сказал ему, что он в самом скором времени будет лежать на родной земле, в каких-то нескольких десятках километров от своего аула, он бы этому ни за что не поверил. А сейчас ему уже не верилось, что когда-то это все было: и базар в этом далеком городе, и он, бегущий через почти опустевшую площадь к крутым ступенькам, ведущим в тесную и полутемную восточную кофейню...

Но теперь уже не было времени для воспоминаний. В лесу пока тихо и спокойно. Надо этим воспользоваться и выходить скорее к дороге.

Но прежде он должен выполнить одно задание. Оно было крайне простым, и в нем не было ничего преступного. Тагир пощупал карман куртки. Металлическая коробочка, величиной не более спичечной, лежала на месте. Надо было только найти этот дуб. Тагир отлично помнил поляну, на которой он стоял. Если пройти напрямик, до нее можно добраться не более чем за десяток минут. А там пусть этой коробочкой занимается тот, кому это предназначено. Ему уже до этого не было дела. Потом он будет свободен. Совершенно свободен. И начнет другую жизнь. Такую, какую он хочет.

Сергей сказал — напиши сразу же. И он это сделает немедленно, как только для этого представится возможность. Они уедут вместе...

Где он сейчас? Может быть, в каких-нибудь десятках километров от Тагира. Как жаль, что за неделю до отъезда им так и не удалось обменяться и парой слов. Да и те встречи, которые были раньше, никогда не проходили без свидетелей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дом, купленный Берузаимским в хуторе Навесном, был значительно меньше проданного им в райцентре. Но внутри он был довольно уютен. Две просторные комнаты, прихожая. Только был дом немного низковат. Станешь на носки — достанешь до потолка. Ну, да что надо было ему, одинокому человеку.

Зато место, на котором он стоял, никак не сравнить с пыльной, почти всегда забитой машинами, улицей райцентра. Небольшой двор одной стороной примыкал к реке, другой — к спускавшемуся с горы лесу. Двор был огорожен плетнем из дикого терновника. В нем росло около двух десятков фруктовых деревьев.

Бывшие владельцы продали дом. Весной, когда река выходила из берегов, вода все ближе подступала к дому, разрушая берег. Когда-то дом, который теперь принадлежал Берузаимскому, был от берега третьим. Теперь первых двух уже не было, и тому, кто хоть мало-мальски знал нрав горной реки, было ясно, чья теперь очередь. Бывшие владельцы тщательно скрывали, разумеется, это обстоятельство, но Берузаимского оно нисколько не

пугало. Он был уверен, что на его век этого дома хватит. Он так и говорил тем из соседей, которые предупреждали его. И добавлял при этом смеясь: «Ну снесет, так снесет — против судьбы не пойдешь. Значит, так мне суждено — утонуть в своей постели. Это не каждому удается. Да и кто обо мне пожалеет — об одиноком человеке? Был, не был — никто этого и не заметит».

Первые дни Берузаимский почти не выходил со двора: то подметал перед входом, то чистил сарайчик, то закреплял столбы, на которых держалась калитка. Хуторок был невелик, и с некоторыми из живущих в нем он уже успел перекинуться несколькими словами. Особенно общительными люди были в местном магазинчике, который представлял собой универмаг в миниатюре. Сделав покупку, мало кто спешил уходить отсюда сразу. Прежде обменивались хуторскими, да и районными новостями. Некоторые из жителей, оказывается, помнили Берузаимского, когда он жил в райцентре и работал в конторе райпотребсоюза. Но вот со своими непосредственными соседями по-настоящему он еще знаком не был. Бывшие хозяева дома всячески расхваливали их, но Берузаимский отлично понимал, из каких соображений они это делали. И поскольку никто из них его пока не навестил, контакты он решил налаживать сам.

И вот однажды из соседнего двора донесся звук пилы. Берузаимский подошел к плетню. Посредине просторного двора мужчина и женщина пилили дрова. Мужчина был уже в летах, он как-то неловко и тяжело упирался рукой в козлы. Маленькая женщина, уцепившись обеими руками за ручку пилы, казалось, не помогала работе, а просто висела на пиле.

— Сосед,— крикнул Берузаимский,— можно зайти? Собаки нет?

Мужчина отпустил пилу и поднял голову. Да, ему было, по меньшей мере, под шестьдесят.

— Заходите,— сказал он и вытер тыльной стороной ладони пот со лба.— Собака привязана.

— Добрый день, — Берузаимский обошел дом и прошел во двор.— Я ваш новый сосед, звать меня Владимир Петрович.

И он протянул мужчине руку.

— Добро пожаловать,— сказал тот и, бросив на землю перепиленные поленья, присел на козлы: только теперь Берузаимский понял, почему он так неловко стоял —

одна нога у него была на протезе.— Звать меня Каплан. Больше ничего добавлять не надо. Все так на хуторе зовут, зовите и вы. Думал сам зайти к вам, но вы все утро были заняты. Не хотел мешать.

— В новом доме всегда много работы,— засмеялся Берузаимский.— Хочется все переделать по-своему. Я к вам с просьбой: не одолжите ли на часок лопату. Еще не успел приобрести. Хотелось окопать несколько деревьев.

— Что за разговор, соседи же, еще многое придется друг у друга одалживать.— Прихрамывая, хозяин пошел к плетню и вернулся с лопатой. Жена его, низкорослая, с открытым морщинистым лицом, молча и, как казалось, без особого интереса рассматривала Берузаимского.

— Дайте-ка сюда пилу, — сказал он, заметив, что она снова взялась за ручку.— Пилить дрова — это не женское дело.

Не возразив ни слова, маленькая женщина отдала пилу, заложила руки за спину и молча стояла так, пока Берузаимский клал на козлы большое бревно. Потом так же, не произнося ни слова, не спеша пошла к дому. Жили они вдвоем — муж и жена. Он был пасечником и в летнее время редко бывал дома.

— Что поделаешь,— словно извиняясь, сказал хозяин, берясь за пилу.— Так вот одни и крутимся. Единственный сын в армии, старший погиб на войне.

— Да и вы сами там кое-что оставили.

— Хорошо, что хоть так отделался. Сначала трудно было, потом свыкся. Дали мне работу в колхозе, на пасеке, ничего, справляюсь.

Через час перепилив несколько больших бревен, они сидели в тени у дома и курили. Потом хозяин потянул Берузаимского к столу, на котором дымился ароматный лелибж. А еще через час они дымили цигарками на том же месте около дома, рассуждая о хуторской жизни, о его жителях, которых хозяин знал всех наперечет. Потом, когда, пропылив по дороге серым густым облаком, прошла за плетнем синяя председательская «Волга», заговорили о колхозных делах.

— Как председатель,— спросил Берузаимский.— Хвалят?

— За что же умного человека ругать? Он землю любит. А люди его. Так всегда было, так и будет.

— Наверное, был агрономом, — заметил Берузаим-

ский, отметив про себя, что собеседник его во все время разговора ни о ком не отозвался плохо. То ли это отличительная черта его характера, то ли и действительно все вокруг были так хороши? В последнее Берузаимский по складу своего характера не особенно верил.

— Преподавателем в школе был. Он еще там людей научился понимать. Да и годы этому научили. А вот агроном у нас молодой, лет двадцать семь, не больше. Но дело знает, надо сказать, лучше старого. Три года, как институт закончил, а люди к нему сейчас из райцентра за советом едут.

— Как его звать? — спросил Берузаимский, все более убеждаясь, что собеседник его плохого ни о ком так и не скажет.— Я что-то о нем не слышал?

— Алкес.

— А фамилия?

— Хаджинароков. Как же вы его не знаете, он же на районной Доске почета... Не видели фотографию?

— Не обратил внимания,— с сожалением произнес Берузаимский.— Знаете, вы так расхвалили свой колхоз, что я не прочь у вас поработать, хотя, по правде сказать, думал в лесхоз податься. Пенсия у меня, правда, неплохая, в свое время на северных лесных разработках получил. Но руки без дела чешутся. Да и одиночество тоже дело невеселое. Жена уже вот пять лет как умерла. Так один и кручусь.

— Ну, это дело поправимое, — засмеялся хозяин, — вдовушек у нас достаточно. Освоитесь, погуляем на свадьбе. А насчет работы, что ж, можно поговорить. Вас куда больше тянет?

— К лесу, конечно. Я же в нем полжизни провел. Двадцать лет рубил. А теперь вот захотелось вдруг хоть частично восстановить вырубленное.

— Тогда знаете что,— хозяин немного подумал.— Прикиньте сами, что будет легче — у нас или в лесхозе. А потом поговорим с Джамботом. Вон, видите, там, почти на самой вершине, его домик. Он лесник. Правда, на этой должности он совсем недавно. Со старым лесником недавно случилось несчастье... Может, слышали? Упал в ущелье и разбился. Стар уже был, чего-то, видно, не рассчитал. Завтра воскресенье, давайте и сходим к Джамботу. Потолкуем.

— А вам не трудно? — Берузаимский показал на его ногу.

Тот махнул рукой.

— Привык, я даже иногда и на охоту хожу. Вы этим не увлекаетесь?

— На Севере, бывало, ходил, а здесь не приходилось. Да и ружья с собой не привез.

— Но это беда не велика, достанем здесь. Была бы только охота.

— Такого, как у меня было, не достанем. «Зауэр» — не слышали?

— Как не слышал,— усмехнулся тот,— даже видел. У Алкеса. Отец погиб, мать умерла, когда ему года не было, все имущество при немцах пропало, а вот ружье соседи сумели сохранить. Память это была о его отце.

«Об этом ружье Алкеса, кажется, знает вся округа»,— подумал Берузаимский.

— Значит, он его не продаст?

— Не знаю, можно спросить. Приходите с утра в понедельник ко мне на пасеку. Он в этот день непременно ко мне заглядывает. Справляется о делах. Заодно у него и о работе узнаем. Он парень такой — если может помочь, никогда не откажет.

— Ну вот и спасибо,— Берузаимский встал,— не даром мне прежние хозяева говорили, что лучшего соседа, чем вы, мне не найти... Да,— он приостановился,— а как дела у вас? Я что-то слышал в райцентре, будто на пасеке вашей проводится важная научная работа. И что, успешно?

— Значит, говорят? — с явной гордостью сказал Каплан.— А что, дело нужное, и разговора стоит. У нашего Хаджинарокова голова хорошо варит, если что решил — сделает. Но только рано пока говорить. Прикидывает, взвешивает. Он не очень любит, когда поздравляют раньше времени... Так заходите, как будет время. В понедельник с ним поговорим...

Каплан, прихрамывая, пошел провожать гостя к калитке. И, остановившись около нее, протянул Владимиру Петровичу крупную заскорузлую ладонь. Берузаимский, ожидавший, что сейчас он заговорит о том, что пасеку на будущий год предполагается переносить куда-то в другое место, решил, что Джаримоков здесь что-то напутал. Или у его соседа были основания пока не говорить на эту тему? А может быть, он просто забыл об этом. И, уже отходя от калитки, он заметил:

— Да, еще говорят, будто вы здесь с пасекой нена-

долго, что ее куда-то перебрасывают. Если далеко — вам будет не так просто, наверное, до нее добираться...

Пасечник пожал плечами.

— Мало ли что говорят,— с заметной неохотой ответил он.— А перенесут — найдем дорогу и туда.

По лицу его было видно, что он не намерен продолжать разговор на эту тему. И Берузаимский мысленно обругал себя за эти последние свои слова...

Часа через два, перед самым вечером, он вышел на прогулку. Спустился вниз в лощину и потом поднялся по склону к хутору Рамбесному. В просторном доме преподавателя Касея на этот раз на застекленной веранде около стола сидела женщина и что-то чистила ножом. Во дворе звенели ребячьи голоса.

Берузаимский пошел дальше по единственной узкой улочке хутора и остановился только около знакомого домика Фамет. Во дворе он сразу же заметил ее плотную пышногрудую фигуру. Она возилась возле птичника. Он постоял несколько минут у штакета, в надежде, что она обернется и заметит его. Но та продолжала стоять к нему спиной, стуча о доски молотком. Кажется, ремонтировала решетчатую дверцу.

— Добрый вечер,— громко сказал Берузаимский.— Добрый вечер, соседка Фамет!

Фамет обернулась и, прикрыв глаза от лучей опускавшегося за гребень горы солнца, пыталась разглядеть окликнувшего ее. Это ей не удалось, и она медленно пошла к штакету, вытирая на ходу о фартук руки.

Даже подойдя вплотную к штакету и внимательно вглядываясь в стоящую по другую сторону его фигуру, она не сразу узнала Берузаимского. На лице ее все еще было написано недоумение и некоторая растерянность.

— Ну, что дрова,— весело сказал Владимир Петрович,— хорошо горят? Или отложены на зиму? А ведь за вами сто граммов, те, от которых я тогда отказался... Не забыли?..

Фамет продолжала всматриваться в лицо Берузаимского и наконец, кажется, узнала его. Потом для верности заглянула за штакет, ожидая увидеть там знакомую машину, но, не отыскав ее, сказала с явным изумлением:

— Это вы... И как же вы?..

— Сюда попал? — все тем же веселым тоном произ-

нес Берузаимский.— Вот вы уже все и забыли!.. А дом, разве не вы обещали помочь мне купить в ваших местах? Да еще и за вдовушку сосватать...

Насчет вдовушки, кажется, разговора не было, но сказано это было сейчас довольно удачно, потому что хозяйка чуть покраснела.

— Так вы что же, насчет покупки домика? — сказала она. И вдруг всплеснула руками.— Так вы заходите... Только что же это я в таком виде? Знаете, посидите вот здесь, во дворике, на скамеечке. Я сейчас, только на минутку.

Владимир Петрович зашел во двор и присел на скамеечке, стоявшей под старой раскидистой грушей. Где-то рядом в сарайчике глухим басом заворчала собака. Но не залаяла, видно привыкла, что днем во двор заходят посторонние. Во дворике было так же чисто и опрятно, как и тогда, когда Берузаимский был здесь впервые. Только дверца на птичнике, которую ремонтировала хозяйка, была прикреплена криво и неумело, и это сразу говорило, что мужской руки здесь не было.

Фамет вышла из домика через несколько минут уже в другом, куда более нарядном платье. Вместо старой косынки на голове был цветастый платок.

— Так что же,— сказала она, присаживаясь на самый край скамейки.— Значит, хотите купить домик? В Навесном?.. Так можно прямо сейчас туда сходить. Это не так далеко. Меня, правда, дней десять не было дома, ну, да я думаю, там все еще по-старому... Да подождите, я сейчас узнаю...

Прежде чем Берузаимский успел ее остановить, Фамет проворно поднялась и подошла к заборчику, отделявшему ее дворик от соседнего. Берузаимский слышал, как она что-то спрашивала по-адыгейски. Когда она вернулась, на лице было написано огорчение.

— Знаете, уже поздно,— сказала она растерянно.— Кто-то купил, совсем недавно. Вот досадно! Что бы вам немного раньше?.. Или уже предупредили бы, а то ведь я думала, что вы так, для красного словца.

— Не огорчайтесь,— улыбнулся Владимир Петрович.— Дом купил я. А теперь вот зашел за должком,— пошутил он.— За обещанными за труд ста граммами.

Фамет сначала решила, что Берузаимский продолжает все еще шутить, но, когда тот в деталях рассказал ей о купленном доме, описал соседей, поверила. Хотя,

кажется, и теперь не до конца. Владимир Петрович видел, что чувствует она себя как-то неловко, все время поглядывает на соседний двор. По-видимому, визит незнакомого мужчины к одинокой женщине не мог остаться там без внимания. И он не стал затягивать своего первого визита. Он встал.

— Как, вы уже уходите? — спросила Фамет голосом, в котором прозвучали одновременно и облегчение, и сожаление.— Но теперь-то мы увидимся. Теперь соседи.

— Я хотел зайти к вам в магазин,— сказал Владимир Петрович.— Наш-то сегодня не работает. Говорят, продавщица по каким-то своим делам уехала. Пришел в ваш, а он-то уже закрыт.

— Так он по субботам только до шести,— огорченно заметила Фамет.— А вам, может, что-нибудь из еды, так я помогу...

— Спасибо,— засмеялся Берузаимский.— С едой я мог бы подождать и до утра. Папиросы забыл купить — это хуже. Придется одолжить у соседа. Ну, до свидания,— сказал он, уже прикрывая за собой калитку, и приостановился.— Да, кстати, вы говорили об учителе, преподавателе английского языка. Тот, который радиолюбитель, кажется. Вы не знаете, он на лето никуда не уезжает? Ко мне, возможно, приедет на каникулы племянник из города. У него не все в порядке с английским. Вот бы он его подтянул. Как вы думаете, не откажется?

— Тут как-то трое студентов отдыхали, так он с ними занимался,— сказала Фамет.— Они у меня жили... Хотите, я у него спрошу?

— Нет-нет,— сказал Владимир Петрович. — Сейчас спрашивать не надо, я еще не знаю точно, приедет ли племянник. А вы, если можно, просто узнайте, никуда он не собирается на лето уезжать. Если нет, тогда я сам пойду к нему и поговорю. Только, пожалуйста, ничего пока о моей просьбе не говорите, а то получится неудобно, если племянник не приедет.

— Да куда же ему уезжать, Касею,— пожала плечами Фамет.— У нас тут получше любого курорта. Разве только в город по делам. Вот жену он, может быть, на курорт и отправит. У Шарифы очень плохо стало с сердцем.

— Все-таки, пожалуйста, узнайте,— Владимир Петрович отошел на несколько шагов.— До свидания! Буду идти мимо, как-нибудь загляну. Тогда и скажете. И о ста граммах не забудьте: должок есть должок!..

На следующее утро Берузаимский поехал в райцентр. Навестил некоторых из своих бывших сослуживцев, старые знакомства не стоило терять, даже если на новом месте возникали более выгодные и нужные, и уже перед самым обедом отыскал дом шофера Джаримокова. Захватив с собой пол-литра водки и кое-какую закуску, он постучал в его калитку.

Джаримоков был дома. Он лежал во дворе на старой раскладушке и щелкал семечки, выбирая их из большой кучи, лежавшей перед ним на скамеечке.

Приезд Берузаимского сначала его не очень обрадовал, но потом, увидев выпивку и закуску, он заметно оживился.

— Вот хорошо, что вы пришли,— сказал сплевывая на землю кожуру подсолнечника.— Жена с сыном поехали к теще. Я тут возился в огороде. Устал. Должен был заехать дружок, да так и не пришел. А у вас что — какое-нибудь дело? — спросил он, не спуская глаз с покупок Берузаимского.

— Зачем? Не всегда же делами заниматься! — весело сказал Владимир Петрович.— Надо когда-то и отдохнуть. И потом обещал ведь за доброе дело угостить, вот и выполняю... Побывал тут кое у кого из старых знакомых и вот к тебе заглянул. Только, может быть, неудобно,— он показал глазами на бутылку.— Жена когда вернется?

— Да об этом не беспокойтесь, — оживляясь, ответил Джаримоков.— Раньше, чем к самому вечеру, ее не жди. Если вернется — то последним автобусом. А может и до утра остаться. У нее завтра выходной. Пошли лучше в комнату, а то тут столько глаз. Опять, скажут, пьянка. Им только бутылку увидеть.

Джаримоков вытащил из шкафа хлеб, принес редиски и свежих огурцов. Но рюмок у него не оказалось, и пришлось разливать водку в стаканы. Берузаимский налил ему почти на три четверти, и тот против этого ни слова не возразил.

— За твою семью,— сказал Берузаимский, поднимая стакан.— За то, чтобы тебе всегда сопутствовала удача. Как твоему бывшему другу. Как ты его назвал? Алкес или как?

— Алкес,— усмехнулся Джаримоков, почти до дна осушая налитое,— за ним не угонишься. Тот умеет,— он поставил стакан на стол и отправил в рот кусок колба-



сы.— Только другом он мне никогда не был. Такие друзья не про нас.

— Ну, а теперь ты с ним встречаешься? Или он не узнает тебя?

— Почему,— мрачно ответил Джаримоков,— узнает. Даже как-то остановился, поговорить хотел. Только зачем мне его разговоры? Я простой шофер, а он — начальство. Да еще,— Джаримоков усмехнулся,— наукой занимается. Глядишь, и профессором станет. На бедных пчелах выедет. Он и это сумеет.

— А вот с пчелами ты что-то напутал,— сказал Берузаимский. Проглотил в свою очередь порцию водки и, поискав, чем лучше закусить, отправил в рот разрезанный пополам огурец.— У меня сосед на той пасеке работает. Так он говорит, что никуда она не перебирается и не собирается.

— А вы слушайте,— усмехнулся Джаримоков,— так этот пасечник и скажет. А может, он всего и не знает. Это ведь не для каждого.

— Ну уж и не для каждого,— засмеялся Берузаимский,— как будто работа с пчелами — государственная тайна!

— При чем здесь пчелы? — обиделся Джаримоков.— Я же вам объяснял — площадка там рядом, а теперь строят еще одну... И машины новые, какие-то особенные. Ну, и это будет отражаться на пчелах. Гул. Теперь ясно? Один знакомый шофер там работал. Выпили как-то, он мне и рассказал. Я его знаю — ни пьяный, ни трезвый он врать не будет. Ну, давайте допьем, что ли. Чтоб вам в новом доме хорошо жилось.

— Ну, за это мы еще отдельно выпьем у меня дома,— сказал Берузаимский, доливая ему в стакан.— Давай за товарищество, за добрые отношения. Ну, до дна.

— Не пойму я вас все-таки,— хрустя редиской, произнес Джаримоков.— Вроде вы и хороший человек. А зачем тогда на меня так навалились. Я уж думал — пропал ни за что. Да ведь и правда, было бы за что. А то что — действительно гроши!..

— Ладно, не будем об этом. Ты парень хороший, я это уже понял,— Берузаимский разлил все, что осталось в бутылке. — Я тебя вот о чем прошу. Я подумал-подумал да и решил было на колхозную пасеку устроиться. Работа нетрудная, все время на природе. На свежем воз-

духе. Да и от дома теперь недалеко. Но, понимаешь... Устроюсь, начну работать, а пасеку и вправду перенесут куда-нибудь к черту на кулички. Отказаться сразу будет вроде неловко. А таскаться за тридевять земель тоже не особенно хочется. Я, конечно, тебе верю, но ведь ты же тоже от кого-то слышал. Нельзя ли поточнее обо всем этом узнать?

— Если не к спеху — можно,— подумав, сказал Джаримоков.— Ну, дня через два. Мы с шурином на базе встретимся.

— На базе? — переспросил Берузаимский.— Он что, туда прямо со службы приезжает?

— Да нет,— махнул рукой Джаримоков.— Его уже там нет. Уволили. Выпил больше, чем положено, ну и... Одним словом, у нас уже работает.

— Давно?

— Недели с полторы. Но знать-то он все равно знает. Это я вам точно говорю. У него там друзей полно.

— Так, может быть, мы как-нибудь встретимся? У тебя. Или это не совсем удобно? Я бутылочку захвачу. Понимаешь, хочется если уж устраиваться, то надолго. Не люблю я летать с места на место.

— Знаете что, а давайте во вторник. У нас же на базе санитарный день. Приезжайте с утра. Прямо ко мне. Жена будет на работе. Тут мы и...

— Ну вот и отлично.— Берузаимский поднял стакан.— А теперь за все доброе. Будь здоров. Только не забудь,— добавил он, заметив, что Джаримоков уже заметно охмелел.— Чтоб я зря не ехал.

— Ни в коем случае,— замотал тот головой.— У меня сказано — сделано. Да вы приезжайте, сходим к нему вместе. Он тут недалеко живет.

Джаримоков допил все, что осталось в стакане, и пошел провожать гостя. Шел, уже заметно пошатываясь, и Владимир Петрович заключил, что пить он не умеет и хмелеет довольно быстро.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тагир шел по лесу, осторожно ступая по осыпавшейся прошлогодней листве. Сколько лет он не дышал этим воздухом, неповторимым воздухом родных гор! Это было



так давно, что ему казалось, будто у него теперь кружится голова. Хотелось лечь куда-нибудь в прохладу раскидистого дерева и лежать так долго и неподвижно, глядя сквозь ажурную, мерно шелестящую листву на высокое голубое небо, тоже свое, родное.

Но это было небезопасно, и он продолжал идти, прислушиваясь к малейшему шороху. Но в лесу было совершенно безлюдно. Лес словно вымер. Только однажды впереди Тагир увидел, как из-под корней старого дуба выскользнуло рыжее тело лисы. Махнув пушистым хвостом, лиса тотчас же исчезла в чаще.

Наверное, где-то там под корнями была нора лесной разбойницы. И будь время... Тагир усмехнулся. Раньше он ни за что не упустил бы такого случая. Когда-то лучшего охотника, чем он, не было во всем ауле. Да и не только в его родном ауле. Сколько любителей охоты советывались с ним, прежде чем отправиться в лес. А его ружье, которое ему подарил один ученый из столицы в благодарность за проведенные на охоте дни? Было ли еще такое в округе? Нет, ни у кого. Это мог сказать твердо.

Но теперь обо всем этом пора забыть. И о том далеком прошлом, и о дру-

гом — совсем близком, которое все еще стояло перед ним, как дурной сон. Теперь ему нужно было начинать новую жизнь.

Если в первое время все обойдется благополучно и им с Сергеем удастся снова войти в жизнь, от которой они так долго были оторваны, вот тогда можно будет постараться забыть о прошлом и никогда о нем не вспоминать.

Как все-таки хорошо, что они встретились с Сергеем тогда на этой полупустой базарной площади сирийского городка! Расстались они с ним перед этим года два назад в Мексике. После долгих мытарств Тагиру удалось наняться на перуанский грузовой пароход, а вот Сергею так и не нашлось на нем места. Пароход этот должен был через три месяца снова вернуться в порт, где они и расстались с Сергеем. Но планы компании, которой принадлежала эта старая посудина, изменились, и пароход стал совершать рейсы на Ближний Восток. Причем никому из команды не было известно, в каком направлении будет следующий рейс. Узнавали об этом чаще всего в море. Тагир написал Сергею два письма, но сообщить адрес, по которому тот мог бы ответить ему, естественно, не мог. Так они и потеряли друг друга из вида.

Тагир вспомнил, как они впервые встретились с ним, оба измученные, затравленные преследователями, в рваном, висевшем лохмотьями обмундировании, сквозь которое выглядывало окровавленное, покрытое ссадинами тело. Тагир и Сергей неожиданно встали друг против друга на одной из крутых горных троп Гарца, и сначала даже как-то не совсем поняли, что у них совершенно одна судьба. Тот, второй, что был с Тагиром, через день умер, и они остались вдвоем, Сергей Баскаков и Тагир Хаджинароков. Несколько дней они прятались, но потом голод выгнал их из темных расщелин гор к обжитой долине, и тут их схватили полицейские. К счастью, они не стали долго выяснять, откуда сбежали пленные, а просто отправили их в ближайший лагерь. Оттуда они и попали в качестве даровой рабочей силы в одно из хозяйств на севере Германии. Потом сюда пришли англичане. Они не собирались особенно быстро освобождать подневольно работавших в хозяйстве, мотивируя это тем, что рабочих рук не хватает и что если хозяйства останутся без рабочей силы, то может наступить голод. Здесь Тагир узнал от одного из земляков, что умерла

не только его жена, но и маленький Алкес. Человек, который передал это, знал очень хорошо их обоих, и поэтому Тагир ни в чем не мог сомневаться.

Долгое время после известия о гибели своей семьи он находился в состоянии полной апатии, а потом, когда Сергей, у которого вообще никого не осталось дома, предложил ему поехать в Южную Америку, посмотреть мир, согласился. В лагере для перемещенных лиц их долго проверяли, прощупывали, а с молодыми и физически еще крепкими занимались особенно много. Какой-то высокий человек, почти без акцента говоривший по-русски, сказал им, что если они попадут в трудное положение, то он им всегда будет готов помочь. Для этого, где бы они ни находились, им надо позвонить по телефону в американское представительство. Номер, по которому следовало звонить, он попросил не записывать, а просто запомнить.

В Южной Америке отыскать сносную работу было более чем трудно. Исколесив без всякого для себя успеха почти все страны континента, они попали в Мексику, а там их пути разошлись. И вдруг спустя два года Тагир в труднейшую минуту своей жизни снова увидел Сергея, спускавшегося вниз по ступенькам в базарную кофейню.

Тагир вошел в нее, когда Сергей, совсем ссутулившись, присел за кривой неказистый столик в углу. В маленькой с низким потолком кофейне господствовал полумрак, и Сергей не сразу поверил своим глазам, когда увидел Тагира. Они обнялись, потом долго хлопали друг друга по плечу, расспрашивали, какими судьбами каждый из них здесь очутился. Сергею, как оказалось, после отъезда Тагира тоже удалось наняться на одно из торговых суденышек, и вот много времени спустя судьба тоже случайно его привела в Сирию.

— Значит, ты снова уходишь в обратный рейс? — спросил Тагир, когда уже все основные детали были выяснены.

— Я? — усмехнулся Сергей.— Нет, эта толстая панамская свинья уйдет без меня. Набирает голодных людей и заявляет, что благодетельствует им. Обсчитывает и грабит при каждом удобном и неудобном случае. Но я не выдержал и кое-что сказал ему об этом. И вот,— он снова усмехнулся,— он меня выставил. Сразу же. После первых двух слов.

— Что же ты предполагаешь делать? — после короткой паузы спросил Тагир.

Сергей пожал плечами:

— Не знаю, будем вместе наниматься на какое-либо судно. Сюда их приходит много.

— Бесполезно,— вздохнул Тагир.— Я уже пробовал. Да и на суше ничего не нашел. Но вот, говорят,— добавил он совсем тихо,— где-то здесь наши специалисты строят больницу. Я хотел податься туда, да вот встретил тебя. И, кроме того, у меня почти ни гроша за душой...

Сергей внимательно посмотрел на него.

— Хочешь вернуться? — спросил он почти шепотом.— А станут ли с тобой разговаривать те, кто строит эту больницу, когда узнают, кто ты? А если даже и станут. Как встретят нас на родной земле? После стольких лет... Ты подумал об этом?

— Что бы ни сказали, а хуже не будет...— мрачно ответил Тагир.— С меня хватит. Я всем этим сыт по горло.

— Подожди,— сказал Сергей,— не будем спешить. Надо все взвесить и обдумать. Я тоже, как и ты, решил со всем этим покончить. Деньги у меня есть. Правда, не особенно много. Может быть, ты и прав,— надо добраться до этого строительства, расспросить наших, как там теперь, дома.

Выпив по чашке кофе и перекусив, они вышли из кофейной. Сергей, после того как расплатился, подсчитал оставшиеся деньги — дней на десять их должно было хватить, даже с учетом проезда в оба конца. Страна была не так велика, чтобы билеты стоили особенно дорого. Но прежде, конечно, надо было выяснить, где находится строительство, на котором были заняты советские специалисты. Вечером узнавать об этом было негде и не у кого. Утром, переночевав в финиковой рощице, на берегу мутной Барады, они пошли в центр города. Несмотря на свое положение, оба они не могли не заинтересоваться сохранившим почти нетронутыми со времен средневековья свои особые черты старым городом, в центре которого возвышалась великолепная мечеть Омейядов. Они долго стояли около нее, любуясь великолепной резьбой по мрамору и дереву, огромными цветными многочисленными колоннами, потом прошли по вытянувшейся стрелой улице с остатками многочисленных арок и развалинами двойной колоннады, прошли мимо богато украшенного дворца Каср аль-Азм, мавзолея Салах ад-Дина и старинной цитадели и попали на огромный крытый рынок Хамадие, занимавший по площади чуть ли не половину

старого города. Застроенный двухэтажными каменными домами, перекрытыми между собой полуокружьем свода, рынок этот напоминал собой город, скрывшийся под единой колоссальной крышей. И только выйдя в новую часть города, они увидели привычные им европейского типа постройки, увидели многоэтажные корпуса уже готовых и строящихся домов. Здесь строительство, кажется, кипело на каждом шагу. А туда дальше, к синеющим вдали горам, вставали многочисленные белые стены чуть ли не нового города. Да, это был не Ливан: вот где надо искать работу. При таком размахе ее должно было хватить на всех.

Это обстоятельство сразу подняло их дух. Но сначала следовало все-таки выяснить, где работают советские специалисты. Самое верное — пойти на почту и телеграф. Уж где-где, а там наверняка известно, куда идут письма из Советского Союза. Их расчеты оказались правильными. На почте им назвали место, где совсем недавно велось строительство суконного комбината, но тут же добавили, что вот уже месяц, как почта из Советского Союза перестала туда поступать. Это могло означать только одно — все русские специалисты уже покинули стройку. Но было и другое строительство — той самой больницы, о которой Тагиру говорили еще в адыгейском ауле. Однако находилось оно в местности, прилегающей к району военных действий, и, хотя сейчас было заключено временное перемирие, обстановка там оставалась очень тревожной, и без специального разрешения попасть туда было навряд ли возможно.

А кто же им дасг разрешение? Кто поручится за них?

Что же все-таки оставалось делать? Попытаться ли сначала устроиться где-нибудь здесь, в Дамаске, или на свой риск и страх отправиться на стройку больницы в пограничном районе? Незнание языка не особенно смущало их — население города состояло из самых различных национальностей, и не все они хорошо владели арабским. Для Тагира адыгейский был родным языком, и он еще не забыл его, а бывших его соотечественников, как он успел заметить, и в Сирии было довольно много. Кроме того, и он, и Сергей знали уже два-три десятка фраз по-арабски, и с каждым днем пополняли свои знания. Так что в этом смысле особых препятствий они не видели.

Здесь же на почте они встретили одного адыга, с ко-

торым и разговорился Тагир. Ничего, разумеется, Тагир о себе ему не сообщил, спросил только, где можно найти работу, не обязательно хорошую, пусть пока хотя какую-нибудь. Адыг засмеялся и сказал, что плохой работы в Сирии при новой власти уже нет, но что, если они хотят получить не только работу, но и жилище, пусть едут в местечко, которое находится километрах в пятидесяти от Дамаска. Там только начинаются работы на каком-то большом строительстве. Он это знает точно, потому что его родственник только вчера туда поехал. Уж где-где, а там рабочих рук нужно немало. И одновременно там будут строиться и дома для рабочих. Сейчас внизу как раз стоит автобус, который идет в это место. Через десять минут его загрузят посылками, и, если они хотят, он может поговорить с шофером, чтобы тот подкинул их.

Упускать такой случай они не стали. И в полдень были уже на стройке. Однако здесь их снова постигло разочарование. Первая партия рабочих была уже набрана и отправлена на место строительства, вторую предполагалось набирать только через два-три дня. И сделать ничего было нельзя, потому что все начальство находилось на строительстве. Нет ли здесь советских специалистов? Пока нет. Но, возможно, когда кончатся предварительные работы, они приедут.

Городок был довольно большой, но спокойный и тихий. В этот полуденный час на улицах почти никого не было, и Тагир с Сергеем зашли в небольшую столовую, расположенную в глубоком подвале. Здесь было довольно прохладно. Предстояло решить, что делать дальше. Они обсуждали и взвешивали все не менее часа. И кто знает, чем закончился бы их разговор, если бы че одно обстоятельство, которое ни Тагир, ни Сергей не могли предусмотреть. Занятые своей беседой, они не заметили, что подсевший за соседний столик черноволосый, сравнительно еще молодой человек с тонкими усиками все с большим и большим вниманием прислушивается к их разговору. Тагир и Сергей по привычке говорили тихо, и, наверное, далеко не все долетало до слуха незнакомца. Потом, когда оба они, невольно забыв об обычной осторожности, стали говорить значительно громче, он вдруг встал и направился к их столику.

— Товарищи, товарищи,— он старательно произнес это слово и с широкой дружеской улыбкой протянул им

руку.— Вы советские?.. Очень хорошо... Я рад... моя... Мое имя... Хамид... Я учился Советский Союз... Здравствуйте!..

Это было так неожиданно и для Тагира, и для Сергея, что оба они некоторое время растерянно молчали. Единственное, что они сумели сделать,— это встать.

А Хамид, продолжая улыбаться, уже крепко жал руку Тагира.

— Здравствуйте... Здравствуйте! Как поживаете?.. Я уже два год, как из Советский Союз... У нас здесь, где я работал, нет русский... Чуть совсем не забыл, как говорить... А вы давно наша страна? Где работаете?.. Наверное, там, на больнице?..

Не успели Тагир и Сергей кое-как освоиться с тем, что произошло, как эти вопросы, которые Хамид задавал со стремительной быстротой, снова повергли их в полную растерянность. Сергей нашелся — он так же крепко пожал Хамиду руку, усадил его за свой стол и, не дав ему больше ничего спрашивать, сам начал задавать ему вопросы, где и когда он учился в Советском Союзе, как ему там понравилось. Хамид отвечал с большой охотой. По всему было видно, что время, проведенное в чужой стране, осталось в его памяти добрым воспоминанием. Оказывается, учился он совсем недалеко от мест, где рос и жил Тагир,— сначала в Армавире, потом в Краснодаре.

— Краснодар — Кубань, Армавир — Кубань, — быстро говорил он, размахивая руками,— Армавир быстрая, Краснодар тихая, как наша Барада. Краснодар институт... Сельское хозяйство... О-о, какой институт огромный. Один корпус больше, чем наш рынок Хамадие. Институт закончил, был в Москве Красная площадь Мавзолей Ленина... Кремлевский дворец. Многое видел всего интересно. Потом приехал домой. Теперь я врач. Понимаете — врач. Ветеринар!..

Хамид рассказал, что уже два года проработал в селе ветеринарным врачом, а сюда приехал по делам, нужно получить кое-какие медикаменты, которые пришли тоже из Советского Союза. Деревня, где он сейчас живет и работает, находится в самой глуши, далеко в стороне от главных дорог, новые люди заезжают туда очень редко, не говоря уже об иностранцах. И за все эти два года он ни разу не столкнулся с русским, ни словом не обмолвился на этом языке. Передачи по радио из Советского Союза он, правда, иногда слушает, но это совсем не

то, что общение с живым человеком. И он сейчас очень, очень рад, что наконец может получить возможность вспомнить русский язык.

Хамид, рассказывая обо всем этом, конечно, и не подозревал, что оба собеседника слушают его и с интересом, и с очень большим волнением. Оба они были несказанно горды тем, что все эти восторженные слова благодарности относились к стране, в которой они когда-то были полноправными гражданами.

Но Тагир первый ощутил новый прилив волнения — сейчас Хамид кончит говорить о себе, и тогда придет их черед. А что они скажут ему? Солгать, будто оба они совсем недавно из Советского Союза, или выложить всю правду? Поймет ли их этот человек? И как он отнесется к этой горькой для них правде?

— Я через час пойти офис,— сказал в этот момент Хамид.— Контора,— поправился он, снова широко улыбнувшись.— А вам куда? Вы долго здесь? И где живете? Отель? Какой? Если можно, я зайду вечером... Конечно. Если товарищи свободны...

Тагир и Сергей посмотрели друг на друга. И ни один не увидел ответа в глазах другого на мучивший их вопрос, и все же Сергей опять нашелся первым...

— Мы очень рады, Хамид, что встретились с вами... Очень приятно видеть человека, который жил на твоей родине... В отель мы еще не устроились и не знаем, в каком будем жить. Но нам надо спешить по делам. Давайте вечером просто снова встретимся здесь...

— О, очень хорошо...— Хамид снова заулыбался.— Очень хорошо, спасибо... Восемь часов... Нет, меньше... Семь часов я буду здесь... Ладно.

Он проводил их на улицу и осмотрелся по сторонам.

— Вам ждет авто? Вам куда? Там моя машина. Автобус. Маленький. Могу повезти.

— Спасибо,— сказал Сергей.— Наш шофер знает, куда ехать. А машина наша за углом... До свидания... До вечера...

Хамид, кажется, хотел проводить их и дальше, но после того, как они с ним попрощались, не сделал этого. Он только стоял и смотрел им вслед и, когда они сворачивали за угол, помахал им рукой.

Очутившись за углом, Тагир и Сергей облегченно вздохнули. Однако они, не останавливаясь, прошли через какой-то проходной двор, вышли на широкий бульвар, у

края которого елочкой стояло множество легковых машин, и только у скамейки, прикрытой низкой развесистой пальмой, остановились.

— Ну,— проговорил Сергей, опускаясь на скамейку,— что ты на это скажешь?

Тагир мрачно посмотрел на носки своих туфель.

— В конце концов, к черту... Не преступники же мы. Что нам сделают дома?.. Как хочешь, я больше не могу... Будь что будет... Надо любыми способами возвращаться домой.

— Я согласен,— тихо произнес Сергей.— Но только надо сначала все узнать. Выяснить, как это делается. Хамид же ничего не знает. Для него наша страна тоже, что и для нас,— его. Прежде чем идти в наше представительство, нужно поговорить с кем-то из советских людей. Давай попросим Хамида помочь перебросить нас на строительство этой больницы? Там наверняка есть люди, от которых мы можем узнать все, что нам нужно.

— Но тогда надо рассказать Хамиду все о себе,— сказал Тагир.— А ты уверен, что после этого он захочет иметь с нами дело?

— Нет,— мрачно усмехнулся Сергей,— не уверен. А может быть, не стоит говорить ему все? Скажем, что мы просто по каким-то причинам отстали от своего транспорта и что нам нужно как можно быстрее попасть на строительство.

— А если он спросит, почему мы не обратимся в свое посольство? Или к какому-нибудь нашему представителю? Как быть тогда?

— Ну, а если не спросит? Если просто поможет, и все? А если нет, что мы теряем. Не будет же он следить, что мы будем делать дальше. И потом наше консульство находится в Дамаске. Отсюда до него полсотни километров.

— Ну что же,— подумав, произнес Тагир,— это, кажется, единственный выход. Давай взвесим и рассчитаем, что мы ему скажем. Как представим себя, чтобы это не вызывало у него подозрения.— В конце концов было решено, что они скажут Хамиду так. Оба работали на строительстве суконного комбината, но перед самым его пуском заболели. Ну, скажем, попали в автомобильную аварию, получили сотрясение мозга, и врачи запретили перевозить их на большое расстояние. Пришлось отлежать свой срок на месте. Сейчас им выделили машину,

которая должна была довезти их до Дамаска, но опять произошла досадная случайность. Какой-нибудь час назад на ней вышел из строя радиатор. Пока его будут чинить, они бы с удовольствием съездили на строительство больницы. Там, как они узнали, работает один очень близкий их знакомый. Вот если бы Хамид помог им в этом, они были бы ему очень благодарны. Главное — добраться туда, а уехать обратно их знакомый обязательно им поможет.

Хороша или плоха была версия, лучше придумать им не удалось.

И когда Хамид ровно в семь явился в уже знакомую им закусочную, они изложили ему ее слово в слово. Хамид, к их удивлению, не поставил под сомнение ни одно их слово. Сначала он чрезвычайно расстроился несчастьем, которое с ними произошло, потом огорчился случаем с машиной и, наконец, начал думать о том, как им помочь. Одно оказалось совершенно точным — в зону, где шло строительство больницы, в настоящее время требовался пропуск. Но Хамид настолько верил им обоим, что сейчас думал только о том, как бы провезти их, минуя пост на дороге. Пост был один, это Хамид знал точно, но и дорога была одна, и миновать его не представлялось никакой возможности. Разве только на вертолете.

— По пустыне нельзя,— рассуждал сам с собой Хамид, все более мрачнея. — По песку машина не пройдет. В объезд правее совсем нельзя. Горы... Да и кто повезет? Нужна машина. Подождите... Я буду звонить... Там же стройка. Может, кто-то приехал. Подождите, товарищи. Я скоро... — Он ушел и вернулся действительно очень быстро. Лицо его стало еще печальнее.

— Нету, ничего нету,— расстроенно сказал он.— Уже пять дней... На дороге стало неспокойно. Ладно,— вдруг решительно сказал он,— подождет. Это ничего. Один день.

— Кто подождет? — спросил Тагир, внимательно наблюдая за внезапно посветлевшим лицом Хамида.

— Жена подождет,— уже твердо произнес Хамид.— Я сказал сегодня: приеду завтра. Не умрет. А? — он засмеялся и посмотрел на них теперь уже совсем весело заблестевшими глазами.— И начальник не умрет тоже. И быки не умрут. Один день. Ничего не будет.

— Не понимаю,— спросил Тагир.— Какой один день?

— Один день позже. Приеду завтра. Повезу вас сам. До строительства. Туда три час. Обратно три час. Семь часов.

— Шесть,— поправил его Сергей — три и три будет шесть...

— Один час отдых,— довольно засмеялся Хамид.— Шесть и один — семь. Я не забыл. Русский я не забыл... Язык не забыл. А цифры у вас арабские, наши...

— Подожди,— остановил его Тагир,— а если тебе за это влетит? Ведь сам же говорил, что для проезда туда нужен пропуск.

— «Влетит? Что — влетит?» А, будет ругать, да? От начальника? Откуда он знает, сколько я получил тут медикаменты. Час, пять или два дня. А на дороге. Э-э, меня не остановят. Полумесяц... Медицина... Никто не откроет. Вам не надо только петь, кричать. Все будет хорошо. Пошли.

— Прямо сейчас? — спросил Тагир.

— Вещи? — спросил Хамид.— Хотите брать вещи? Не оставлять в своей машине? Поедем. Это далеко?..

— Нет, вещей не надо,— торопливо ответил Тагир.— Мы их оставим здесь. Ну, а шофер... Он согласится?

— Какой шофер? — уже совсем весело сказал Хамид.— Я шофер. На тракторе у вас ездить научили, на машине научили, только на самолете не успел. Еще раз поеду — научусь. Пойдем, пойдем. Быстро.

Ни Тагир, ни Сергей не ожидали такого поворота событий. Им уже стало просто стыдно за свою затею. Кроме того, Хамид, по приезде на строительство, наверняка захочет увидеть их «Знакомого» и, конечно, сразу догадается, что они его обманули, что каждое их слово было враньем... Но что теперь делать? Хамид, не говоря ни слова, торопливо шел по улице, ведя их за собой. Через несколько минут они свернули в небольшой дворик, в одном из углов которого стоял светлый микроавтобус, легкий и изящный. Ни Тагиру, ни Сергею еще не приходилось на таком ездить. Каково же было их удивление, когда они увидели, что автобус был советской марки.

Хамид открыл дверцу. Внутри были низкие удобные кресла. Не больше десятка. А в конце, за ними, лежали какие-то пачки, перевязанные шпагатом. Наверное, медикаменты.

— Садись,— сказал Хамид,— садись. Машина... Во... Нюся... Так называется. А, я забыл... Вы же сами знаете.

Когда доедем до поста. Темно. Тогда скажу там. Только тихо.

Машина тронулась, и сразу же за городом поплыла за окнами темнота. Колеса шли легко, мотора почти не было слышно, и трудно было понять, с какой скоростью они едут. Неожиданные повороты событий в этот день основательно потрясли их обоих. Стала сказываться усталость. Они не заметили, как задремали, и очнулись оттого, что машина остановилась. Вокруг было все так же темно. Только перед Хамидом горели разноцветные огни на приборах.

— Все,— сказал он тем же веселым голосом,— проехали...

— Что — проехали? — не понял Тагир.

— Пост проехали... Еще час. Один час...

Машина снова тронулась с места. За окном в ночном полумраке мимо поплыли прямоугольные силуэты строений. Потом они кончились, и снова пошла голая дорога. Ни Тагир, ни Сергей уже не хотели думать о том, что произойдет дальше. Там на месте все станет ясным.

Они снова задремали. Хамид, освещая подфарниками дорогу, внимательно вглядывался вперед, мурлыкая что-то себе под нос. Сколько времени так прошло, ни Тагир, ни Сергей потом не могли сказать. Разбудил их звук выстрела. Он был очень отчетливым и близким. И потом, где-то уже совсем рядом, поднялась беспорядочная стрельба. Вспыхивали и гасли красные прерывистые нити, они перечертили полумрак во всех направлениях. Потом темнота за окнами машины внезапно растворилась в мягком зеленом пламени ракеты. И ясно до боли в глазах встала впереди почти прямая, идущая круто вниз горная дорога, каменный завал впереди где-то далеко внизу, темные фигурки людей на обочине. Потом все это сразу же исчезло в снова навалившейся со всех сторон темноте, и только теперь Тагир и Сергей поняли, что машина бесшумно на холостом ходу сама катится вниз по дороге. Хамида за рулем не было.

Сергей первый успел рвануться вперед к баранке, но, споткнувшись обо что-то мягкое, с силой ткнулся головой в ветровое стекло. Прежде чем он успел понять, что под ним лежало тело Хамида, сильнейший удар снова бросил его на стекло. На этот раз удар был настолько силен, что он сразу же, как и брошенный той же силой Тагир, потерял сознание.

Когда Сергей открыл глаза, вокруг было все так же темно. Нестерпимо болела голова и все тело. С трудом пошевелившись, он понял, что лежит на земле. Высоко над головой стояло беззвездное сероватое, по-видимому, начинавшее светлеть небо. Он полежал несколько минут неподвижно, пытаясь собраться с мыслями. Хамид, машина, дорога, стрельба. Что дальше? А дальше он вдруг вспомнил очень отчетливо: неподвижное тело Хамида и в мертвенном свете ракеты крутая горная дорога. В тот самый момент, когда он пытался взять на себя управление машиной, она перевернулась. Ну, а потом, что было потом?

Сергей, сделав огромное усилие, приподнялся и сел. Теперь он увидел, что кто-то лежал рядом с ним. Глаза уже привыкли к темноте, и по фигуре он узнал Тагира. Лица его он еще не мог разглядеть, но, дотронувшись до него рукой, ощутил теплоту его тела и уловил тяжелое прерывистое дыхание. Но если это Тагир, наверное, где-то рядом должна быть и машина... А где же Хамид? И где те, кто их вытащил из машины?

В этот момент Тагир застонал и тоже пошевелился. Где же они все-таки находились. Сергей поднял голову и от неожиданности зажмурил глаза: рядом с ним, в каком-нибудь десятке шагов, была колючая проволока. Высокий забор в густом переплетении колючей проволоки. А чуть левее в темноте стояли прямые одинаковые строения, чрезвычайно похожие на бараки концлагеря.

Он снова бессильно опустился на землю. Нет, это была галлюцинация. Не могло же время вернуться вспять, не мог же он снова попасть в нацистский лагерь. И что — им снова предстояло испытать все унижения, голод и издевательства? Сейчас он откроет глаза и все это исчезнет, как мираж!.. Он открыл их, и все осталось на месте. И колючая проволока. И бараки. И теперь он даже различил на углу вышку с темной фигурой часового. Он хотел протянуть руку и потрясти Тагира, но тот уже сам с глухим стоном медленно поднял голову и сел.

— Что случилось? — тихо спросил он, наверное, различив в сером полумраке лицо Сергея.— Где Хамид? Что случилось?

— Не знаю,— так же тихо ответил Сергей,— ни где Хамид, ни где машина, ни где мы сами. Посмотри... Помоему, это колючая проволока... Может быть я ошибаюсь, но это лагерь... Это опять концлагерь!..

Сергей не ошибался. Очень скоро они узнали, что это действительно был лагерь, в который судьба их отправила второй раз через двадцать лет после того, как они вырвались из первого. В тот самый момент, когда машина Хамида проходила участок дороги, прилегающий к границе с израильской стороны, вдруг открыли по дороге огонь. Хамид, по-видимому, был убит первой же очередью, и машина, потеряв управление, на полной скорости понеслась вниз по дороге. Потом, сойдя с нее, пошла по склону горы. Благодаря своей устойчивости она перевернулась не сразу и пронеслась еще дальше, как раз до окопов израильских солдат...

Что было делать? Открываться? Сказать, кто они такие? А кем они вообще были? Что они могли о себе сказать? Но сейчас главное для них было даже не в этом. Что стало с Хамидом? Неужели из-за них погиб этот отличный парень, который бросил свои дела только для того, чтобы помочь им? Но спросить пока было не у кого. В лагере находилось человек двести арабов самого различного возраста. Здесь были не только мужчины, но и женщины с детьми и старики. Их пока никто не трогал, никто ни о чем не спрашивал. Утром охранник принес какую-то мучнистую похлебку, молча бросил им две погнутых алюминиевых чашки и так же молча ушел.

Лагерь находился в расщелине между каменистыми горами. Горы были почти совершенно пустынны. Только по дороге, охватившей крутой склон, двигались иногда машины. По ту сторону проволоки находилось несколько строений, в которых, по-видимому, жила охрана.

Время приближалось к полудню. Все находившиеся в лагере забились в тень. На них никто, как и прежде, не обращал внимания. И тут только они обнаружили, что ни одной бумаги, которые находились при них, ни одного документа, удостоверявшего личность, в карманах у них не было.

Тогда Тагир решил походить среди заключенных поискать человека, владеющего адыгейским языком. А Сергей в это время, расположившись у проволоки, стал наблюдать за строениями, в которых жила охрана, и особенно за одним, находящимся немного впереди, где стояли две машины и несколько мотоциклов. По-видимому, здесь была комендатура.

Из дверей комендатуры выходили и входили военные. Кто-то приехал на мотоцикле, потом уехали сразу

двое. Привели каких-то гражданских. Потом еще нескольких. Но никого и отдаленно похожего на Хамида среди них не было.

Возможно, его и не могло быть среди них. Если тогда в машине он упал с сиденья не от толчка, а от попавшей в него пули... Там Сергей не успел этого определить. Однако ему не хотелось думать, что Хамид был убит. Это было бы слишком несправедливо. Нет, лучше предполагать, что он был только ранен. В этот момент из здания комендатуры вышли двое. Оба в коротких брюках, в гетрах и в шляпах тропического покроя. Они направились прямо ко входу в лагерь. Они вошли в него и остановились, осматриваясь вокруг. Потом один из них остался у входа, а второй вошел на территорию. Сергей не мог разглядеть его лица, наполовину оно было закрыто большими темными очками. Но зато он заметил совершенно точно, что человек этот смотрел как раз на то место, где они с Тагиром лежали ночью. Да, он не ошибался, тот смотрел именно туда, и по всему было видно: оттого, что там теперь никого не было, он ощущает не то что тревогу, но, во всяком случае, раздражение. Наконец он отошел на несколько шагов, еще раз оглянулся вокруг и теперь уже увидел Сергея. Что-то коротко сказав оставшемуся у входа, он пошел к забору. Сергей сидел на земле и молча смотрел на него. Тот остановился рядом.

— Эй, ты, встань. Ты кто такой? — Фраза эта была произнесена на довольно чистом русском языке. Но Сергей молчал.

— Что, от страха язык проглотил? А ну-ка встань, когда с тобой разговаривают. Ты русский? Говори. Молчишь? Ну, тогда пойдем. Там разговоришься. А где второй? А, вон он,— заметил он подходившего Тагира.— Ну давай пошли. Сейчас вы все выложите.

Их привели в просторную комнату со столом в углу. На столе лежали все их личные бумаги с разноцветными штампами и печатями таможенных чиновников чуть ли не всех частей света.

— Вы из Советского Союза? — спросил приведший их.— Когда прибыли в Сирию?

— Я русский, а он адыг. Из Советского Союза мы давно, почти двадцать пять лет. Это же ясно по нашим бумагам.

— Бумагам? — засмеялся тот.— С бумагой что хо-

чешь можно сделать. Говорите все, как есть. Все равно от нас ничего не скроете.

Допрос длился три часа.

— Ладно,— со злобой сказал тот, кто их допрашивал.— Не хотите говорить здесь, скажете в другом месте. То что вы советские агенты, нам совершенно точно известно. Признаетесь — облегчите свою участь. Нет — пеняйте на себя.

Их снова отправили в лагерь, а утром опять вызвали на допрос. Впрочем, теперь он велся уже скорее формально, человек в темных очках уже сам понял, что здесь они ему не скажут ничего, кроме того, что уже сказали, и задавал вопросы просто так, на всякий случай. Это было ясно еще и из того, что у самых окон комендатуры стояла машина, около которой находился солдат, вооруженный автоматом, а второй находился здесь, в комнате.

— Так, значит, продолжаете упорствовать? — устало произнес человек в очках.— Ну, что ж, пожалеете, но будет поздно.

Он отдал какую-то команду, и солдат, сделав движение автоматом, показал им в сторону машины.

— Подождите минуту,— обернулся к нему Тагир.— С нами в машине был еще один человек. Где он, что с ним?

— Какой человек? — подозрительно посмотрел на них тот.— Никакого человека не было... А, этот?.. Он же был араб, и вам нет до него никакого дела.

— Ну что с ним? Он жив? — спросил Тагир.

— Он вас интересует? Если судить по вашим бумагам, вы здесь совсем недавно. Откуда же у вас друзья да еще, по-видимому, близкие, если вы так о нем волнуетесь? Хотите о нем узнать? Говорите всю правду о себе — услуга за услугу.

— Да нам не о чем больше говорить,— почти с отчаянием в голосе сказал Тагир.— Поймите же это! Мы сказали всю правду.

— Тогда проваливайте. Ничего вы от меня не услышите.— Он сказал несколько слов солдату и снова обернулся к ним.— Имейте в виду, при первой попытке к бегству они будут стрелять.

Через час машина довезла их до какого-то селения, скорее всего, небольшого городка. Их завели в серое невзрачное на вид казенного типа здание и заперли в отдельной камере. Кроме узенького оконца под самым

потолком да наглухо закрытых обитых железом дверей, их окружали одни только голые стены. Ни нар, ни стола, ни стульев. Здесь можно было вспоминать о чем угодно, но жаловаться было некому. Днем через вырез в двери им просунули котелок с похлебкой — один на двоих — и два куска хлеба. Ложки дать забыли. Они молча сидели на полу, прислонившись спиной к стене. Мысли у них были настолько одинаковы, что говорить было не о чем. Все, что произошло с ними за последние два дня, было настолько трагично и глупо, что отняло у них остатки воли. Сейчас им уже было все равно, что произойдет дальше. Только судьба Хамида, за которую они считали себя полностью ответственными, никак не давала им покоя. И оба они уже хорошо понимали, что с Хамидом произошло самое худшее. А если бы не они... Если бы они не попросили его помочь им... Этот отличный парень, этот добряк и сейчас находился бы дома, около своей семьи.

Когда поздним вечером они поодиночке были вызваны на допрос, их уже ничего не волновало. Вопросы были одни и те же — когда и зачем ты прибыл из Советского Союза? Изложи все это на бумаге и скрепи своей подписью. И ты получишь свободу. Не менее десяти раз им пришлось повторить то же самое, что они говорили на первом допросе в лагере, но им, как и там, не верили. Их допрашивали днем, вечером, ночью, вызывая на допросы то вместе, то поодиночке. Но ничего нового, конечно, вытянуть из них не могли. И вот на третий день Тагир, уже совершенно обессиленный, потерявший способность что-либо соображать, во время очередного допроса, рассказывая о жизни в лагере для перемещенных лиц, случайно вспомнил о человеке, который предложил ему запомнить номер телефона и обратиться по этому номеру, когда ему будет трудно. У него спросили, какой это был номер. Тагир не без труда, но вспомнил его. После этого их два дня никуда не вызывали. Потом утром принесли чистую, пахнувшую нафталином одежду и предложили переодеться. После этого они получили довольно приличный завтрак. А еще через час их вывели во двор и посадили в небольшой автобус. Боковые стекла на нем были матовые, впереди от водителя их отделяло тоже такое же стекло, и, куда их везли, они видеть не могли. Автобус остановился у небольшого домика, ничем не отличавшегося от находившихся рядом домов.

В просторной комнате, куда их ввели, их встретил сугубо штатского вида человек в очках и тонкими рыжеватыми усиками. Он поставил перед ними виски с содовой и приступил к самым тщательным расспросам. Но теперь это был уже не допрос, он на них не кричал, ничего не требовал подписать, он просто задавал вопросы и слушал. Им пришлось снова выложить перед ним всю свою жизнь, начиная не только с того момента, как каждый из них перестал быть бойцом Советской Армии. Его интересовала их жизнь в Советском Союзе, кем они были, чем занимались, кто из родственников мог у них там остаться.

Потом их отвели в небольшую комнату с двумя кроватями. На окне, которое выходило во двор, не было решетки, но, выглянув из него, они увидели в зелени пальм фигуру часового.

— Ты понимаешь, что все это значит? — спросил Тагир.

— Конечно,— невесело усмехнулся Сергей,— думаешь, тебе дали номер, чтобы оказать добрую помощь? За эту помощь нам придется расплачиваться дороже, чем мы расплачивались за все свои ошибки до сих пор!

— Послушай,— сказал Тагир,— а может быть, это и есть единственный путь домой в создавшемся положении?.. Ведь теперь они нас не выпустят из своих лап. Ты же сам это понимаешь...

— Мне уже все равно,— устало ответил Сергей.— Пусть, как угодно, но домой... Будем соглашаться на все. А там посмотрим, кто кого перехитрит.

На третий день они снова попали в ту же просторную комнату. Опять было виски с содовой и был тот же самый человек в очках. Снова началась беседа. Но теперь каждый из них чувствовал, что человек этот задает только уточняющие вопросы. Наверное, многое о них было уже ему известно, и не только от них самих.

Часа через три-четыре, как будто удовлетворенный полученными ответами, человек этот вдруг сразу же предложил им перейти жить в место, которое он им укажет. Они согласились и на это. На следующий день оба вселились в отдельную комнату в небольшом флигеле при торговом представительстве, а еще через несколько дней у каждого из них в кармане лежал билет на пароход, отправлявшийся в Грецию. Здесь они попали в небольшой лагерь, где уже по-настоящему началась подго-

товка, которой они ждали. План их был прост: если их перекинут на территорию бывшей родины, они не сделают ничего такого, чтобы могло принести вред. Документами их наверняка снабдят добротными. А если так, то это поможет им влиться в общий поток жизни, не вызывая ничьих подозрений. Никаких заданий из тех, которые будут ими получены, они, конечно, выполнять не будут, не будут, естественно, и поддерживать связи с теми, кто их послал. Они попросту исчезнут для всех, кто их до сего времени знал, и для того чтобы меньше вызвать подозрений, на первое время расстанутся, а потом, через год, встретятся снова.

Если, конечно, все будет обстоять благополучно. И тогда уж окончательно решат, что делать дальше.

Хорошо, что они все заранее это обговорили, рассчитали до малейших деталей свой план, потому что вскоре их отделили друг от друга. И только перед самым вылетом свели вновь. На инструктаж и на обмен мнениями. Но присутствовавший при этом хмурый человек в темных очках ни на минуту не оставлял их одних.

Задание, которое им давали, казалось очень несложным. Тагир должен был обосноваться где-нибудь поближе к морю, а Сергею надлежало направиться в один из городов предгорий, где на условленном месте получит от ожидавшего его человека дальнейшие инструкции, деньги и необходимые для проживания документы. Только после этого письмом, отправленным до востребования, Сергей должен был сообщить Тагиру о месте предстоящей встречи. Задание же последнего выглядело еще проще. В лесу ему надлежало оставить в указанном месте небольшой металлический ящичек. Оставить, и все. И устраиваться работать. А дальше все зависело от письма, полученного от Сергея.

Лучше было, конечно, Сергею ни с кем не встретиться, а попросту сразу же исчезнуть для тех, кто их послал. Но паспорт и деньги? Без них им не прожить и несколько дней. Значит, на встречу надо было идти. И уж потом исчезать навсегда. Что касается Тагира, то он и не думал никому передавать врученный ему металлический ящичек. Сейчас же после приземления он собирался просто избавиться от него, и точка.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Холодный отблеск неоновых светильников, приглушенный пластмассовым козырьком, струился по пластиковым стенам. Звуконепроницаемые перегородки не пропускали ни одного звука не только с улицы, но и гасили каждый шорох внутри самого здания. Если бы не метроном, сухими щелчками отбивавший секунды земного времени, можно было б подумать, что находишься где-то далеко от земли в безвоздушном пространстве. Хент покосился на продолжавшие молчать телефоны и перевел взгляд на циферблат. Стрелки показывали двадцать два часа пятьдесят пять минут.

Он снова сел в кресло.

Что бы там ни было, а шефу сейчас хуже, чем ему. Хент не знал деталей операции. О таких вообще осведомлены немногие, но то, что она была исключительно важна для отдела, в котором работал и он, не представляло для него ни малейшего сомнения. И, судя по поведению шефа, операция эта протекала пока не совсем так, как он это предполагал, или, во всяком случае, хотел бы предполагать.

В эти минуты, безусловно, шеф ждал какого-то сообщения. И о том, что оно было первостепенной для него важности, говорил такой знаменательный факт. Ровно в девятнадцать ноль-ноль шеф требовал свой коктейль, изготовленный по его собственному рецепту. Это повторялось неизменно день в день. Только исключительно плохое настроение могло заставить нарушить это правило. Таких случаев, как отметил Хент, за два года было три. И третий падал на сегодняшний вечер: почти четыре часа прошло после положенного времени, а на столе перед шефом все еще не было запотевшего бокала.

Сухо щелкнули стрелки. Они показали ровно двадцать три часа. Хент прикрыл глаза. Все-таки лучше было находиться здесь, в кабинете, в полной зависимости от того, кто находился за звуконепроницаемой дверью, чем ночью в кабине самолета где-то у границ чужой страны.

Едва слышно загудел зуммер: шеф разговаривал с кем-то по прямому проводу. Хент, откинувшись на спинку кресла, прислушивался к сухим щелчкам метронома.

Здесь, в этом кабинете, к Хенту часто приходило состояние отрешенности от всего окружающего его мира, и это было не просто внешним ощущением. Жизнь, кото-

рая проходила в этих стенах, интересы, которыми здесь жили, действительно были очень далеки от всего того, что происходило в каком-нибудь десятке метров на улице и дальше — на сотни километров в любую сторону от этого здания. Но зато нервные узлы, сходящиеся сюда с двух материков, очень чутко фиксировали все, что происходило даже в нескольких тысячах миль отсюда.

Три телефона, стоящие перед Хентом на отполированном до блеска столе, молчали. Шеф, кажется, не собирался тревожить его, но, судя по всему, не думал и вызывать машину.

Хент покосился на онемевшие телефоны, чтобы хоть немного размять тело, поднялся из своего кресла и подошел к зашторенному окну. Даже звук его шагов не нарушил тишины кабинета. Их поглотила пенопластовая прокладка пола. Он чуть отодвинул штору. Вдали за неровными крышами домов плясали огни реклам. Они бесшумно взрывались, гасли на короткое мгновенье, чтобы сейчас же зажечь темное осеннее небо метущимся разноцветным пламенем. Это паясничание рекламных огней здесь, на обетованной библейской земле, вдруг показалось Хенту кощунством, он усмехнулся и пожал плечами. Какое, собственно, до этого было дело!

Сейчас его больше интересовали личные дела. Как это ни досадно, но, кажется, с планами на сегодня придется распроститься. Ровно в двенадцать он должен быть в маленьком уютном кабинетике ночного ресторана Бедла Гостингса. Бедл был толст, как двухсотгаллонновая бочка, и рыхл, как пенопластовая губка, но время в его заведении можно было провести, не жалея о том, что оно истрачено даром.

Бедл знал свое дело. Его ресторанчик, в готовом виде перенесенный на эту библейскую землю из одного из злачных районов Нью-Йорка, обслуживали в основном девушки из эмигранток самого различного происхождения, еще не освоившиеся с новой для них жизнью. И они были куда приятнее и податливее соотечественниц Хента, сухость и холодный расчет которых действовали на него подчас удручающе.

И главное, они обходились дешевле.

С металлическим треском вспыхнул и погас между телефонами зеленый глазок. Голос шефа сказал:

— Принесите желтую папку и всю полученную информацию.

Когда Хент вошел в кабинет, шеф даже не поднял головы. Была видна только розоватая плешь на его макушке и пепельная черепаховая оправа очков. Хент положил папку на краешек стола и вышел.

Снова в полной тишине сухо отщелкивали секунды. Чуть слышно заныл зуммер. Шеф опять разговаривал по прямому. Хент начал дремать. Если бы не знакомый металлический щелчок, он бы не увидел снова вспыхнувшего зеленого глазка лампочки.

— Хент,— раздался голос шефа,— мой коктейль.

Хент вскочил на ноги. Кажется, он еще мог успеть.

Было двадцать три часа двадцать восемь минут.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пока у Тагира все шло как было задумано. А вот как обстояли дела у Сергея? Приземлился ли он так же благополучно, как и Тагир? И где он сейчас находится? Тоже пока в лесу или по дороге в город?

Тагир отлично знал этот город. По крайней мере, таким, каким он был два с половиной десятилетия назад. Но туда ему идти было нельзя. Во-первых, запрещалось полученными инструкциями, во-вторых — это было пока опасно и для него самого. Если его кто-то узнает, если его заберут для выяснения того, каким образом он снова очутился на родной земле,— разве может он кому-либо доказать, что думал прийти сам и обо всем рассказать? Кто же в это поверит? Нет, рисковать он не имеет права. Во всяком случае, до тех пор, пока не освоится с обстановкой, которая сложилась на его родине в настоящее время, и не убедится, что добровольная явка ничем особенным ему не грозит.

Но если в течение двух недель от Сергея не придет письма... Это будет означать, что с ним что-то случилось. Здесь уж, конечно, Тагир будет бессилен что-либо изменить. Вот тогда-то скорее всего и надо идти самому и все рассказать. Терять уже будет нечего. Сергей,— он был в этом уверен,— не выдаст его. Однако если он будет уверен, что Тагир явится в органы госбезопасности сам, то и он это непременно сделает.

Тагир продолжал идти по лесу, прислушиваясь к его шорохам, к неясным звукам, доносившимся из чащи зеленого кустарника, к щебетанию птиц над головой.

И вдруг ему показалось, что он вернулся в уже далекое для него прошлое. Что не было ни войны, ни плена, ни тяжелых лет на чужбине, не было даже самолета и купола парашюта в темном высоком небе. А был и есть он — Тагир, который идет по своему родному лесу, идет так же легко и уверенно, как шел он четверть века назад. И что нет на его плечах груза сорока восьми лет, и мышцы опять упруги и легки, как в молодости, и вот сейчас он свернет на тропинку, ведущую к дороге, пройдет по ней десяток километров или остановит попутную машину, и та по круто петлявшей ухабистой лесной дороге доставит его к первым домикам райцентра. А там уже рукой подать до родного аула. И первым, кто его встретит, будет его друг Джамбот... Кивнет он на рыжий мех висевшей на поясе Тагира матерой лисы, не пряча доброй улыбки спросит:

— Ну, что, Тагир, оставил ли ты там какую-нибудь хоть плохенькую лису и для нас?..

А он ответит:

— Оставил, Джамбот. И тебе и твоим внукам хватит!

А ведь Джамбот в шутку спросит об этом только потому, что знает: Тагир — отличный стрелок и никогда не выпустит пулю только затем, чтобы просто так лишить жизни любое повстречавшееся ему на лесной тропе животное. Джамбот тракторист, весной и осенью у него по горло работы, и он не всегда может бродить по лесу вместе с Тагиром. Тагиру в этом отношении куда проще. А потом Тагир войдет в дом. И маленькая, тоненькая Цуца, совсем не похожая на мать, кормящую ребенка, прижмется к нему, словно он вернулся не из леса, находящегося в двух десятках километров от дома, а откуда-то с края земли, да еще вернулся, перенеся невесть какие испытания. А маленький, совсем маленький Алкес, ему еще нет и года, потянется ручонками к непривычному рыжему меху и крепко уцепится в него крошечными пальчиками. И Тагир, довольный, скажет: «А что, Цуц, не охотник ли он будет, да еще почище отца? Как ты думаешь?» А Цуца, начиная хлопотать около стола, шутливо ответит: «Довольно с меня и одного, не хватало еще сразу двух ожидать». А потом... Нет, хватит! Довольно воспоминаний. Тагир тряхнул головой и приостановился. Вокруг был лес, величаво и спокойно стояли деревья, те же самые и почти не изменившиеся внешне за четверть века, в ажурной зеленой листве голубело вы-

сокое знакомое небо... Но прошлого не было. Было настоящее. Тревожное и неясное. И именно потому, что картины прошедшего так ярко и живо нахлынули на него, сейчас, в эту минуту будущее стало еще тревожнее и бесперспективнее.

Тагир стоял, прислонившись к шершавому стволу дерева, стараясь совсем отделаться от прошлого и вернуться снова в сегодняшний день. Да и что связывало его с этим прошлым, о котором так ярко и отчетливо вспомнил? Цуц? Ее давно нет в живых. Алкеса не было тоже. Лучший его друг Джамбот погиб в танке на его глазах. Осталась невеста Джамбота, Мерем, ближайшая подруга Цуцы. Но и она, наверное, давно уже вышла замуж, имеет детей, а может быть, и внуков. И нужна ли ей встреча с человеком, которая остро и больно напомнит ей о прошлом? Напомнит о ее невольной неверности памяти человека, которого она так любила... А может быть, Мерем все еще хранит эту верность? Может быть, она все еще одинока? Нет, вряд ли это возможно. Живое всегда живет живым. И кто осудил бы Мерем, если бы она через столько лет отдала бы свою руку другому? Только руку, но не сердце. Нет, надо не думать о прошлом. Во всяком случае, пока. Воспоминания эти расслабляют. Они могут привести к необдуманному поступку. Надо жить настоящим. Только настоящим. И будущим.

Он вдруг вспомнил о металлической коробочке, которую должен был оставить в лесу в условленном месте. За всеми воспоминаниями он забыл о ней и шел теперь в противоположном направлении. Тагир остановился. Далеко внизу справа шумела река. Он шел все время вдоль среза ущелья, на дне которого она текла. Вдруг он, раздвигая кусты, быстро пошел к обрыву и, не дойдя до него несколько шагов, сбросил сумку, не глядя в нее, отыскал металлический ящичек и, размахнувшись, швырнул его вниз. И облегченно пошел дальше. Связь с прошлым теперь была порвана окончательно.

Тагир прошел еще с километр. Здесь, как он помнил, лес начинал редеть, спускаясь вниз по склону неглубокого ущелья, а на той стороне лежала обширная поляна, за которой плотной стеной снова вставали вековые дубы. Отсюда вниз должна была идти тропинка, которая и могла привести его к знакомой дороге, ведущей в райцентр. Он сразу же нашел ее. Память не изменила ему и на этот раз.

Но не успев еще вступить на тропинку, Тагир снова остановился. Полянка на той стороне ущелья стала совсем другой. На ней, выстроившись в ровную линию, белели пять небольших аккуратненьких домиков. Около них стояли две грузовые машины. А левее и позади них уходил вниз по склону высокий решетчатый забор, за которым виднелось что-то белое и как будто живое. Присмотревшись внимательно, Тагир понял, что то был птичник. По-видимому, на поляне была сооружена птицеферма. Две женские фигуры в белых халатах, прошедшие мимо домиков, подтвердили это предположение.

Тагир стоял и думал, что делать дальше. Если дорожка, на которую он вышел, не изменила своего направления, то она должна была проходить теперь совсем рядом с птицефермой. Не слишком ли это рискованно для него сейчас? Прежде чем он дал сам себе ответ на этот вопрос, до него донеслись звуки голосов. Кто-то шел по лесу, разговаривая, почти споря, и находился уж так близко от него, что времени на то, чтобы спрятаться, уже не оставалось. Тагир стоял, словно окаменев. Опасность пришла совсем не оттуда, откуда ее он ожидал.

Через несколько секунд из чащи вышли двое. Один высокий, худой, на вид лет на пять-шесть старше Тагира и второй, приблизительно его возраста. На них были спортивные брюки и такие же куртки, на ногах туристские ботинки, а за плечами у каждого висели рюкзаки. Это были горожане.

Путешествие по лесу для них было не особенно привычным делом. Это тоже не ускользнуло от наметанного глаза Тагира.

— А я вам говорю, Сафер Ибрагимович, направо,— говорил в этот момент высокий.— Вон же и птицеферма. Она должна остаться слева и позади.

— Так ведь это было, когда мы заходили к ней с той стороны,— густым басом ответил второй и тут увидел Тагира. Глаза его радостно блеснули.— Да вот сейчас мы все узнаем. Смотрите, на наше счастье, тут местный житель. Добрый день! — он подошел к Тагиру.— Вы, наверное, из местных? Как нам вернее пройти к Голубому камню? Это тот, что вверху у истоков ручья.

Голубой камень? Тагир отлично знал это место. Но добираться до него было очень долго. Если идти обычным путем. Тагир с юности знал другой путь. Намного короче, но, правда, и намного опаснее. Как ни стран-

но, этот вопрос сразу успокоил его и вернул ему былую уверенность.

— Тем путем вам туда не добраться и к вечеру,— сказал Тагир, продолжая разглядывать туристов.— Ведь это же в обход ущелья, а потом вверх по склону.

— Вот видите,— торжествующе произнес тот, что помоложе.— Видите, дорогой Анатолий Васильевич, я же вам говорил. Значит, в обход, а потом...

— Есть путь короче,— сказал Тагир, хотя и не хотел этого говорить.— Вверх по срезу ущелья. Но только надо осторожно, чтобы не сорваться, а то...— он махнул рукой.

— И этим путем можно добраться засветло? — спросил тот, которого звали Анатолием Васильевичем.— Это точно? Простите, что я сомневаюсь в ваших словах, но нам очень надо быть у Голубого камня именно сегодня. Понимаете, нас должен был провести к нему местный лесник, но он куда-то отлучился, а мы не хотим терять время.

— Да и лесник, возможно, не знает этого пути,— сказал Тагир.— Того, о котором я говорю.

— Простите,— сказал старший, внимательно смотря на Тагира.— А вы очень заняты? Мы понимаем, это не совсем удобно... Но если у вас есть время и если это связано с какой-то материальной потерей для вас... Мы могли бы ее компенсировать!

Дело принимало неожиданный для Тагира оборот. Подобного продолжения этой неожиданной встречи он никак не мог ожидать. Конечно, надо было отказаться. Решительно и бесповоротно. Но вместо этого он сказал:

— Но прежде чем ответить, я должен знать...

— Зачем нам понадобился Голубой камень? — живо спросил тот, что помоложе.— Тогда разрешите объяснить. Вот это,— он показал на старшего,— Анатолий Васильевич, профессор. Я его ассистент. Звать меня Сафер Ибрагимович. В районе Голубого камня предполагается строительство... Но это уже для вас не интересно, у нас сейчас очень мало времени. Только три дня. И вот за эти дни мы хотели бы ознакомиться с местом. Мы понадеялись на лесника. Не сумели заранее предупредить его. Зашли, а его нет дома. Он на обходе и вернется не раньше чем к вечеру. А у нас все рассчитано. Очень не хотелось бы терять времени. Ну, так как же?

Тагир понимал, что надо было отказаться. Сейчас же. Сослаться на занятость, на что угодно. Но этот первый разговор с первыми встретившимися на родной ему земле людьми вдруг показался ему совсем нереальным. Словно все это происходило во сне. И можно было и говорить и делать что угодно, ничего не опасаясь, потому что стоило только проснуться...

Колебания Тагира оба ученых приняли по-своему.

— Послушайте,— сказал профессор,— может быть, вы в чем-то сомневаетесь. Сафер Ибрагимович, покажите товарищу наши документы.

Это было уже совсем невероятно! Ему, Тагиру, который должен был бояться каждого встречного на этой земле, эти заслуженные люди, ученые, предъявляли свои документы! Ему стало неловко и стыдно, и он быстро замотал головой и пробормотал:

— Что вы, что вы, я вам верю. Но вот только как я смогу...

— А вы откуда? — спросил Сафер Ибрагимович.— Не с хутора, что за ручьем? Кажется, он называется Глубоким. Не так ли? Так мы можем зайти и сообщить вашей жене или кому вы сочтете нужным.

— Нет,— сказал Тагир,— заходить никуда не надо. Я уже здесь не живу. Давно покинул эти места. Да вот вернулся посмотреть, как теперь на родине люди живут. Не знаю, найду ль кого из старых знакомых. А потом вернусь на побережье. Хочу устроиться там поработать.

Сказав это, Тагир вдруг похолодел от мысли, что сейчас кто-то из этих людей спросит его, каким же образом он, Тагир, идя в хутор Глубокий, попал сюда в лес в сторону от дороги и что он в этом случае здесь делает. Но никто из них не обратил на это никакого внимания. Казалось, оба они были вполне удовлетворены тем, что он сказал. Более того, по-видимому, все сказанное им вполне их устраивало.

— Так, значит, вам некуда спешить? — совсем уже веселым голосом сказал старший.— Тогда соглашайтесь. Сделайте доброе дело. Здесь очень нужны рабочие. А начнем строить... У вас какая специальность?

— У меня? — Тагир на мгновение смешался. Скитаясь за рубежом, он сменил столько профессий, что даже если бы ее надо было внести в анкету, и то, пожалуй, затруднился бы сразу это сделать. Но, вспомнив, что

в Мексике он некоторое время работал каменщиком, сказал: — Вообще-то я строитель.

— Ну, вот и отлично,— снова весело произнес профессор,— вот и отлично! Начнем строить, милости просим. Обещаю вам самое доброе условие. Ну, так что же? Согласны? Пойдете с нами, значит. За два дня мы управимся? Если пойдем известным вам путем? Работы нам там не больше, чем на полдня.

— Ну, это не так легко,— сказал Тагир.— Придется преодолевать крутой подъем.

— Да вы не сомневайтесь,— засмеялся ассистент.— Не смотрите, что мы городские люди. У нас у обоих разряды по альпинизму. А вот Анатолий Васильевич,— он кивнул головой в сторону профессора,— в свое время даже в рекордсменах ходил. Пики на Гималаях штурмовал. Так что, будьте спокойны, забот вам с нами будет немного. Ну, так как же? Питания у нас хватит,— он похлопал по рюкзаку, перекинутому за спину.— Согласны? — Он протянул Тагиру руку.— Только мы не знаем пока, как вас звать. Ну да, я думаю, это вы от нас не скроете.

Он снова засмеялся.

Тагир машинально пожал протянутую ему руку. Нет, все складывалось настолько невероятно, что никакое даже самое необузданное воображение не могло бы ему подсказать даже приблизительно ничего подобного. Если отказаться, то надо было это делать сразу. А что делать сейчас, после столь длительного разговора, когда уже все было выяснено? Только соглашаться? Более того, Тагиру казалось, что отказ в этих условиях может вызвать со стороны ученых какие-то подозрения. Впрочем, что он терял. Может быть, все происходившее было даже и к лучшему. Два дня он пробудет в горах, даже если кто-то и встретится им в пути, ученые будут верной гарантией его безопасности. В город он может приехать вместе с ними. Потом они уедут. Вмешиваться в его дела, разбираться в его прошлой жизни да выяснять планы будущего никто наверняка не станет. А знакомство это всегда потом может пригодиться Тагиру. Особенно, если ему навсегда придется порвать с прошлым.

— Ладно,— сказал он,— уговорили. Приду на хутор на два дня позже.

— Ну, вот и отлично,— весело произнес тот.— Тогда не будем терять времени. Идите вперед, мы за вами.

Да,— он приостановился,— так как же вас прикажете величать? Вы так и не сказали.

— Зовите меня Алкес,— снова неожиданно для себя ответил Тагир. — Просто Алкес. Этого будет вполне достаточно.

Профессор не успел ничего ответить. Над их головами стремительно и почти бесшумно в этот момент пронеслись две серые молнии, и только потом, когда они так же стремительно исчезли, как и появились, на горы обрушился густой вибрирующий рев. Через несколько мгновений он превратился в тонкий свистящий звук, который медленно и долго таял в вершинах деревьев.

— Ласточки, — ласково сказал профессор. — Ну, пошли, — решительно добавил он. — Ведите нас, дорогой товарищ Алкес. И не щадите наши ноги. Не устанем. Не заскулим. У нас еще достаточно пороха в пороховницах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лейтенант Арбанян торопливо вошел в кабинет и молча остановился у своего стола. Карабетов поднял голову от бумаг, которые в эту минуту рассматривал, и внимательно посмотрел на него. Он достаточно хорошо знал своего подчиненного, чтобы, бросив один только взгляд на его лицо, понять, что случилось что-то не совсем обычное.

— Ну, — спросил он как можно спокойнее, — вы виделись с Джамботом? Почему он не пришел, как обещал?

— Товарищ майор,— глухо произнес лейтенант,— Джамбот исчез.

— Как исчез? — Карабетов невольно приподнялся на стуле.— Когда? При каких обстоятельствах?

— Вчера днем. Во всяком случае, после того, как он ушел из дома после обеда, жена его больше не видела. Дома он не ночевал. Не было его и два часа назад. Жена говорит, что такого с ним никогда не случалось. Тем более знал о том, что сегодня она собиралась с дочкой в город.

— И никаких догадок у нее нет на этот счет? — спросил Карабетов, выходя из-за стола и взволнованно прохаживаясь по комнате.

— Абсолютно никаких, товарищ майор. За обедом Джамбот, по ее словам, был очень спокоен, вел себя как обычно, и ничего не говорило о том, что он чувствовал какую-нибудь опасность. А потом он ушел в свой обычный обход. И не вернулся.

— Вы еще никому об этом не сообщали? — спросил Карабетов, останавливаясь около стола.

— Я прямо сюда. Жену Джамбота попросил в случае, если он вдруг вернется, немедленно позвонить нам по телефону из лесхоза или с птицефермы. Я оставил ваш номер. И если до сих пор никто не звонил...

— Этого еще не хватало,— тихо произнес майор и протянул руку к трубке внутреннего телефона.— Надо сообщить полковнику.

Пока Карабетов докладывал о происшедшем, лейтенант не спускал глаз с другого телефона, словно ожидал, что сейчас раздастся звонок и он услышит голос Джамбота. И аппарат в этот момент действительно мягко зазвонил, словно отвечая желанию Арбаняна. Лейтенант быстро схватил трубку. Звонил участковый уполномоченный милиции. Он сообщил, что палку лесника нашли у ребят одного из близлежащих хуторов. Они выловили ее из ручья. О том, что это именно та палка, с которой никогда не расставался прежний лесник, уже установлено точно, ее опознали несколько человек, не раз видевших ее в руках Мирзабеча.

Все это лишь подтверждало данные их предположения об обстоятельствах гибели старого лесника, но пока не давало ничего нового. Карабетов, закончив разговор с полковником, тоже положил трубку и сел в кресло.

— Свяжитесь немедленно со всеми травматологическими пунктами и с больницами нашего района. Опишите приметы Джамбота. Выясните, не поступал ли к ним похожий на него пострадавший. Сообщите также районному отделению милиции.

— Товарищ майор, только что звонил участковый. О том, что Джамбот пропал, ему еще ничего не известно. Я сказал ему, чтобы он немедленно включился в поиски. И сообщил об этом всем дежурным милиционерам.

— Понятно,— Карабетов встал. — Тогда связывайтесь с травмопунктами и поликлиниками. Приступайте к делу не теряя ни минуты. Если получите какие-либо данные, немедленно поезжайте проверить лично. Но предварительно сообщите мне. Я буду здесь, у себя.

— Слушаюсь,— сказал Арбанян и торопливо вышел.

Оставшись один, Карабетов снова тяжело опустился в кресло. События принимали неожиданный оборот. Совершенно ясно пока было одно — гибель старого лесника не была случайной. Но тогда в этом был смысл. В коробочке, найденной лейтенантом на дне обрыва, находились полупроводниковые батарейки для радиопередатчика. И в тайнике над пропастью хранилась, может быть, и не только она. По-видимому, это случайно и обнаружил прежний лесник. И, к своему несчастью, по всей вероятности в тот момент, когда тот, кто им пользовался, находился рядом. Все, что произошло дальше, представить было уже не особенно трудно...

Несомненно было и другое: человек, ведший перехваченные несколько дней назад радиопередачи из прилегающего к лесничеству района, имел прямое отношение к гибели лесника. Это подтверждало и еще одно обстоятельство. Перехватывающие радиостанции ясно улавливали ослабление силы передач. Это несомненно говорило о том, что батарейки, питавшие передатчик, с каждым разом заметно теряли свою силу. Ведший передачу не мог этого не заметить и, однако, ничего не менялось. По всей вероятности, заменить батарейки новыми у него не было возможности.

Сталкивая лесника в пропасть, он меньше всего, конечно, ожидал, что вместе с его телом упадет туда и то, что он с такими предосторожностями хранил. Возможно, он уже пытался отыскать это на дне ущелья, но, по-видимому, безуспешно. Возможно также, что он еще не оставил надежды найти их, и снова будет пытаться сделать это. На всякий случай за этим районом было установлено наблюдение. И одним из тех, кто должен осуществлять его, был Джамбот. И вдруг он неожиданно исчез. Не постигла ли его участь старого лесника?

Карабетов пытался отогнать от себя эту мысль, но чем больше проходило времени, тем она становилась навязчивее, не давая ему сосредоточиться ни на чем другом.

А другое было тоже не менее важно. Кто вел передачи? На кого? Кто отвечал на них? Все усложнялось тем, что в этом районе было немало любителей-коротковолновиков, которые довольно активно осуществляли двустороннюю связь. И самыми активными из них были, пожалуй, братья Касимовы, один из которых живет в

Рамбесном, а другой на птицеферме. Они друг с другом даже насчет всяких хозяйственных да семейных дел переговаривались по радио.

В перехваченных передачах, а их было уже три, самый обычный текст: «Жду связи, как обычно». Потом в этой фразе, которая раньше передавалась Касеем Касимовым, изменялся порядок слов. Кончалась передача знакомой уже фразой с пожеланием всего доброго. И порядок слов в ней так же всегда варьировался. Ясно, что ключ к шифру заключался в построении самой фразы, и разгадать его пока почти не представлялось возможности. Оставалось только догадываться, складывая и сопоставляя все даже мельчайшие обстоятельства, которые можно было установить и уловить не столько в эфире, сколько на земле. А это требовало все новых и новых фактов, огромного труда и, самое главное, немалой затраты времени.

Проще всего было, конечно, засечь передатчик. Первый раз он работал из района, близкого к дому учителя Касимова, второй, по всем данным, откуда-то недалеко от птицефермы и наконец третий — километров на двадцать восточнее, в точке, находящейся поблизости от райцентра. Возможно, на эти передачи, поскольку они шли в общем потоке разговоров коротковолновиков, не сразу бы обратили внимание, если бы не обстоятельства, о которых было упомянуто выше. Интенсивность передачи падала с каждым разом. А у всех других коротковолновиков ничего подобного не отмечалось.

Неизвестный радист, несомненно, был человеком опытным во всех отношениях, и он не мог не учитывать этого обстоятельства. Но ему надо было, по всей вероятности, в любых условиях передать свое сообщение. Но вот уже второй день, как его передатчик молчал. Окончательно сели батареи, или он чего-то выжидал?

Было очевидно, что достать батарейки, подобные найденным Арбаняном на дне ущелья, очень сложно. Более того, для обычного смертного это невозможно. Батареи, подобные тем, употреблялись в особо мощных передатчиках очень малых размеров. Не больше, чем пачка папирос типа «Наша марка». О том, чтобы где-то купить или достать их, нечего было и думать.

Карабетов встал и прошелся по кабинету. Полковник Смирнов был прав. Если радист этот вел передачи, используя последнюю оставшуюся в батареях энергию,

значит, он рассчитывал обновить их. Но каким путем? Ведь все три перехваченные из того района передачи велись уже после гибели лесника. Стало быть, тот, кто их вел, уже знал о потере запасных батарей. Впрочем, первая из трех передач была перехвачена как раз в день гибели лесника. Ранним вечером. Возможно, в тот момент несчастье еще не произошло. Но две остальные...

А если, как предполагал полковник, в этих передачах как раз и содержалась просьба о высылке батарей?

Майор продолжал ходить по кабинету, глядя себе под ноги. Потом подошел к окну. Что же случилось с Джамботом? Неужели и он разделил участь своего предшественника? Тогда вся вина ляжет на них. И прежде всего на него — майора Карабетова.

В этот момент прозвенел телефон. Майор быстро схватил трубку, но сейчас же положил ее обратно на рычажок. Он с таким напряжением ожидал звонка Арбаняна, что поднял трубку не того телефона. Звонили, оказывается, по внутреннему. Полковник Смирнов просил майора немедленно зайти к нему.

Когда Карабетов вошел в кабинет полковника, тот сосредоточенно рассматривал лежащие на столе бумаги. Не глядя на майора, кивнул на кресло:

— Садитесь.

С минуту еще молча смотрел на бумаги, потом отодвинул их в сторону и снял очки.

— Появились новые обстоятельства,— сказал он тихо.— Не хочу утверждать, что они связаны с исчезновением Джамбота, но учитывать их надо. Помните, несколько дней назад было сообщено о полетах иностранных самолетов вдоль нашей границы. Так вот, по некоторым данным можно предположить, что они сбросили нам гостей. Одного, во всяком случае, точно. Опросами установлено, что несколько дней назад в лесу видели русоволосого человека. Высокого роста, чуть сутуловатого. Его заметили две колхозницы. Он шел в сторону дороги со стороны перевала. Три дня назад очень похожего по описанию человека видели снова, теперь уже на шоссе, ведущем из города к побережью. К сожалению, не удалось установить, в какую сторону он шел. Те, кто его видели, не обратили на это внимание.

— Три дня назад,— повторил Карабетов, внимательно смотря на полковника.— Но прошли только сутки, как исчез Джабаев.

— Это меня тоже немного успокаивает,— ответил Смирнов,— Но только немного. Никто пока не знает, куда свернул этот человек с шоссе. Возможно, его что-то напугало, и он снова ушел в лес. И вполне возможно, что там его и мог встретить Джабаев. Не хочу ничего предсказывать, но это обстоятельство надо учитывать. У этого человека несомненно есть оружие. И куда совершеннее, чем ружье лесника...

Карабетов встал.

— Тогда, может быть, прочесать весь лесной массив, товарищ полковник?.. Прямо сейчас, не откладывая.

— Садитесь,— снова показал на кресло полковник.— Я же вас потому и позвал, чтобы все взвесить. Что мы от этого выиграем? Если встреча лесника и этого человека состоялась, мы уже ничего не сможем изменить. В лучшем случае нам удастся захватить одного. Да еще сумеем ли мы взять его живым. И накрыть радиста будет тогда в десятки раз труднее. Мне почему-то кажется, неизвестный этот сброшен как раз для связи с ним. Может быть, даже и по его просьбе. И я нисколько не удивлюсь, если при нем окажутся батареи, такие же точно, какие нашел лейтенант. Поэтому я думаю вот что. Поиски Джабаева вести несомненно нужно. Но так, чтобы они выглядели вполне безобидно. Пусть этим займутся местные жители во главе с участковыми. А все остальное...— полковник не закончил фразы: прозвенел телефонный звонок.— Полковник Смирнов. А, это вы, лейтенант. Да, майор Карабетов здесь. Что?.. Вот как?.. Да, да, поезжайте немедленно,— полковник положил трубку и с хмурым видом посмотрел на Карабетова.— Звонил лейтенант Арбанян. Ниже ущелья, при впадении ручья в реку, найден труп мужчины. По описанию это может быть Джамбот. Лейтенант выехал туда для опознания.

Карабетов, не сдержавшись, вскочил с места.

— Если это так... товарищ полковник, за все, что произошло, вся ответственность лежит на мне! Я должен был предусмотреть...

— Что именно? — остановил его полковник.— Что именно вы должны предусмотреть, товарищ майор? Что в эти дни будет сброшен диверсант, что он встретится в лесу с Джамботом? Вы что, обладаете особым даром предвидения? Сядьте и успокойтесь. Если бы нам всегда все удавалось предусмотреть и предвидеть!.. К сожалению,

такое бывает только в плохих детективных романах. В жизни все гораздо сложнее, и вы это отлично знаете. Подождем немного, через полчаса лейтенант установит все точно. Мне жалко Джамбота не меньше, чем вам. Если он действительно погиб, нам надо как можно скорее разобраться в этом. Найти убийцу и всех, кто действовал вместе с ним. И вообще пора разрубить весь узел, который стянулся здесь за последнее время. Но рубить надо сразу, одним ударом. Давайте пока вернемся к радиопередачам. Какие у вас есть соображения на этот счет?

— Разрешите мне сосредоточиться,— тихо ответил Карабетов.

Полковник кивнул, вынул пачку папирос и протянул ее Карабетову. Потом закурил сам и подошел к карте горного района, висевшей на стене. На ней очень явственно темнели три крестика. Это были ориентировочные районы, откуда велись передачи.

— Итак, начнем с этой точки,— сказал он, постучав пальцем по крестику, стоящему в районе хутора Рамбесного.

Майор тоже встал и подошел к карте.

— Для того чтобы не подозревать всех огульно,— медленно сказал он,— нужно, как я полагаю, изучить жителей населенных пунктов этого района, которые недавно здесь поселились. Их не так много, поселение там не особенно многочисленно.

— А вы считаете, что передачу могли вести только местные жители? — спросил полковник.— На чем основаны эти ваши предположения?

— Во всех трех случаях совпадает время передач местных коротковолновиков. Ведь могло быть так — неизвестный радист приготовился вести передачу под одного из любителей, а того в этот момент не оказалось бы дома. Допустим, он был в отъезде или отсутствовал бы еще по каким-то причинам. Менять место передачи в этом случае было бы не так просто. И эти точки разделяют десятка два километров. И не по шоссе, а по лесной трудно проходимой дороге. Все передачи проходили в один и тот же день недели, и почти в одно и то же время. И ни разу передающий не ошибался: тот, под кого он работал, оказывался дома. Я думаю, мой вывод правилен.

— Да,— подумав, сказал полковник.— Это очень ре-

зонно. Что ж, продолжайте искать в этом направлении и дальше.

— Есть еще и другое предположение, товарищ полковник,— после короткой паузы добавил майор.— И мне с ним приходится тоже считаться.

— Какое же? — спросил полковник, ловя себя на мысли, что все время ждет телефонного звонка.

— То, что передачу вел кто-то из самих любителей. Это очень неприятное предположение, но исключить его...

— Что ж, вы правы, мы не можем игнорировать и этого обстоятельства.

Наступила короткая пауза. Оба думали об одном и том же: чем окончится поездка лейтенанта Арбаняна. Потом майор сказал:

— Я вам не нужен, товарищ полковник? Разрешите мне вернуться к себе. Если произошло самое худшее, я должен быть готов к выезду в любую минуту.

— Да, да,— чуть рассеянно ответил полковник,— идите. Будете нужны, я вам позвоню.

Майор пошел к двери. Остановившись, еще раз посмотрел на телефонные аппараты на столе у полковника. Они безмолвствовали. Он открыл дверь и вышел.

У себя в кабинете Карабетов посмотрел на часы. Прошло тридцать минут, как лейтенант уехал. Вполне пора позвонить. Неужели Джамбот действительно погиб? Он стиснул зубы: тот, кто это сделал, дорого за это заплатит.

С одной стороны, все как будто доказывало, что с лесником действительно произошло несчастье. Ведь не было еще случая, чтобы он отсутствовал сутки, не давая о себе знать семье. Но с другой стороны, зная Джамбота, майор не хотел в это верить. Джамбот — танкист, Джамбот, горевший и не сгоревший в боевой машине, не сломленный пленом, человек, который бежал из него, сражался в соединениях французских партизан «Маки»... Человек, получивший за находчивость и смелость три награды. И с этим человеком могли расправиться так легко и просто?.. Впрочем, откуда он знает, как все это было! Может быть, леснику на узкой горной тропе просто всадили пулю в спину. Может быть, он даже не видел стрелявшего.

Но, с другой стороны, если он не видел диверсантов, зачем тому было стрелять? Зачем усложнять свое поло-

жение? Ведь он не мог не учитывать, что пропавшего лесника станут искать, начнут выяснять, что стало причиной его гибели. Все это было так. И все-таки существовали десятки случайностей, которые, находясь здесь, в кабинете, нельзя было ни учесть, ни предусмотреть.

Майор снова посмотрел на часы. Прошло тридцать семь минут, как лейтенант вышел из кабинета. Нет, уже давно можно было сообщить... В это время зазвенел телефон. Карабетов быстро поднял трубку и понял, что снова ошибся. Звонил не внешний, а внутренний телефон. Он сейчас же узнал голос полковника. Полковник просил его немедленно зайти к нему. Как не был спокоен и ровен голос Смирнова, Карабетов, отлично изучивший все его интонации, понял, что на этот раз произошло что-то необычное. Скорее всего, такое, чего никто из них не мог предусмотреть.

Полковник, как и в прошлый приход майора, смотрел через очки на лежащие на столе документы, но на этот раз, не пригласив Карабетова сесть, встал сам и протянул ему обрывок бумаги. Не листик, а именно обрывок. На нем карандашом, похоже что наспех, были набросаны несколько строк. Майор подошел к окну и только тогда прочел: «Преследую подозрительного человека, идет в сторону шоссе. Вчера около шести он пришел с гор с двумя другими, которые остались на птицеферме. Джамбот».

— Откуда эта записка, товарищ полковник? — с трудом сдерживая волнение, спросил Карабетов.— Кто ее доставил?..

— Ученик из аульской школы. Джамбот встретил его в лесу у реки... Мальчик купал коня. Джамбот попросил его доскакать до ближайшего пункта ГАИ, сказать, что записку написал лесник и что он просит их немедленно передать ее нам. Ее доставили три минуты назад.

— Но когда она была написана? Когда Джамбот передал ее этому парню? Это известно?

— Два часа назад,— ответил полковник.

— Значит, тот погибший не может быть Джамботом! — с облегчением сказал майор.

— Никак не может,— подтвердил полковник.— Минуту назад то же самое сообщил лейтенант. Погибшим в реке оказался один из работников птицефермы. Часто выпивал, в пьяном виде пошел купаться, ну и... Одним словом, здесь все ясно.

— И где сейчас лейтенант? — уже совсем спокойно спросил майор.

— Будет ждать вас на дороге ровно в двенадцать. Он слез с машины приблизительно на том месте, откуда Джамбот послал свою записку, и пешком пройдет по его предполагаемому пути к шоссе и дальше к мосту. Возможно, ему удастся встретить кого-то, кто видел Джамбота, и получить о нем новые сведения.

— Тогда разрешите идти? — спросил майор.— Да, товарищ полковник, один вопрос. Вы полагаете, что тот, кого преследует Джамбот, и незнакомец, вышедший два дня назад из леса,— одно и то же лицо?

— Пока у нас нет других предположений,— немного подумав, ответил полковник.— Скорее всего, это так. Но можно учитывать и что-то другое, чего мы еще не знаем.

— Значит — высокий, белобрысый, чуть сутулый человек? Насколько помню, таковы его внешние данные.

— Да,— кивнул головой полковник.— Пока этого очень мало. Но это лучше, чем ничего. А теперь не теряйте времени, майор.

Карабетов взялся за ручку двери и снова остановился:

— А те двое, о которых сообщает Джамбот?

— Выяснением их личностей уже занялись. Я дал распоряжение.— Карабетов открыл дверь и вышел из кабинета.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Джамбот возвращался домой по знакомой лесной тропе. Карабетов и Арбанян уехали несколько часов назад, и лесник, уже начиная забывать обо всем, что было связано с их приходом, думал о своей дочке Сане. Что бы там ни было, а затея Мерем с музыкальной школой его не особенно радовала. Если у Саны действительно есть голос и слух — пусть поет для себя. Пение — это не профессия. Быть преподавателем или врачом — вот это дело. Это настоящее дело, и что может быть лучше, если дочка пойдет по этому пути и добьется на нем успехов! И ему будут говорить: «Спасибо тебе, Джамбот, спасибо, Мерем, ваша дочь вылечила меня от болезни, с которой никто не мог справиться». А разве плохо, когда скажут: «Молодец твоя дочь, Джамбот, такие знания дала моему сыну, что в городе в институт первым прошел!»



А певица? Ну, послушают. Ну, похвалят, похлопают в ладоши. И все. Кому от этого польза? Если и есть польза,— пока ее слушают, пока поет. А закончила, и все. Но Мерем ничего этого не хочет понимать. Вбила себе: Сана должна петь, и все. И еще этот лейтенант! Хотя бы Лаукан Карабетов вмешался. Но и он ни слова не возразил. Сделал вид, что разговор его не касается. А может быть, просто потому, что не хотел возражать Мерем? Да, с Мерем не так просто говорить, с гордостью подумал Джамбот. Может быть, и просто, да не одному мужчине не хочется этого делать, когда он смотрит на ее лицо, на ее все еще стройную, почти девичью фигуру. Мерем, Мерем, что бы он делал без нее, после всех тягот, которые на него возложила жизнь и о которых он уже стал забывать благодаря все той же Мерем, ее любви, и детям, которых она ему родила!..

Нет, он все равно ни в чем не сможет ей возражать! Что ж, если его единственная дочь станет певицей? Ай, пусть будет так! Но зато Айдамир непременно будет агрономом! Таким, как и сын его погибшего друга Тагира — Алкес Хаджинароков. Это он уже решил твердо. Хочет этого Мерем или нет. Впрочем, она, кажется, против этого не возражала. И если...

Джамбот приостановился. Оборвав его мысли, сверху донесся какой-то странный, стремительно приближающийся звук. Что-то резкое пробило густую листву растущих на склоне деревьев и просвистало мимо него, и с глухим всплеском упало в чашу родничка, который пробивался метрах в пяти внизу на дне обрыва. Голубая зеркальная его гладь замутилась и покрылась рябью. Джамбот посмотрел вверх. Сквозь глухую листву поднимавшихся уступами вверх деревьев ничего не было видно. Наверное, сверху кто-то швырнул камень. Но, конечно, не в него. Оттуда, откуда его бросили, не могли видеть идущего по тропинке лесника. Но кому могла прийти в голову мысль швыряться камнями на горной тропе? Джамбот поколебался, идти ему наверх или нет. Догнать этого человека или... Впрочем, разве он знает, в какую сторону тот идет: к лесничеству или, наоборот, в противоположную сторону, к птицеферме? Но ничего, он узнает, кто в это время был в горах. Если это, конечно, кто-то из местных жителей.

Идя по тропинке, Джамбот продолжал прислушиваться к тому, что делалось наверху. Но там теперь все было абсолютно спокойно. Ни один шорох не нарушал лесной тишины.

На склоне горы, там, где лес расступался и кончались границы лесничества, Джамбот остановился. Свой дневной обход он обычно заканчивал здесь. Отсюда открывался обширный вид на противоположный, заросший молодняком склон. Справа в легкой дымке белели маленькие аккуратные домики птицефермы, слева в бездонное голубое небо поднимались могучие, заросшие синеватыми лесными массивами горные вершины. Остроконечные головы их скрывались в клубившихся сизоватых облаках.

Джамбот уже хотел повернуть обратно, как вдруг на противоположном склоне увидел трех человек. Один из них спускался сверху по тропинке, находившейся значительно выше той, по которой шел Джамбот. По всей вероятности, именно этот человек и швырнул камень, упавший в родник. На нем были сапоги. Это все, что мог разглядеть Джамбот с такого расстояния. Двое других, напротив, поднимались вверх. Потом они увидели первого и остановились. Кажется, между ними завязалась беседа. Двое стояли рядом, тот, что в сапогах, чуть поодаль. Отсюда, где находился Джамбот, они казались ве-

личиной не больше, чем в половину спички. Он даже не мог точно определить, во что они были одеты. Не говоря уже о том, что они собой представляют. Единственное, что ему казалось, это то, что на тех двоих не было сапог.

Сам не зная почему, Джамбот продолжал наблюдать за этими людьми. С тех пор как расширился лесхоз и была построена птицеферма, Джамбот встречал на горных тропинках множество незнакомых ему людей. Незнакомых, конечно, первое время,— потом-то они становились знакомыми. Так что в появлении этих троих тоже не было ничего необычного. И все-таки Джамбот не поворачивал обратно, а стоял и смотрел на далекие маленькие фигурки. Минут через пять, закончив разговор, все трое повернулись и направились в горы. И тот в сапогах пошел с ними. Почти в ту же сторону, откуда только что пришел. Причем теперь он двигался первым, словно указывая остальным дорогу.

«Наверное, туристы,— подумал Джамбот,— а этот, в сапогах, скорее всего, местный житель. Но если этот человек местный, он должен знать, что такое камень, неосмотрительно брошенный куда попало. Надо непременно найти его и сказать пару ласковых слов!..»

Прошло три дня. Джамбот успел позабыть об этом случае. После приезда майора да лейтенанта он все теперь думал о другом. Думал о старом Мирзабече, о его трагической гибели, которая приобретала теперь совсем другой смысл. Джамбот достаточно много видел в жизни и отлично понимал, что могло крыться за намеренным убийством его предшественника. А в том, что оно было преднамеренным, он уже не сомневался. Уезжая, Лаукан предупредил его, чтобы Джамбот был очень осторожен, особенно при обходах дальних лесных участков, и очень внимательно наблюдал за всем окружающим. Сейчас даже самая незначительная на первый взгляд мелочь могла оказаться той ниточкой, разматывая которую можно было добраться до разгадки гибели Мирзабеча.

Мирзабеч был старым одиноким человеком, нелюдимым и на вид мрачным. Но тем, кто знал его близко, отлично было известно, что под этой внешней суровостью и неразговорчивостью скрывалась добрая и мягкая душа. Мирзабечу, как и Джамботу, досталась трудная судьба. За несколько часов боя он потерял своих

двух братьев и самого близкого друга, испытал в плену не меньше, чем он, Джамбот, а может быть, и больше него. Потому что Джамботу удалось бежать. И, хоть и на чужой земле, сражаться против врага. Мирзабеча же освободили из концлагеря в конце войны. Был он тогда кожа да кости. В госпитале он выжил чудом. А вернувшись домой, узнал, что его жена и дочери были расстреляны фашистами как заложники... С той поры и стал он замкнут и нелюдим. Но все, кто знал жизнь старого Мирзабеча, не могли осуждать его за это.

Джамбот шел по тропинке, мягко ступая по земле тонкими подошвами видавших виды сапог. Этот самый дальний участок леса был, как всегда, спокоен. Слева крутыми уступами поднимались по склону густые заросли. Справа, далеко внизу, неясно шумел горный поток. Джамбот посмотрел на часы. Шел седьмой час вечера. Через десять-пятнадцать минут он дойдет до границы участка и повернет назад. Еще час, и он будет дома. А завтра у него выходной. Завтра Мерем вместе с Саной уедет в город. Джамбот вздохнул. Что ж, пусть едет! Наверное, от судьбы не уйдешь.

Высоко над головой в кронах деревьев пели птицы. А еще выше в голубом небе на распластанных крыльях, казалось, совсем неподвижно висели коршуны. От легких порывов ветерка чуть слышно шелестела листва. В лесу все было спокойно. Но не так ли спокойно и обычно было и в тот день, когда погиб старый Мирзабеч? Пусть только Мерем продолжает думать, что это был несчастный случай. Если она узнает правду, сколько волнений это доставит ей.

Когда до границы участка оставалось уже совсем немного, Джамбот вдруг остановился и посмотрел вверх. Как раз тут три дня назад в него чуть не попал камень. Джамбот задержал шаг совсем непроизвольно, но тут же пожал плечами и усмехнулся: чего он ждал — что камень будет брошен во второй раз и снова на том же месте?

Через десять минут лес расступился перед Джамботом. Снова открылся заросший молодняком противоположный склон горы. Синие вершины гор, уходящие в небо, и на склоне игрушечные домики птицефермы. Джамбот, постояв с минуту, уже готовился повернуть обратно, как вдруг заметил нечто такое, что заставило его остановиться.

Прямо напротив на противоположном склоне горы он увидел трех человек. Несомненно, это были те самые люди, которых он заметил стоя здесь же, на этом месте, три дня назад. Двое в спортивных брюках и третий в сапогах. Тот самый, что бросил камень, так удачно пролетевший мимо него.

Они стояли на дорожке, ведущей к птицеферме, и отделяло их от Джамбота расстояние не меньше, чем в прошлый раз. Ни их лица, ни деталей одежды, кроме отмеченных в тот раз, он опять не мог разглядеть.

Кажется, на этот раз они прощались. Пожали друг другу руки. И двое пошли вверх по тропинке по направлению к птицеферме. Третий, что был в сапогах, повернул вправо на дорогу, ведущую к хутору Глубокому. Двое, отойдя несколько десятков метров, помахали ему рукой. Тот ответил им тем же. Потом, пройдя по дороге сотню метров, остановился. Кажется, он смотрел вверх на тех двоих. Но они уже скрылись на вершине. Незнакомец постоял некоторое время, потом повернулся и пошел в обратном направлении. Как ни далеко он находился от Джамбота, тому показалось, что все он делает так, чтобы это не видели те двое. Больше наблюдать Джамбот не мог, потому что человек скрылся в лесу.

Куда он направлялся? Дорога, по которой он шел, вела тоже к шоссе, но только дальше обходным путем. Впрочем, километрах в пяти находился ближний хутор, и человек мог свернуть именно к нему. Скорее всего, так оно и будет. Но почему тогда сначала он двинулся к шоссе напрямик? Впрочем, разве не бывало, что и он, Джамбот, в течение нескольких минут менял свои планы! Может быть, человек этот вспомнил что-то, о чем забыл раньше?

Джамбот повернулся и пошел назад в лес. Дойдя до того места, где мимо него пролетел камень, он снова остановился. На этот раз он подошел к обрыву и заглянул вниз. Там в неподвижном блюдечке ключа снова голубела прозрачная вода. Отсюда, где он стоял, был виден каждый камешек на его дне. Джамбот хотел уже повернуться, как вдруг ему показалось, что один из камней, лежащий на дне, имеет какую-то странную, не совсем обычную форму. Он нагнулся и всмотрелся внимательней. Пожалуй, это было так. На песчаном дне мелководья поблескивал в лучах преломляющегося в про-

зрачной воде солнца какой-то металлический предмет.

Что это могло быть? Уж не этот ли самый предмет он принял тогда за камень?

Джамбот осторожно спустился вниз, цепляясь за корни выбивавшихся из обрыва растений. Внизу было прохладно и сыро. Бесшумно обтекая замшелые камни, бежал в лес вытекавший из ключа ручеек.

Он нагнулся и, протянув руку, нащупал в ледяной воде лежащий на дне предмет. Он был действительно металлический. Только вынув его, Джамбот по-настоящему ощутил его тяжесть. Хотя размеры его не превосходили коробочки из-под сигар, в нем было никак не меньше килограмма веса. И Джамбот, невольно поежившись, представил, что было бы, если бы тогда эта штука с такой высоты угодила ему в голову.

Джамбот осторожно обтер ее платком и теперь ясно увидел, что это была коробочка. Очень плотно закрытая коробочка. И тут же почувствовал, как все его существо охватывает волнение. Ну да, он не ошибся! Перед ним была точно такая же коробочка, как и та, которую лейтенант Арбанян нашел на дне той пропасти, куда упал Мирзабеч! Может быть, именно она, эта странная штука, и послужила причиной его гибели?..

Лесник стоял, не зная что делать. Надо было немедленно идти к шоссе, остановить первую же попавшуюся машину и передать с ней записку майору Карабетову. Или подняться туда, на гору к птицеферме, и позвонить в город по телефону? Поднимаясь наверх, он лихорадочно думал, на каком из этих вариантов остановиться. И вдруг, когда он уже стоял на тропе, ему пришла в голову еще одна мысль. «Ведь человек, который бросил эту коробочку, он же может уйти! И по всей вероятности, это был именно тот, в сапогах, тот самый, который три дня назад ушел в горы с двумя туристами и только что вернулся обратно. И если даже эту коробочку бросил не он, а кто-то другой,— что ж, тогда в тот день они непременно должны были встретиться на лесной тропе». Джамбот отлично знал, что никакой другой тропы наверху не было. «Но если этот человек не местный, если он уйдет, потеряется в горах? Нет, как бы ни было, а прежде всего надо найти его, узнать, кто он такой. Он пошел по дороге, ведущей к шоссе, обходным путем. Значит, ему надо идти не менее трех часов. А если он свернет в хутор, это будет совсем хоро-

шо»,— размышлял Джамбот, славившийся быстрым шагом и хорошей выносливостью. Он должен его догнать, должен увидеть, что это за человек! А при первой же возможности передать с кем-нибудь из встречных сообщение Лаукану.

Спрятав коробочку в сумку, Джамбот быстро пошел по тропе в том направлении, откуда только пришел.

Под гору идти было легко, он знал, что здесь, на этой тропе, ведущей в лес, встретить кого-либо из местных жителей шансов было мало. Но вот дальше, когда он выйдет на дорогу, соединяющую птицеферму с хутором, там уже должны попадаться пешеходы. Однако и на этой дороге Джамбот опять-таки не встретил ни одного человека. Было семь часов вечера, и люди давно уже вернулись с работы. Так, не повстречав ни одного пешехода, он дошел до поворота на хутор. Первые его домики были видны в километре ниже в густой зелени листвы. Что было делать дальше? Поворачивать к хутору? Но если незнакомец не сделал этого, а прошел дальше к шоссе? Тогда он отстанет от него еще больше... Пойти вперед? А вдруг тот спокойно отдыхает где-нибудь рядом с ним в одном из домиков?

Джамбот решительно шагнул на дорогу в хутор. Пусть он потеряет еще полчаса. Но не сделав и десятка шагов, он остановился. У самой обочины дороги сидел мальчуган лет шести, пас козу. На вопросы Джамбота он ответил, что за последний час в хутор прошли только две женщины, которые живут рядом с его домом, а больше никого он не видел. Правда, он заметил какого-то незнакомого мужчину, но тот шел не в хутор, а мимо по дороге. Но потом мужчина этот, кажется, свернул с дороги вот на ту тропу и пошел по ней в горы. У Джамбота не было оснований сомневаться в словах мальчугана, и, поблагодарив его, он быстро пошел дальше.

Дойдя до тропы, о которой тот говорил, он тоже свернул на нее и, пройдя еще с сотню метров, убедился, что мальчуган говорил правду: на влажном песке, покрывавшем ложе почти иссякшего ручейка, ясно были заметны совершенно свежие следы сапог. Но куда мог направляться этот человек? Почему он свернул с обжитой дороги? По этой тропинке уже давно никто не ходил. Еще лет десять назад ниже у поворота, ведущего к шоссе, часть тропинки уничтожил оползень.

Думая обо всем этом, Джамбот торопливо шел по тро-

пинке, петлявшей в зарослях густого кустарника. Еще раз рядом с непросохшей лужей, оставшейся от прошлого дождя, он увидел знакомый отпечаток сапога. Так он дошел до того места, откуда был уже виден оползень, слизавший тропинку, по крайней мере, на протяженность метров в сотню. Как и ожидал Джамбот, это обстоятельство оказалось для незнакомца неожиданным. Сначала он пытался было одолеть склон напрямик, но потом, когда понял, что осыпавшийся грунт не удержит его, вернулся немного назад и пошел в обход. Это обстоятельство ободрило Джамбота: как бы там ни было, а расстояние между ними все сокращалось.

Беспокоило его теперь другое. Время. Оно подходило уже к восьми. Начинало заметно темнеть. Еще час, и в десяти шагах ничего не будет видно. На что рассчитывал идущий впереди него человек? Впрочем, машины по шоссе шли до позднего вечера. Это ему, наверное, было известно.

Джамбот шел с быстротой, на которую только был способен. И когда сумерки уже начинали плотно окутывать землю, он вдруг увидел наконец идущего впереди него человека. Чуть ссутулившись и не глядя по сторонам, тот шел так же быстро, как и Джамбот. Широкая спина его мелькнула впереди и сейчас же пропала не то в сгустившейся темноте, не то в зелени подступивших к тропинке деревьев.

Но одно было для Джамбота несомненно — человек шел теперь не по направлению к дороге, а в противоположную от нее сторону, в горы.

Джамбот снял с плеча ружье и, держа его наготове, ускорил шаг. Плотная зелень деревьев и все густеющая темнота обступили его со всех сторон. Он шел, стараясь не делать ни малейшего шума, боясь случайно наступить на сухую ветку. Временами он приостанавливался, внимательно вслушиваясь в лесную тишину. Ее не нарушал ни один посторонний звук. Только однажды Джамботу показалось, что впереди что-то сухо треснуло, и оттуда донесся шелест кустарника, словно кто-то с силой продирался сквозь него. И опять наступила обычная ночная тишина с привычными шорохами леса.

Джамбот настолько был уверен, что человек, идущий впереди него, не догадывается о преследовании, и даже не допускал мысли, что тот может затаиться где-нибудь в кустах, ожидая его подхода. Его все больше

и больше охватывал охотничий азарт. Он шел за незнакомцем, как не один раз уже ходил по следам опасного хищника. Странное поведение этого человека с каждым шагом убеждало его в том, что подобное сравнение было вполне оправданно.

Но с другой стороны, чем дальше тот уводил его в лесную глушь, в сторону от дороги, тем отчетливее вставала перед ним мысль: правильно ли он действовал в эти последние часы, после того, как увидел незнакомца и пошел вслед за ним? Может быть, было разумнее сначала сообщить Лаукану и потом уже общими силами попробовать отыскать незнакомца в горах? Но если бы Джамбот мог предполагать, что тот направится именно в горы! Ведь достаточно ему было выйти на шоссе, сесть в первую же попавшуюся машину — и тогда попробуй найди его. До ближайшей железнодорожной станции каких-нибудь пятнадцать километров. Летом поезда здесь проходят один за другим. Да и автобусов дальнего следования на самом шоссе тоже вполне хватает.

Возможно, стоило бы оставить записку мальчонке, которого он встретил на повороте к хутору, но тот был слишком мал, и, пока бы он сумел объяснить, кто и зачем передал ему записку, прошло бы немало времени. Да и вообще — поверили бы ему взрослые? Во всяком случае, до утра даже в самом лучшем случае никто никаких мер бы не принял. А он рассчитывал догнать незнакомца, как только тот подошел бы к шоссе.

Темнота стала настолько густой, что уже в двух шагах ничего не было видно. Ни один посторонний звук больше не нарушал лесной тишины. И тут Джамбот вспомнил о Мерем. Что она думает в эту минуту об его отсутствии? Сейчас она, наверное, только начинает волноваться. Но вот когда он не придет и утром! А до утра он, конечно, уже не вернется. Даже если бы он сейчас повернул обратно.

Но что делать? Потом он все ей объяснит...

Прошло еще с полчаса, и Джамбот окончательно понял, что теперь до наступления рассвета все его поиски будут безрезультатны. Больше того, именно теперь в темноте, воцарившейся вокруг, в тишине он и может выдать себя незнакомцу. Возможно, тот где-то совсем недалеко уже устраивается на ночлег. Не станет же он всю ночь идти по лесу! Как хорошо бы он ни знал местность, а человеческим силам есть предел. Тем более что

совсем недавно незнакомец вернулся из похода, в котором он сопровождал тех двоих, что расстались с ним недалеко от птицефермы. Кто были эти люди? Ведь, если найти их, можно установить и личность того, кто их сопровождал. Теперь в голову Джамботу приходило уже слишком многое. Может быть, еще и больше придет. Но выбирать-то он мог только одно, и вариант, который он уже выбрал, казался ему наиболее верным. Вот только если бы он мог предположить, что этот человек снова свернет в лес вместо того, чтобы идти к дороге.

Тропинка, по которой шел Джамбот, если идти по ней только вперед, могла вывести на тропу, поднимавшуюся на перевал. Джамбот решил, что дальше продолжать погоню не имеет смысла. Надо дождаться утра. А потом уже думать, что предпринять.

Под раскидистым дубом он нашел удобное место и устроился на ночлег на мягкой душистой траве. Спать в лесу ему приходилось не один раз, и никакого неудобства он не ощущал. Вот только раньше, если он и оставался на ночь в лесу, об этом всегда знала Мерем. А вот теперь... Теперь она, конечно, уже не знала, что ей и думать! Пожалуй, она не сомкнет глаз всю ночь. А утром несомненно пошлет Айдамира с сообщением о его исчезновении к Лаукану. Хорошо, если она еще не догадывается, что гибель старого Мирзабеча не была случайной! А если ей уже известно, при каких обстоятельствах он погиб? Тогда можно себе представить ее состояние!..

Джамбот постарался отогнать от себя мысли о Мерем. Сейчас они могли только расслабить его. А дело, которое он начал, надо было доводить до конца.

Спал Джамбот тревожно, все время прислушиваясь к лесным шорохам. Вернее, не спал, а дремал с полуоткрытыми глазами. И как только первые лучи солнца высветлили вершины, встал на ноги. Лес просыпался. Все смелее и смелее запели над головой в кронах деревьев птицы.

Джамбот осмотрелся. Он находился на крошечной поляне, над которой поднимался древний ветвистый дуб. Теперь он взобрался на одну из его ветвей и осмотрелся.

Далеко внизу в лучах встававшего над горами солнца лежали заросшие склоны гор. Еще дальше в туманной дымке синела долина, по которой проходило шоссе.

Джамботу даже показалось, что он различает движение на ней. Хутор Глубокий, который он прошел вечером, лежал в седловине, и отсюда его не было видно.

Джамбот раздвинул ветви и посмотрел в противоположную сторону, на закрывающие голубое небо синие вершины гор. Если незнакомец направился в ту сторону, если он идет к перевалу?

В этот момент Джамбот вздрогнул и обернулся. Где-то совсем недалеко он услышал отчетливый шелест кустарника. Он прислушался. Кто-то шел напрямик вниз по склону, раздвигая встающие на пути ветви. Опершись о ствол, Джамбот стоял неподвижно. Прошло несколько минут. Звук больше не повторялся. Казалось, тот, кто шел через кустарник, остановился где-то совсем рядом под самым дубом. Прошло еще несколько минут. Все было тихо. Джамбот не знал, что делать. Спускаться вниз было опасно.

И вдруг далеко внизу на склоне что-то мелькнуло в зелени листвы. Джамбот весь превратился в зрение. Еще раз что-то потревожило кустарник, теперь уже значительно ниже по склону. Прошло еще несколько минут, и Джамбот на этот раз совершенно ясно увидел фигуру человека, быстрым шагом спускавшегося вниз по склону. Он прошел через небольшую полянку и сейчас же снова исчез среди деревьев.

Как ни коротко было это мгновение, Джамбот совершенно ясно определил, что это и был тот самый человек, которого он преследовал со вчерашнего вечера. Теперь он несомненно направлялся в сторону шоссе. И, спрыгнув на землю и не теряя ни минуты, Джамбот двинулся следом.

Человек шел быстро, а их уже и так разделяло не менее полукилометра.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Три дня, которые Тагир Хаджинароков провел в обществе двух ученых, перенесли его в другой. совершенно забытый им мир. Впервые за четверть века он был нужен людям и нужен не просто для того, чтобы взять от него побольше и отдать ему поменьше. Нет, нужен как человек, чей опыт и знания могли принести пользу делу. И какому делу! О котором он никогда

не мог и мечтать. Вообще то, что произошло с ним в первый же день прибытия на родную землю и продолжало происходить и дальше, все это еще казалось ему сказочным сном. Шли часы за часами, а он все ждал, что сон вот-вот кончится, и наступит действительность.

Оба ученых, которые шли с ним, удивляли его своей общительностью, а то, что они держали себя с ним, как равные с равным, совсем сбивало его с толку. Где-то в глубине души он не переставал думать, что все это только до тех пор, пока он сделает свое дело, доведет их до нужного им места... А вот на обратном пути все станет на свои места.

Тагир повел их к Голубому камню, как и обещал, самым кратчайшим путем. И, как он предупреждал их, путь этот был опасен и нелегок. Но Тагир остался вполне доволен и собой и теми, кого вел. Собой — потому что, как оказалось, отлично помнил дорогу. Учеными — потому, что они и впрямь оказались молодцами, хотя подчас им приходилось довольно трудно, особенно старшему. Горные пики он штурмовал, как выяснилось, лет двадцать назад, а теперь возраст его несомненно давал о себе знать. Но он ни разу не попросил отдыха там, где это не предусматривалось, и ни словом, ни поведением не выдал свою усталость.

На Голубом камне они провели почти целый день. Тагир лежал в тени, наблюдая за величественной картиной гор, открывавшейся перед ним. Горы были те же. Совсем те же. Сверкающие голубоватые ледники под облаками, пестрая яркость альпийских лугов, густая синева леса на крутых склонах. Нигде не изменилась ни одна черточка, не погасла ни одна краска. Все оставалось так, как и четверть века назад. Даже горные орлы, неподвижно висевшие в бездонном небе, казались теми же самыми, знакомыми с самого детства.

Всем своим видом Тагир старался показать: все, что делали на Голубом камне в этот день ученые, его совершенно не интересует. Ни пробы почвы, которые они брали, ни какие-то сложные измерения, которые производили. Сафера Ибрагимовича, ассистента, это равнодушие Тагира к его работе даже как будто немного обижало. Он несколько раз попросил Тагира помочь ему в несложных операциях, но Тагир делал это с таким отсутствующим видом, с таким безразличием, что Сафер Ибрагимович нахмурился и больше ни о чем его

не просил. Анатолий Васильевич же будто и не замечал поведения Тагира. Он выполнял работу с веселым одухотворением, то и дело подшучивая и что-то напевая себе под нос. А к вечеру, когда Тагир сварил из имевшихся у них концентрата и консервов ароматно пахнувший суп и они уселись около угасающего костра, довольно потирая руки, сказал:

— Ну-с, дорогой товарищ Алкес, вот и кончилась наша эпопея. Чуть взойдет солнце, и в обратный путь. Уложились точно в трое суток. Если бы вы знали, как нас выручили!.. Это же надо, чтобы именно вы встретились нам на горной тропе.— Он принял протянутую ему Тагиром миску, с наслаждением втянул в себя аромат похлебки.— Да ведь и повар вы хоть куда... Что скажете, Сафер Ибрагимович?..

— Не оспариваю,— ответил тот, отправляя в рот полную ложку.— Но вот ученого из товарища Алкеса, пожалуй, не выйдет... Скажите,— он посмотрел на Тагира,— вам действительно было совсем не интересно то, что мы здесь делали?

От этого вопроса Тагиру стало немного не по себе. Он старался не проявлять любопытства, чтобы не вызвать к себе подозрения. Но, кажется, перестарался. Наливая в свою миску дымящийся суп, он ответил как можно спокойнее:

— Если до пятидесяти лет ученым не стал — после становиться уже поздно. Да и чему за один день научишься? Только голову забьешь, будешь потом думать — зачем это, зачем то. А ответа получить не от кого. Дойдем до того места, где встретились, и разойдемся навсегда.

— Почему навсегда?

— А как насчет работы у нас? — спросил профессор.— Пройдет немного времени, и мы на этом Голубом камне кое-что поднимем. И люди нам будут ох как нужны. Особенно знающие местность.

— Об этом надо подумать,— ответил Тагир.— Посоветоваться...

— С кем же? — спросил Сафер Ибрагимович.— Вы говорили, что в этих краях у вас никого нет.

— Я говорил, что еще не знаю этого.— Несмотря на то что тревога все более охватывала его, ответил Тагир как можно спокойнее.— Доберусь вот до хутора, узнаю, кто из друзей остался.

— Что это вы, дорогой Сафер Ибрагимович, учиняете человеку допрос? — снова вступил в разговор профессор.— Человек из-за нас с вами на хутор не попал, выручил нас, а вы... В общем, товарищ Алкес, никто вас не торопит. Осматривайтесь, разбирайтесь сами. Выбирайте, что лучше. А я вам на всякий случай оставлю адресок. Надумаете — черкните пару слов. А нет — так прямо приезжайте. Это совсем недалеко в городе. А теперь давайте отдыхать. Завтра пораньше в путь.

Тагир долго не мог уснуть. Он все думал о поведении Сафера Ибрагимовича. Неужели он в чем-то заподозрил его. Или его слова ничего не значили? Теперь он уже начинал жалеть, что решился пойти сюда, к Голубому камню. Профессор, тот был человек, но вот его ассистент... Теперь Тагиру начинало казаться, что он и раньше ловил на себе его откровенно подозрительные взгляды. Что вот и сейчас он не спит, а чутко прислушивается к каждому движению Тагира... Он наверняка знал по-адыгейски. И конечно, угадывал в Тагире адыга, но почему тогда не обратился к нему ни с единым словом на этом языке? С одной стороны, это успокаивало Тагира, но с другой... Что, если завтра при спуске свернуть с дороги и незаметно исчезнуть? Нет, это будет совсем глупо! Ученые наверняка поднимут тревогу, решат, что с ним произошло несчастье. Начнутся поиски. Нет, только не это! Может быть, сказать, что планы его изменились и он решил идти на перевал, а оттуда к морю? Нет, и это не годилось. Это может усилить подозрение ассистента, только и всего.

Так и не приняв никакого решения, Тагир уснул.

Однако все это, как оказалось, были обычные ночные страхи, и утром они рассеялись. Сафер Ибрагимович снова был приветлив и весел, как и профессор, шутил и ни о чем больше не расспрашивал. К вечеру они добрались до развилки дороги к птицеферме, до той самой развилки, которую три дня назад искали профессор и его ассистент.

Ученые решили подняться к ферме и позвонить в город, чтобы за ними прислали машину. Помня о том, что Тагиру нужно было на хутор Глубокий, профессор предложил ему отдохнуть пока наверху вместе с ними,— на хутор они подбросят его на машине. Но Тагир отказался, сказав, что до хутора подать рукой, не более получаса ходьбы. А вот на машине здесь проехать не так-то просто.

Профессор не стал настаивать. Он еще раз поблагодарил Тагира, крепко пожал ему руку и, быстро набросав что-то на вырванном из блокнота листике бумаги, передал их ему со словами:

— Ну вот, дорогой товарищ Алкес. Как все обдумаете, так и сообщите. Буду рад снова встретиться с вами...

Сафер Ибрагимович тоже пожал ему руку, но, уже отходя, вдруг спросил:

— Так вы остановитесь на хуторе? У кого? Через несколько дней мы будем проезжать мимо, можем заехать. Хотите?

Тагиру снова показалось, что он пытливо наблюдает за ним. От этого он неожиданно для себя смешался и пробормотал, что не знает сам, кто из его знакомых остался на хуторе, и что поэтому лучше не заезжать, он сам пришлет письмо.

Поведение Сафера Ибрагимовича снова наполнило его тревогой, и она усилилась еще больше, когда тот, поднимаясь в гору к птицеферме, несколько раз приостанавливался и оглядывался на идущего по дороге Тагира, словно проверяя, туда ли он, куда говорил, держит путь. Тагир подождал, пока профессор и ассистент скроются из вида, немного постоял. Окончательно убедившись, что они его уже не могут увидеть, он решительно повернул обратно.

Теперь он почему-то был совершенно уверен, что Сафер Ибрагимович позвонит в город не только с просьбой выслать машину. И лучше было на некоторое время исчезнуть в лесу, а потом утром выйти на шоссе и сесть в первую попавшуюся машину. Пройдет несколько дней, а там будет видно, что делать дальше.

Знакомая обходная тропа к шоссе неожиданно оказалась разбитой. Ее слизал оползень. Тагир пошел в обход, и ночь застала его в лесу. Утром он снова пошел к шоссе. Действительно, несмотря на ранний час, здесь было очень оживленно. И он решил проехать сначала в одну сторону, потом пересесть на машину, идущую в обратном направлении, к морю. Так вернее было сбить с толку преследователей, если они у него уже были. Как говорят, береженого бог бережет.

Когда из-за поворота выскользнул ЗИС, он поднял руку.

Машина, дребезжа неплотно пригнанными бортами, шла по накатанному шоссе. Справа разворачивались покрытые лесом горы, слева, пенясь в черных камнях, несла свои воды речка. Прикрыв глаза и делая вид, будто дремлет, Тагир внимательно наблюдал за дорогой. Все было знакомо, все, вплоть до белых валунов на склонах у самой дороги... Сейчас вот за поворотом будет самый знакомый из них, похожий на вздыбившегося медведя. И когда этот валун действительно стал впереди, нависая над асфальтом дороги, Тагир довольно улыбнулся: на память свою ему еще грех было жаловаться. Да, дорогу он помнил всю. Вот только асфальт. Тогда его не было. И аккуратных белых столбиков, бегущих слева над обрывом. До войны здесь с такой скоростью не рискнул бы ехать даже самый отчаянный шофер. Тагир покосился на спидометр. Стрелка стояла на семидесяти — при таких-то головоломных поворотах!

Тагир заметил, что шофер, согнувшийся над баранкой, изредка косил на него, как будто пытаясь хорошенько запомнить. Сначала это встревожило Тагира, но у парня, даже когда он хотел казаться серьезным, было такое веселое, почти озорное лицо, что Тагир быстро успокоился.

— Вы нездешний? — спросил вдруг водитель.

— Из дорожного отдела, из области...

— А-а,— почти радостно произнес парень,— то-то я вас никогда здесь не видел. Так вам на мост?

— Можно и дальше.

— Если не особенно торопитесь, могу подкинуть хоть в город. Только на пять минут заверну домой. Я тут рядом, у моста живу. Дрова, понимаете, кончились.— Он совсем доверительно нагнулся к Тагиру.— Жинка второй день пилит,— он радостно засмеялся,— меня, конечно, а не дрова!.. Вчера обещал подкинуть, но не сумел. Вот пару палок сейчас прихватил в лесу у дороги. Лесник, если узнает, шкуру спустит. Он у нас не то, что прежний. С этим ухо надо востро... Вы с ним никогда не встречались?

Тагир пожал плечами и спросил просто так, чтобы что-нибудь спросить:

— Как его звать?

— Джамбот. Не слышали?

— Джамбот.— Тагир закрыл глаза и невольно усмехнулся. Почти машинально сказал: — А жену звать Мерем?

— Ну вот,— уже совсем радостно произнес парень,— значит, и вы его знаете! Его один раз увидишь, на всю жизнь запомнишь. Да и правда, о нем же в газетах писали.

У Тагира сильно застучало сердце. Последние слова шофера он услышал словно бы откуда-то издалека. Джамбот и Мерем? Неужели снова, почти четверть века спустя, возможно здесь, в этих местах, такое сочетание имен? На мгновение ему показалось, что какая-то сила перенесла его в далекие времена его молодости. Он увидел их перед собой так отчетливо, словно они стояли сейчас перед ним — рыжеволосого стройного парня и красавицу горянку с белым, словно первый снег, лицом.

Джамбот! В один и тот же день они получили мобилизационные повестки. В один и тот же час явились на призывной пункт. Вместе на стареньком грузовике ехали в райвоенкомат. С ними была и жена Тагира Цуца с маленьким Алкесом на руках. Тагир в эту последнюю минуту с трудом оторвал ее от себя... Возможно, в том последнем бою под Керчью у него уже никого не было родных. Только двое их оставалось, он и Родина, с именем которой он упал на пробитую пулями землю.

А Мерем... Он опять, как тогда в тот ясный солнечный день, увидел ее. Она стояла на дороге прямая, словно оледеневшая. Ей нельзя было выражать свои чувства. Она была еще только невеста Джамбота. Ни она, ни Джамбот за всю дорогу до райцентра не сказали ни слова.

Тагир тряхнул головой. Почему он сейчас вспоминает обо всем этом? Это было так давно. Так давно, что, возможно, всего этого вообще не было. Но Мерем и Джамбот — эти два имени, поставленные рядом, вселяли в него тревогу. Хотя почему? Разве какая-то другая Мерем не могла найти другого Джамбота? И счастье сопутствовало им больше, чем тем, которых он знал. Да, так, конечно, было бы лучше. Лучше для него — Тагира. И он спросил, на этот раз не бездумно, а с напряженным ожиданием ответа:

— О чем писали? Я что-то не читал.

— Ну, как же, месяц назад. Мы думали, почему он заросший, как медведь, ходит, а он, оказывается, в танке горел.

— В танке? — переспросил Тагир, чувствуя, как вол-

нение стальным обручем перехватывает горло.— А где... не помните? В каком месте, на каком фронте?

— Почему не помню,— все тем же веселым тоном ответил шофер.— В сорок втором под Керчью, попал в плен, бежал, попал во Францию, вместе с партизанами сражался. Двадцать лет орден его искал! Вот только месяц назад нашел...

Тагир сидел словно окаменев. Он ждал чего угодно. Взвесил все возможности, все обстоятельства, которые могли встретить его на родной когда-то земле, но чтобы друг детства, Джамбот, оказался жив и находился где-то совсем рядом — это ему никогда не приходило в голову!

Шофер продолжал говорить еще что-то, но Тагир уже не улавливал смысла. Он лихорадочно думал о том, что ему делать дальше. Что, если они с Джамботом случайно встретятся, и тот узнает его? Впрочем, не лучше ли сразу кончить эту комедию, сделать так, как это уже не однажды приходило ему в голову! Но надо ли это делать, прежде чем он встретится с Сергеем? Если он придет один, то кто поверит, что и Сергей хотел сделать то же? Нет, надо подождать, найти Сергея. А пока он должен найти могилу жены и сына, узнать все об их судьбе. После у него не будет на это времени. Тагир усмехнулся: времени-то, пожалуй, будет больше, чем надо, а вот возможности...

Впереди показался мост. Тагир помнил его еще деревянным, при каждом паводке его неизменно чинили, и издали он казался тогда весь покрытый латками. Машины и подводы подолгу ждали своей очереди — даже двум одноконным телегам нельзя было на нем разъехаться. Теперь легкая металлическая ферма моста словно парила в воздухе, и машины шли по нему сплошным потоком и в ту и в другую сторону.

Шофер вдруг круто повернул вправо. Машина запрыгала по ухабам. Впереди показалось несколько домиков.

— Я сейчас,— сказал шофер,— только сброшу эти несчастные ветки. Честное слово, больше никогда не возьму ни одной.— Он говорил, словно оправдывался перед Тагиром.— Посмотрите, тут всего и топки на полдня, да и сырые — один дым. Пусть сейчас прямо в печку.— Он торопливо затащил ветки во двор. Тагир слышал его голос. Наверное, он разговаривал с женой.

Машина стояла в тени под раскидистыми ветвями тутовника. Было прохладно, легкий ветерок продувал кабину сквозь открытые дверцы. А Тагир никак не мог собраться с мыслями. Они путались и все время цеплялись за одно имя — Джамбот. Теперь он никак не мог уйти от него, не мог, как это ни старался сделать.

Кто, как не Джамбот, должен знать, где могила Цуцы? Кто, как не он, лучше расскажет ему о судьбе Алкеса? Но как поведет он себя, когда увидит Тагира? Как поведет себя, когда узнает о нем все? В этом можно не сомневаться ни минуты: он просто скрутит ему руки и отведет куда следует. Что ж, будь на месте Джамбота, он поступил бы точно так же. Но если не говорить ему правды? Тогда он спросит, где Тагир был все эти годы, почему он раньше не поинтересовался судьбой своей жены, своего сына? Конечно, можно что-нибудь придумать, но сможет ли он соврать своему ближайшему другу? А может быть, жизнь научила Тагира уже и этому? И он соврет. Да только неужели Джамбот этого не заметит?

Шофер наконец вышел из дома. По дороге за спиной Тагира с глухим свистом пронеслась машина, потом еще одна. За зеленью кустарников Тагир их не видел. Но зато видел лицо шофера. Оно вдруг неожиданно помрачнело. «Заметил-таки, лохматый чертяка»,— пробормотал он. Постоял еще немного, подумал, потом, по-видимому что-то решив, забрался в кабину и включил стартер.

— Знаете что? — сказал, не глядя на Тагира.— У меня тут немного изменились планы. Придется сначала заехать в райцентр, а потом через аул в город. До дороги я вас довезу, там теперь в город будут идти машина за машиной. Доберетесь за двадцать минут.

— А так за сколько? — тихо спросил Тагир.

Шофер пожал плечами.

— Ну за час, может, немного больше.

— Я еду с вами,— сказал Тагир, тут же понимая, что говорит совсем не то, что сначала он должен все взвесить и, главное, выдумать и отработать до мельчайших деталей новую легенду: ведь старая совсем не учитывала встречи с Джамботом, и не учитывала потому, что сам он никогда не допускал такой возможности.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Выйдя из леса, лейтенант Арбанян остановился. Перед ним лежала узкая наезженная лента асфальта, а за ней пенился в темных острых камнях горный поток. Речку, еще не сбросившую летнее полноводье, вряд ли было возможно перейти вброд. На скользких камнях вода сбила бы его с ног еще до того, как он вошел бы в нее по колено. Как это получилось, что в лесу он свернул не на ту тропинку? Если бы не эта досадная ошибка, он бы сейчас находился на дороге километра на три ниже по реке. Отсюда до моста, где он должен был ждать майора, было не меньше полутора часа ходьбы. Одна надежда на попутную машину. Но по эту сторону реки они шли редко, да и то в такое время больше в обратном направлении.

И тут Арбанян вспомнил о висячем мосте, который не так давно соединил берега где-то вверху по течению. Он не помнил, от кого слышал об этом мостике, если он действительно существовал, то должен был находиться где-то совсем недалеко от того места, где сейчас стоял лейтенант. В конце концов что он теряет — ведь идти придется все равно по дороге.

Мостик действительно существовал, и Арбанян, поблагодарив мысленно того, кто так кстати соорудил его, перебрался по зыбкому настилу на противоположную сторону, пересек узкую полоску леса и вышел к большой дороге. Здесь было куда оживленнее. Две машины пронеслись одна за другой только за то время, пока он прошел каких-нибудь полсотни метров, отделявших лесок от асфальта. Арбанян остановил третью и минут через пятнадцать выпрыгнул из нее у железного моста.

Было без четверти двенадцать. Лейтенант присел на камень, лежавший на склоне у самой дороги, и закурил. В его распоряжении оставалось еще пятнадцать минут.

Отсюда, где он сидел, мост, врезавшийся в голубое утреннее небо ажурной одногорбой аркой, и все, что происходило на нем, было видно особенно хорошо. По нему шли машины, груженные дровами, семечками, арбузами, катились тяжело припадавшие на рессоры МАЗы с щебенкой, бежали автобусы, набитые почти до отказа людьми, ехавшими в город. Потом пронеслись две машины с солдатами. Солдаты пели. Арбанян видел их молодые оживленные лица, открытые рты, но слов не слы-

шал, их поглощал шум реки, кипевшей и пенившейся в бетонных основаниях моста. Казалось, стремительные волны уносили с собой все возникающие вокруг звуки.

На мосту шла обыденная жизнь, которую лейтенант наблюдал не один раз, но где-то здесь в гуще этих занятых своими повседневными делами людей находился один — чужой, враждебный всем им человек, один из двоих, а может быть, и из троих, нежданно появившихся прошлой ночью в горах.

В лесу, да еще в горном лесу, человека найти так же трудно, как камень, брошенный в озеро с мутной водой. Но и сам он не в лучшем положении, чем те, кто его ищет. Каждое дерево таит для него опасность. Да и потом лес не город. Тут не у кого спросить, как пройти на другую улицу. Но, скорее всего, человеку, вышедшему сегодня на дорогу, никакие справки не были нужны. По всему было видно, что в лесу он ориентировался совсем неплохо. Во всяком случае, не намного хуже, чем лесник, знавший в нем почти каждую тропинку.

Заметил ли незнакомец, что он обратил на себя внимание? Арбанян усмехнулся: Джамбот, к сожалению, не обладал той самой внешностью, о которой говорят, что ее трудно запомнить. Темно-рыжая борода Джамбота, вечно взлохмаченная шевелюра не могли не привлекать к себе внимания. Находись он сейчас в одной из машин, проходивших через мост, и Арбанян, наверное, узнал бы его даже отсюда.

Лейтенант посмотрел на часы. До прихода «Волги» с майором оставалось пять минут.

У подножия горы на той стороне реки стояло несколько домиков. Дым из их труб поднимался в небо словно по вычерченной прямой. Вертикальные столбики дыма и голубое безоблачное небо над крышами почему-то всегда действовали на лейтенанта умиротворяюще. Но только не сегодня. Сегодня все это спокойствие казалось ему неестественным. Может быть, потому, что дымы были неожиданными. Три желтоватых и один темно-сизый. Наверное, цвет их зависел от топлива.

Арбанян тряхнул головой и усмехнулся. Кажется, все это время он искал вокруг себя что-то необычное. Искал даже там, где его не могло быть. Беззвучными серыми молниями вырвались из-за горы и прочертили небо три самолета. А потом, когда уже их не стало, на горы обрушился грохот, поглотивший шум реки, пере-

шедший в свистящий вибрирующий звук, нехотя и долго тающий в седловинах гор.

В этот момент внизу показалась знакомая «Волга». Майор Лаукан Карабетов сам сидел за рулем.

— Успели? — майор бросил взгляд на часы.— Докладывайте.

— Джамбот ничего не успел сказать мне, товарищ майор,— лейтенант сел рядом.— Он только передал через сынишку, чтобы жена его скоро не ждала. Один из дорожных рабочих видел, как он садился в грузовик. Рабочий обратил на это внимание, потому что перед этим услышал выстрел.

— Выстрел?— майор оторвал взгляд от дороги.— И кто же стрелял?

— По-видимому, Джамбот, товарищ майор. Дорожник заметил, что в руках у него было ружье. Жена Джамбота тоже сказала мне, что при муже была двустволка. Это лишний раз подтверждает, что дорожник не ошибся. В машину садился именно Джамбот.

— Ну, Джамбота не так просто спутать с другим, если даже всего этого и не было,— заметил майор.— По-видимому, события можно представить так — Джамбот, послав паренька с запиской, сам последовал за незнакомцем. Тот сел в машину, и Джамботу оставалось сделать то же самое. Но выстрел? В кого же он мог стрелять?

— Может быть, стреляли в него, товарищ майор?— предположил Арбанян.

— Но ведь дорожник, когда Джамбот садился, видел только одну машину. Не мог же лесник уехать, если стрелявший в него остался на дороге!

Майор чуть притормозил машину. По обочине шоссе галопом скакал всадник. Ему было не больше двенадцати-тринадцати лет. Обернувшись, он увидел «Волгу», свистнул и, с явным намерением не дать себя обогнать, пустил лошадь вскачь.

— Лихой будет джигит,— усмехнулся Арбанян.

— Запомните его, лейтенант,— улыбнулся майор.— Это и есть посланец Джамбота. Надо будет поблагодарить родителей и школу,— отличных ребят воспитывают!..

Сказав это, майор не мог удержаться от легкой усмешки: «поблагодарить родителей и школу». Вот его Саида второй год ходит в музыкальную школу, а он еще ни разу не был там. Пока это делает его мать, бабушка

Саиды. А еще все последнее время удавалось видеть дочку только спящей. Приходил очень поздно. Жена не говорила ни слова: понимала, какая у него работа. Знала, за кого выходила.

Всадник впереди свернул на дорогу, ведущую в горы. Еще долго в пожелтевшей зелени кустарника была видна его маленькая фигурка.

«Волга» повернула налево к железнодорожному переезду, куда сходились все дороги и с той стороны реки. Майор мягко затормозил у черно-белого полосатого шлагбаума. Лейтенант вышел из машины и вернулся через несколько минут с листком бумаги.

— С шести часов утра в город через переезд прошло сорок шесть машин, товарищ майор, из них двадцать девять везли семечки на элеватор, четырнадцать — были гружены дровами, три —прошли порожняком, в десяти машинах места рядом с шофером были заняты. Те, что везли семечки, отпадают, они шли не из леса. Остаются шестеро, которые находились на других машинах. Трое из них известны в лицо, четвертый по описанию похож на Джамбота, остаются двое. Они проехали на последних двух машинах час тому назад. После них шли только машины с семечками из колхоза.

— Подождите,—сказал майор,— что же получается: Джамбот едет впереди того, кого он должен был преследовать?

Лейтенант, усмехнувшись, пожал плечами.

— Я сам не могу понять этого, товарищ майор.

— Десять минут,— майор резко прибавил скорость.— Если они еще не въехали в город, мы сможем их догнать.

С протяжными сигналами «Волга» пошла на обгон первой показавшейся впереди машины, но это оказался порожний самосвал, и шел он, по-видимому, откуда-то с совхозной стройки, светлые стены которой поднимались над желтоватой стерней в нескольких километрах от дороги. Рядом с шофером никого не было.

Впереди замелькали первые домики пригорода. Плотнее пошли встречные машины. Пришлось сбавить скорость. Ни одной машины, груженной дровами, впереди не было видно. Да это и понятно: они могли свернуть в любую улицу. Попробуй определи, в какую. Но где сейчас мог находиться Джамбот? Это в создавшейся обстановке было, пожалуй, не менее важным.

«Волга» въехала на широкий перекресток, пересекавший дорогу перед въездом в центральную часть города. На синей дощатой будке пламенели три буквы: «ГАИ». За нею во дворе находилось отделение милиции. «Волга» затормозила, стоявший около мотоцикла лейтенант, по-видимому, узнав находившегося за рулем майора, перебежал дорогу. Но прежде чем кто-нибудь из них успел произнести хоть слово, майор и Арбанян вдруг увидели Джамбота. Он сидел без ружья на скамейке во дворе милиции рядом с милиционером. Около них стоял какой-то парень в промасленном комбинезоне и о чем-то говорил, горячо размахивая руками.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Когда Джамбот с вершины горы увидел, что человек, который все время впереди него шел по лесу, уже добрался до дороги, он понял, что больше нельзя терять ни минуты. Теперь, пожалуй, незачем думать о том, чтоб оставаться незамеченным. И он побежал вниз под гору напрямик, продираясь сквозь встававший на его пути густой кустарник. В тот момент, когда внизу в просветах зарослей вновь открылся отрывок шоссе, незнакомец уже стоял около притормозившей машины. В следующую минуту вместе с ним она исчезла за поворотом. Джамбот только успел заметить, что из кузова ее торчали какие-то зеленоватые ветви. По привычке в голове мелькнула мысль,— не украдено ли это из его леса?

Но он сейчас же забыл об этом, забыл потому, что дорога, на которую он наконец вышел, была абсолютно пуста. Ни одной машины ни слева, ни справа. А тот грузовик уходил все дальше и дальше к мосту. Джамбот в полной растерянности стоял у обочины дороги, не зная, что делать. Перейти на ту сторону по висячему мосту? Но где гарантия, что машина, на которой уехал незнакомец, пойдет через железный мост, а не свернет на дорогу, ведущую через аул в районный центр? Но зато после переезда начнутся развилка за развилкой, если он успеет переехать железный мост, попробуй потом угадай, какую из них он выберет. А повернет в город, тогда уж и вообще не найдешь эту машину в тесном переплетении улиц.

В этот момент, к своей радости, Джамбот услышал

шум мотора — оттуда, откуда его и ждал. Из-за поворота, дребезжа неплотно пригнанными бортами, вылетел ЗИС. Джамбот поднял руку и шагнул на дорогу. На мгновение он увидел лицо за ветровым стеклом. Оно почему-то показалось ему испуганным. В следующее мгновение машина со свистом пронеслась мимо, оставив за собой запах бензина. Джамбот ошеломленно смотрел ей вслед, пока она не исчезла за следующим поворотом. Он даже не успел разглядеть ее номер — задняя часть машины была основательно забрызгана грязью. Почему он не остановился? Чего испугался? Наверное, забросил в кузов пару сухих веток и, узнав лесника, решил, что лучше проскочить мимо него на полной скорости. Джамбот приглушенно выругался. Если бы этот идиот знал!..

Что бы там ни было, а следующую машину он уже не имел права упустить, а она, кажется, приближалась. Джамбот своим обострившимся от жизни в лесу слухом снова улавливал далекий гул мотора.

Джамбот вышел на середину дороги и приподнял ружье. Звук выстрела, глухо раскатившийся в горах, и скрип тормоза прозвучали почти одновременно. Шофер в промасленной спецовке с бледным лицом выпрыгнул на дорогу.

— Ты что,— закричал он, подергивая губами,— из сумасшедшего дома сбежал! Да я тебе за такое дело!..

Джамбот, не отвечая, бежал к машине. Это еще больше испугало шофера. Он нырнул в кабину, и в руке его блеснул заводной ключ.

— Не подходи,— он взмахнул ключом.— Голову расшибу!..

Только теперь Джамбот понял, что он «перегнул палку».

— Извини,— произнес он как можно мягче, останавливаясь в шагах трех от продолжавшего размахивать ключом шофера.— Извини, пожалуйста. Понимаешь, мне нужно срочно к мосту. Одного останавливал, так он, подлец, только скорость прибавил. Боялся, что и ты сделаешь так же!..

Все еще продолжая с опаской смотреть на него, шофер опустил ключ и открыл дверцу.

— Так бы сразу и сказал,— хмуро пробормотал он.— А то чего выдумал — палить. Война тебе, что ли. Что случилось? — спросил он уже более миролюбиво,



когда Джамбот сел рядом.— Заболел кто-нибудь?

Джамбот кивнул головой: лучше было ответить так, чем рассказывать все, что произошло в это утро.

— Жена,— сказал он.— Только, пожалуйста, если можешь, давай скорей.

— Больше пятидесяти все равно не выжму,— шофер переключил скорость.—Не тот уже у нее организм. Скоро на новую пересяду. А зачем тебе на мост, если... А, там телефон...

Джамбот снова кивнул головой. Он неотрывно смотрел на дорогу. Она, как и прежде, была совершенно пустынна. Далеко же ушла первая машина, если он не мог еще даже увидеть второй.

— Слушай,— вдруг радостно сказал шофер.— Как это я забыл,— никакой телефон тебе не нужен! Здесь на дорожном участке есть теперь свой врач. Вчера у него мой товарищ был. Я сейчас тебя прямо туда доставлю.

— Мне нужен мост, понимаешь,—сказал Джамбот, уже начиная тяготиться многословием и неожиданной отзывчивостью шофера.

— Значит, у тебя никто не болен,— вдруг снова разозлился тот.— Сначала стреляешь в человека, а потом три короба врешь. А может, я не еду к мосту — что тогда?

— Слушай,—Джамбот с трудом сдерживал раздражение.— Пойми, мне очень нужно. Потом я тебе как-нибудь расскажу. Понимаешь, очень нужно. Государственное дело...

— У всех у нас государственное дело,— проворчал шофер.— Ты что думаешь, я в частной лавочке работаю?

Ни одной машины они так и не догнали. Первые из них показались только около моста. Теперь в общем их потоке найти ту, на которой уехал незнакомец, было вообще невозможно. Оставалось только одно. Установить номер машины или фамилию водителя, на которой он уехал. Тогда хоть как-то можно будет поймать ускользнувшую нить.

— Впереди тебя шли две машины,— Джамбот наклонился к шоферу.— Не знаешь, из какой они организации?

Тот хмуро покачал головой:

— Мало ли машин на дорогах, разве всех можно знать.

— Но они с тобой шли по лесу, а там не так много проходит машин.

Шофер усмехнулся.

— Откуда мне знать, кто впереди...

Он явно говорил неправду. Да и в голосе его прозвучала почти открытая издевка. Выдержка, которую все время призывал к себе на помощь Джамбот, вдруг оставила его.

— Ах, так, тогда ты скажешь это в другом месте. Поймешь, как шуточки шутить, когда с тобой говорят серьезно.

Шофер повернул к нему побледневшее лицо:

— Ладно,— пробормотал он.— Увидим. Сейчас увидим,—он дал полный газ.

Оказывается, машина могла идти гораздо быстрее, чем шла раньше.

Они проскочили мост, оставили за собой переезд, на котором на этот раз было совсем пусто. Машина продолжала идти на полной скорости. Нагнувшись над баранкой, шофер изредка бросал опасливые взгляды на Джамбота. Но тот сидел совершенно спокойно, и это спокойствие озадачивало и сбивало с толка шофера. Он ожидал чего угодно, только не этого. А Джамбот решил, что самое лучшее теперь, раз уж все его усилия догнать незнакомца пропали впустую,—это попасть в город. И еще, смотря сбоку на злое лицо шофера, он думал о том, что, живя столько времени в лесу, он, оказывается, так одичал, что отучился разговаривать с людьми. Бедная Мерем, наверное, ей тоже приходится несладко с ним, но она все терпит и молчит!

Машина вырвалась на перекресток. Мелькнули красные буквы на синем фоне. Шофер выскочил на асфальт с таким видом, словно Джамбот пытался схватить его за горло.

— Товарищ лейтенант! — закричал он.— Вот этот стрелял в меня на дороге из ружья, потом грозил со мной рассчитаться, проверьте, что за человек!..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Полковник Смирнов не спеша перекладывал лежавшую перед ним стопку бумаг. Это были записи разговоров коротковолновиков, отлично известных поименно и по позывным не только ему, но и всем радиолюбителям. Пока в этих записях не было абсолютно ничего, что мог-



ло бы заставить обратить на себя внимание. Он задумался, отодвинул бумаги в сторону и, прикрыв глаза, вынул из пачки папиросу.

Майор Карабетов молча сидел в кресле— ждал. Полковник встал и прошелся по комнате.

— Сидите,— сказал он хотевшему тоже приподняться майору.— Просто разомну слегка ноги. И так, лейтенант Арбанян считает, что человек, которого преследовал Джамбот, не доезжая моста, пересел на другую машину и въехал в город следом за ним?

— Скорее всего, это так, товарищ полковник. Только на двух машинах были замечены незнакомые люди, и оба они проехали позже Джамбота.

— На машинах, идущих из леса?

— Да, товарищ полковник,— шоферы этих машин уже обнаружены. Ни один из них не знает своего пассажира, кроме как в лицо.

— Если предположения лейтенанта Арбаняна имеют под собой основания,— полковник снова сел в кресло,— то... Однако давайте лучше проанализируем, какими мотивами мог руководствоваться преследуемый, совершая этот маневр. Впрочем, преследуемый, возможно, только для нас с вами. Предположим, он не догадыва-

ется, что обратил на себя внимание, и запутывает за собой след просто из профилактических соображений. Он едет из леса, слезает, не доезжая моста, на дороге, где проходят машины уже из самых различных пунктов. На какую бы вы сели, находясь на его месте?

— Вы правы, товарищ полковник, на любую, только не на ту, что шла со стороны леса.

— Совершенно верно. Но существует и другая возможность. Так сказать, второй вариант. Преследуемый замечает, что за ним следят. Тогда, естественно, пока преследователь не догнал его, он слезает с машины и видит, как тот проезжает мимо него через мост в город. Знаете, майор, что-то мне не нравится, что он проделывает все это только для того, чтоб поменяться местами с Джамботом. Не исключена возможность, что лесник мог остановиться. Догнал идущую впереди машину, убедился: того, кто ему нужен, в ней нет. И остановился. Кроме того, вполне естественно предположить, что он уже поднял тревогу. И тогда все машины начинают проверять и уж, конечно, самым тщательным образом. Нет, майор, можно почти с полной уверенностью сказать, что, если исходить из того варианта, на двух последних машинах не могло быть этого человека.

— Значит, вы считаете, товарищ полковник, что поиски тех двух следует прекратить?

— Почему же, это совсем не помешает, логика иногда изменяет и довольно опытным субъектам. Я только думаю о другом: что, если у этого человека были соображения не ехать в город, соображения какого-то другого порядка, не связанные с его заданием. Вот этот вариант будет для нас значительно хуже. Здесь уж нам не могут помочь все наши логические выкладки.

Зазвонил телефон.

— Слушаю,— сказал полковник.— Так, так,— повторил он,— спасибо, Алевтина Андреевна. Да, да, теперь это вполне возможно,— положил трубку и отодвинул от себя стопку бумаг.

— Так вот, товарищ майор. Кто были эти два незнакомых человека, проехавшие вчера через мост, уже установлено. Один из них экспедитор курортторга, второй — работник соседнего лесничества. Оба они хорошо известны на местах своей работы и не могут вызывать никаких подозрений.— Полковник чуть заметно улыбнулся.— Вы, кажется, немного разочарованы?

— Вот как,—майор помолчал.— Тогда все осложняется. Не мог же человек, которого преследовал Джамбот, просто раствориться в воздухе. По правде говоря, я полагал, что этот человек и тот, что был замечен колхозницами, когда несколько дней назад выходил из леса, одно и то же лицо, но тот по описанию был высокого роста, чуть сутуловатый блондин. Джамбот же утверждает, что преследуемый им — среднего роста и с темной шевелюрой. Цвет волос не так трудно сменить и за несколько часов, но вот рост... Возможно, Джамбот ошибается. Ведь у него не было времени как следует разглядеть его.

— С тем, кого видел Джамбот, все обстоит гораздо проще,— полковник посмотрел на часы.— Через несколько минут мне должны сообщить самое полное его описание. А пока нам известно вот что. Профессор Косицкий и его ассистент три дня назад, направляясь по своим делам к Голубому камню, встретили в лесу человека, внешне похожего на местного жителя. Он проводил их к нужному им месту кратчайшим путем. Расстались они через три дня почти у самого того места, где встретились. И вот здесь этого человека, по-видимому, и увидел Джамбот. Увидел издали. Его поведение вызвало подозрение Джамбота, и он пошел следом за ним,— полковник снял трубку внутреннего телефона.— Алевтина Андреевна? Ну что? Уже есть? Говорите, я вас слушаю,— полковник взял карандаш. Кивая и временами произнося односложное «так», «так», что-то набрасывал на бумаге. Потом он сказал:— Спасибо, Алевтина Андреевна... Теперь все, можете идти отдыхать,— и положил трубку.

Полковник еще некоторое время молча смотрел на сделанные им короткие записи, потом сказал:

— Ну вот, майор, запоминайте. Среднего роста, широкоплечий, с темным лицом и темными глазами. Брови на переносице почти срастаются. Нос прямой. По внешнему виду очень похож на адыга. Лет около пятидесяти...

— Что же тогда получается? — тихо произнес Карабетов.— Их было двое? Один блондин, а другой...

— Один, по-видимому, несмотря на все старания замести следы, направлялся, несомненно, в город. Пока, к сожалению, мы упустили его из виду на шоссе, но, надеюсь, что ненадолго. А вот второй. Второй ведет себя более чем странно. Сразу же, не пытаясь даже акклимати-

зироваться, освоиться с обстановкой, берет, так сказать, быка за рога — ведет в горы научных работников, деятельность которых, если знать о ней, несомненно должна его интересовать. Но так вот сразу... Это не похоже на опытного разведчика. И именно это обстоятельство и заставляет меня сомневаться...

— В чем, товарищ полковник? — так же тихо спросил майор.

— В том, что человек этот чужой. Что он только что сброшен на нашу землю. Впрочем, чего только не бывало. Бывают и неожиданности, которые никто не может предусмотреть. И все-таки нужно непременно установить, кто был человек, ехавший на машине. Но для этого надо найти шофера, который его вез.

Майор встал.

— Я жду лейтенанта, товарищ полковник. Он может звонить мне, и если я не отвечу...

— Подождите,— полковник положил руку на трубку телефона.— Садитесь. Вы мне еще немного нужны.— Он поднял трубку.— Пожалуйста, если будут звонить майору Карабетову, переведите разговор на мой телефон.

Полковник положил трубку, снова придвинул к себе пачку бумаг и неожиданно вздохнул:

— Ну, а теперь вот об этом, майор. О записях переговоров коротковолновиков. Я тоже согласен, что ничего реального и ясного пока в этих переговорах нам обнаружить не удалось. Но у меня к вам один вопрос — что вы все-таки можете сказать о радиолюбителе по имени Касей Касимов?

— Касей Касимов? — майор пожал плечами и улыбнулся.— Из семи человек, которые в нашем районе выходят на связь с иностранными любителями, этот человек, по моему мнению, вызывает наименьшее подозрение. Лично я знаю его почти с детства. Сейчас он преподаватель английского языка в районной школе, товарищ полковник, один из лучших учителей района. В коллективе о нем никто никогда не сказал ни одного плохого слова.

— А в прошлом?

— Вы имеете в виду войну, товарищ полковник? Начал ее здесь, от предгорий, и закончил на Эльбе. Дважды был ранен.

— После капитуляции вернулся не сразу?

— Совершенно верно, товарищ полковник, весь сорок

пятый находился при штабе, работал переводчиком, ведь он уже тогда знал английский язык.

— Бывал, конечно, не один раз в американской зоне?

— Я думаю, товарищ полковник, это была прямая его работа.

— Отлично,— неожиданно сказал полковник и снова, как и в прошлый раз, прикрыл глаза.

Майор с некоторым удивлением посмотрел на него. Он здесь ничего отличного пока не видел. Скорее, все обстояло наоборот. Человек, которого он очень хорошо знал и которому верил, по-видимому, вызывал подозрения полковника. Но если это так, почему он не говорит, в чем они состоят?

В этот момент полковник открыл глаза и улыбнулся.

— Отрадно, что на той стороне старики гораздо дольше живут догмами, чем мы... И все еще пытаются играть на нашей подозрительности.— Он положил перед собой одну вынутую из стопки бумажку. — Вот текст сообщения Касея Касимова, направленного сирийскому любителю, работающему под позывными «Евфрат-2»: «Не отвечал, вышла из строя аппаратура, начну передачу позже». Это сообщение ушло в эфир в двадцать один час сорок минут. Затем точно такая же фраза, только было добавлено «гуд бай», была передана им снова в двадцать три часа две минуты.

— То есть Касим пожелал своему сирийскому коллеге спокойной ночи? — спросил майор и опять внимательно посмотрел на полковника.— Мне кажется, здесь нельзя усмотреть ничего не обычного. Хочу еще раз заметить, товарищ полковник, что лично у меня нет ни малейших сомнений в честности этого человека.

— У меня тоже,— сказал полковник.— Однако субъективистские ощущения в нашей профессии — вещь чрезвычайно рискованная. Во всяком случае, до того момента, когда они будут проверены фактами. Но будем пока считать, что Касимов находится вне подозрений. Тогда к какому выводу мы можем прийти?

— Только к одному,—товарищ полковник,— что кто-то воспользовался передачей Касея и передал в эфир нужное сообщение.— Майор усмехнулся.— Пожелал кому-то спокойной ночи...

— И это пожелание спокойной ночи, по всей вероятности, означает что-то определенное и точное. Это, бе-

зусловно, заранее оговоренная фраза. У вас есть какие-то другие соображения? Пока нет? Тогда давайте исходить из предположения, что Касимов не причастен к этой передаче,— тогда вот вам первое звено: кто-то отлично осведомлен не только о существовании Касея, но и о его прошлом. И особенно, по-видимому, о службе в армии. Если из семи любителей, работающих из пятьдесят седьмого квадрата, выбран именно он, это о чем-то говорит. А выбран он, скорее всего, потому, что сразу же после войны ему приходилось общаться с американцами. Кто-то решил, что это обстоятельство непременно вызовет наше подозрение и отвлечет внимание от кого-то другого. Необходимо выяснить как можно быстрее, кто этот человек. Вот вам задание номер один...

Снова зазвонил телефон. Полковник снял трубку.

— Да, майор у меня. Ну зачем же, заходите ко мне.— Полковник положил трубку.— Лейтенант Арбанян. У него появились какие-то новые соображения в отношении того, что произошло в районе моста... Войдите,— откликнулся он на стук в дверь и, когда Арбанян вошел, кивнул на кресло: —Садитесь. Так какие же это соображения? Что у вас случилось?

— Понимаете, товарищ полковник,—чуть смущенно начал лейтенант.— Возможно, что ничего и не случилось, но мне все время не давала покоя одна мысль. Еще с того времени, как я сидел у моста и ждал майора. Сначала она казалась мне смешной, но теперь, после разговора с Джамботом... Джамбот уверен, что в машине, на которой уехал незнакомец, лежали какие-то зеленые ветви. По-видимому, шофер захватил их с обочины дороги. Их иногда срезают дорожные рабочие. Все это он делал наспех, потому что дальше в лесу он мог набрать и сухих. Может быть, я слишком подробно обо всем этом рассказываю, может быть, все это мелочь, но дело как раз в этих мелочах. Я, конечно, ничего не утверждаю.

— Товарищ лейтенант, — улыбнулся полковник. — Я знал вас более лаконичным и точным.

— На той стороне реки недалеко от моста стоят четыре домика. Когда я был на берегу, в них топились печи. И один дым отличался от остальных. Я еще тогда подумал, что, наверное, печь топили сырыми дровами. Я, конечно, не предполагаю, что зеленые ветви прямо с машины попали в печь, но в одном из домиков, как оказалось, живет шофер. Он работает на птицеферме.

— Что ж, проверьте,— сказал полковник.— В создавшейся обстановке мы не имеем права игнорировать даже самые незначительные мелочи. Я думаю, ваш прямой начальник не будет возражать, если вы займетесь этим немедленно. Не так ли, товарищ майор? Итак, не теряйте времени. Доложите лично мне,— и, когда лейтенант, козырнув, вышел, повернулся к майору.— Ну, а теперь квадрат 57. Нужно установить, откуда мог работать передатчик, что бы мы ни думали о Касимове. И еще. Это, пожалуй, самое главное. На этот раз этот передатчик работал вполне нормально, на полную свою мощность. Значит, батарейки действовали, и, по всей вероятности, последнее сообщение с пожеланием спокойной ночи включало в себя подтверждение о прибытии связного. Не исключена возможность, что передатчика уже нет в этом квадрате, но установить это все равно нужно.

— Товарищ полковник,— после некоторого раздумья сказал майор.— Из всего сказанного уже можно составить некоторые представления и о том, кто вел передачи. В том случае, конечно, если мы полностью исключаем причастность к этому самого Касимова. Во-первых, ему, как вы уже это заметили, отлично известно военное прошлое Касея, и, во-вторых, человек этот, по-видимому, знал, когда вел передачу от имени Касея, что последний находился дома, а не в отъезде. В противном случае, обман раскрылся бы очень быстро. А это уже кое-какие ориентиры.— Майор встал.— Разрешите идти, товарищ полковник.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Утром на следующий день, после того, когда он побывал у Джаримокова, Берузаимский поднялся засветло. Тщательно умывшись холодной водой, чтоб смыть с себя все остатки вчерашнего хмеля, он побрился, надел свежую рубашку и защитного цвета брюки. Натянул на ноги хромовые мягкие сапоги.

Выйдя во двор, он заглянул к соседу. Там было пусто. Только дверцы сарая казались чуть приоткрытыми. Берузаимский немного постоял прислушиваясь, а потом позвал:

— Сосед, а сосед...

Никто не ответил. Владимир Петрович крикнул еще

раз, теперь уже громче. В сарае звякнуло ведро. Дверца сарая приоткрылась, и из него выглянула хозяйка.

— Доброе утро,— сказал Владимир Петрович,— муж еще не ушел?

— Еще вчера вечером, — махнула она. — Машина за ним зашла, он и поехал. Сказал, чтобы вы прямо на пасеку шли.

Берузаимский приблизительно знал, где она находится. Напрямую это было не так далеко. Надо было пройти через лес и спуститься к реке, а там в конце обширной поляны, заросшей ромашкой, стояли ульи. Нашел он эту поляну довольно быстро. Уже издали он увидел аккуратные ряды голубоватых, совершенно одинаковых ульев. А слева в тени заметил новенький «газик». Обе дверцы его были открыты, и на сиденье полулежа дремал водитель. По-видимому, главный агроном был уже здесь.

Дойдя до середины поляны, Владимир Петрович понял, что не ошибся. У небольшого, сложенного из свежих листьев шалаша рядом с сутуловатой фигурой соседа он увидел крепкого коренастого парня в светлой рубашке с расстегнутым воротом.

Это, наверное, и был Алкес Хаджинароков.

Сосед, по всей вероятности, уже успел сказать о Берузаимском, потому что Алкес не выразил ни малейшего удивления, только крепко пожал руку и сказал:

— Я сейчас освобожусь, подождите минутку.

Берузаимский отошел в тень и присел на пенек. Он ничего не понимал в пчеловодстве, однако из того, что донеслось до его слуха, сделал почти безошибочный вывод, что пасека будет перебазироваться. Но всего разговора он услышать не мог. Оба говорили вполголоса, и только последняя фраза Хаджинарокова донеслась до Берузаимского с полной отчетливостью:

— Так имейте в виду, готовиться нужно уже сейчас, через месяц будет поздно.

Наблюдая за Хаджинароковым в те минуты, когда до него не доносилось ни одного разборчивого слова, Берузаимский отмечал про себя, что парень, несмотря на свою сравнительную молодость, держится уверенно, однако нисколько не подчеркивая своего начальствующего положения. Сосед Берузаимского внимательно прислушивался к его словам. Похоже, что агроном действительно пользовался в колхозе немалым авторитетом.

И еще Берузаимский думал о том, начинать ли ему прямо сейчас, с первого знакомства разговор о наследственном «Зауэре» или отложить его до более удобного случая? И согласится ли агроном продать ружье? Он решил не жалеть для этого денег. Если согласится расстаться с единственной памятью об отце — характер парня сразу станет ясен. Ну, а если нет? Что ж, во всяком случае, «Зауэр» вполне может стать отличной причиной для более близкого знакомства с агрономом. Нет, лучше сейчас о ружье ничего не говорить. Ну, а если сосед уже сказал? Как быть тогда?

Однако опасения Берузаимского оказались напрасными. Закончив деловой разговор, агроном подошел к нему и сразу же спросил о том, какая работа ему больше по душе. Владимир Петрович сказал, что много лет работал на Севере в лесу и имеет в этой области достаточный опыт. Алкес, чуть подумав, повторил слова пасечника о том, что лучше всего поговорить с новым лесником. Можно, конечно, решить этот вопрос и без него, прямо в конторе лесхоза. В бригадах и по вырубке и по восстановлению лесных массивов нужны люди, это ему совершенно точно известно. Но, если у него нет желания уходить далеко от дома, лучше всего встретиться с Джамботом.

Вступивший в разговор пасечник сказал, что завтра или даже, возможно, сегодня к вечеру они постараются увидеть Джамбота и поговорить с ним. Но когда Берузаимский заметил Алкесу, что работал некоторое время плотником, последнего это очень заинтересовало.

— Слушайте,— сказал он.— А что, если вы пойдете к нам? К осени здесь на пасеке предстоит большая работа. Зарабатывать вы будете не меньше, чем в лесхозе. Это я вам гарантирую.

— Что ж, об этом стоит подумать,— ответил Берузаимский.— Тем более что до пасеки мне совсем близко, рукой подать.

— Но, а если она будет немного дальше? — спросил Хаджинароков.— Тогда это вас не устроит?

— Ну, это смотря на сколько дальше,— засмеялся Владимир Петрович.— Если по ту сторону ущелья...

— Нет, нет,— перебил его Алкес.— Значительно ближе. Ну да ладно, мы еще об этом потолкуем. Если вы сосед нашего дяди Каплана, будем встречаться часто.

Только после этого разговора Берузаимский решил завести речь о ружье. Он сказал, что уже ни от одного человека слышал о «Зауэре» Хаджинарокова, что у него самого когда-то было тоже ружье такой же марки и он очень хотел бы посмотреть, одинакового ли они все образца, потому что слышал много спорного на этот счет. Конечно, это совсем не к спеху, когда-нибудь, когда у Алкеса будет свободное время.

— Зачем же откладывать,— агроном посмотрел на часы,— если у вас есть время, можно это сделать и сейчас. Я еще не завтракал и как раз еду домой. Садитесь в машину, поедем вместе. А потом я вернусь сюда снова и подкину вас.

Такого поворота дела Берузаимский никак не ожидал. Все складывалось быстрее и проще, чем он мог предполагать.

— Дядя Каплан,—крикнул главный агроном уже из кабины.— Так, если будут спрашивать, скажи, буду часа через два.

«Газик», попрыгав по лесной дороге, выбрался на проселочную.

Когда они проезжали мимо дома Берузаимского, тот показал, где живет.

— Знаю,— засмеялся Алкес.— Раз по соседству с дядей Капланом, мне уже и так все ясно. Так вот, пойдете к нам работать, буду и за вами заезжать. Правда, не каждое утро. А летом можно жить и на пасеке. Одно удовольствие! Не было бы у меня семьи, я давно бы сам туда перебрался.

Они миновали хутор Рамбесный. Во дворе у вдовы Фамет, кажется, на этот раз никого не было.

По дороге Берузаимский заговорил об охоте: какая она в этих местах. Алкес засмеялся: заниматься этим делом у него пока, к сожалению, не было возможности, да и вряд ли будет. Колхозные дела, особенно пасека, отнимают слишком много времени. Да и он, по правде говоря, совсем не любитель ходить по лесу с ружьем. Вот его отец, это совсем другое дело. Лучшего охотника, как он слышал от многих, во всем краю было не сыскать. Ничего не поделаешь— наверно, пошел не в отца. Слушая Алкеса, Берузаимский подумал, что в таком случае он, пожалуй, может уступить ружье ему сразу. А это совсем не входило в его планы. И он постарался перевести разговор на другую тему.

Через полчаса они въезжали на улицу райцентра.

— К правлению,— сказал Алкес, нагнувшись к шоферу, и обернулся к Берузаимскому:— Прошу извинить, это на пять минут. Больше я вас не задержу.

У входа в здание правления колхоза стояли два грузовика, одноконная бричка и несколько оседланных лошадей. Около красочно оформленного стенда толпилась группа мужчин. Они разговаривали, размахивая руками. Только один крепкий седовласый человек лет пятидесяти со смуглым небритым лицом стоял чуть поодаль от них, прислонившись к забору.

Берузаимский видел его из оконца. С каким-то мучительным напряжением тот смотрел на их машину. Именно на их машину. Он не мог ошибиться. В одно мгновение ему даже показалось, что человек этот хотел броситься к машине, но огромным усилием он сдерживал себя. Поведение этого странного человека наполнило Берузаимского смутным беспокойством, и он не спускал с него глаз. Теперь человек этот напряженно смотрел куда-то мимо машины, наверное, на двери правления. Потом он вдруг выпрямился и быстро отошел в сторону. Куда— Берузаимский видеть этого не мог. Высунуться из кабины было уже нельзя, потому что в этот момент подошедший Алкес открыл дверцу.

— Поехали,— произнес он веселым голосом, устраиваясь на сиденье.— Часик-полтора можно побыть дома. Светлячок, наверное, уже заждалась. Светлячок — это моя жена,—добавил он, заметив вопросительный взгляд Берузаимского.— Привык называть ее так до женитьбы, так и не отвыкну теперь. Даже перед чужими... Вообще-то ее звать Нафсет. А сына — Тагир, сейчас вы его увидите.

— Очень красивое имя,—сказал Владимир Петрович.—Хотя, наверное, очень редкое. Я такого, например, никогда еще не слышал.

— Возможно,— кивнул головой Алкес.— Мы назвали его так в память о моем отце. Он погиб на фронте. Я совсем его не помню. Мне еще года не было, когда он ушел. Ну, вот мы и приехали.— Алкес открыл дверцу и выпрыгнул из машины.— А ты, Мухтар, можешь ехать домой. Вернешься через час. Ну, Светлячок,— весело произнес он, входя в комнату,— принимай гостей. Человек нашим наследственным ружьем интересуется. А заодно и перекусить нам надо.

— Извините, пожалуйста, за вторжение,— развел руками Владимир Петрович. — Но с вашим мужем не так просто сладить. Я только поинтересовался ружьем, а он, видите, и за стол уже сажать меня хочет. Я лучше зайду как-нибудь в другой раз.

— И не думайте,— сказала Нафсет, приветливо улыбнувшись.— Это еще никому не удавалось. Вы давно живете в наших краях?

— Да уже больше года,— ответил Владимир Петрович.

— Ну, тогда вам должно быть известно, что значит для адыга гость. Вы можете прожить в семье у адыгов несколько дней, и никто из хозяев дома даже не спросит вас о причине вашего приезда!

— Ну, несколько дней я обременять вас не собираюсь,— засмеялся Берузаимский.— У меня имеется свой дом, и совсем недалеко отсюда —в хуторе Навесном. Слышали?

— Ну еще бы,—улыбнулась Нафсет.— Это совсем рядом с Рамбесным. А там живет моя тетя. Она замужем за учителем английского языка Касимовым. Вы его знаете?

— Нет,—Берузаимский покачал головой.— Я ведь раньше жил в соседнем райцентре, а на хуторе всего несколько дней. Недавно купил дом поближе к природе.

— И работать теперь будет у нас,— сказал Алкес, входя в эту минуту в комнату.— Вместе с дядей Капланом.

— Но это мы еще не решили,— шутливо запротестовал Владимир Петрович. И посмотрел на Нафсет.— Ваш муж, кажется, привык решать все слишком быстро.

— Да,— улыбнулась Нафсет,— с ним это бывает. Я еще не успела закончить школу, а он уже решил за меня, что мне ну просто непременно нужно выйти за него замуж!

Говоря это, Нафсет вынула из шифоньера чистый фартук, надела его и, пройдя в соседнюю комнату, стала хлопотать у стола.

Алкес, извинившись, вышел во двор, чтобы позвать сына. Берузаимский, сидя на диване, осматривал комнату. В ней было удивительно чисто и опрятно. Все было просто и разумно. Никаких безделушек и лишних украшений. Единственное, что, пожалуй, не совсем гармонировало с убранством комнаты, это были два портрета в

деревянных рамках, висевших в углу над диваном. Они несомненно были пересняты с небольших фотографий и пересняты довольно неумело,— наверное, переснимал кто-то из местных фотографов. Женщина вышла хуже, а мужчина получился значительно отчетливей. Женщина казалась хрупкой, похожей на девушку. У мужчины были крупные черты лица и сросшиеся на переносице густые брови. Он был молод, не старше двадцати двух—двадцати трех лет. Берузаимский, еще не зная почему, внимательно разглядывал этот портрет. И вдруг он понял почему. Лицо это показалось ему знакомым. Но чем дольше он в него всматривался, тем больше убеждался, что видит его впервые. И в это же время оно кого-то ему напоминало. Кого?

— Вы тут не заскучали один? — сказал в это время Алкес, появляясь в дверях. — Вот мой наследник — Тагир,— он показал на мальчугана лет пяти, которого держал за руку.— Наконец затащил. Светлячок одна с ним уже не справляется. Целый день или на деревьях, или на реке. А вести к столу нужно только силой.

— А я уже кушал,— сказал мальчуган, смотря в окно.— Я уже вот столько кушал,— и провел рукой по горлу.

— Верю,— строго произнес Алкес.— И даже больше, чем так. Но только одни груши. С дерева. Мой руки и садись за стол. Быстро. А то можешь так обессилеть, что и на дерево не влезешь. Ну давай, давай.

— А поедем в лес? Когда ты не будешь работать? — крикнул Тагир, стоя уже около умывальника.

— Ладно, ладно,— улыбнулся Алкес.— Поговорим после еды. Ну как дела у тебя, Светлячок? — спросил он, заглядывая в соседнюю комнату.

— Можете садиться,— сказала Нафсет,— Тагира я покормлю сама. Он вам не даст поговорить.

С момента появления Алкеса с маленьким сыном Берузаимский успокоился. Как это ему сразу не пришло в голову! Сын Алкеса был удивительно похож на мужской портрет, который висел на стене. У самого же Алкеса сходства с этим портретом было гораздо меньше. У него были мелкие и округлые черты лица, как у матери. Но Берузаимский успокоился не до конца. Какое-то тревожное чувство продолжало в нем жить. Ведь отец Алкеса кого-то напомнил ему еще до того, как маленький Тагир появился в комнате. Но кого? Старая, годами про-

веренная зрительная память не могла его обмануть. Занятый этой мыслью, он невпопад отвечал на вопросы Алкеса, который расспрашивал его о том, где и кем он раньше работал. Заметив его поведение, Алкес с некоторым удивлением посмотрел на него, и Берузаимский, извинившись, сказал, что, увидя маленького Тагира, он вспомнил своего сына, который умер от скарлатины в таком же приблизительно возрасте. Алкес из вежливости перестал задавать ему вопросы. Но Владимир Петрович теперь уже сам рассказал ему о работе на Севере на лесоразработках. О том, что, устав и от сурового климата и от тяжелой работы, он приехал сюда на Северный Кавказ, купил домик в соседнем райцентре, немного поработал там в конторе райпотребсоюза, и вот теперь его снова потянуло в лес, на природу. Плотницкое дело он знает неплохо. И предложение Алкеса его вполне устраивает. Но он просил бы, чтобы тот его особенно не торопил. Он хочет сам осмотреться, все взвесить.

Алкес согласился. После завтрака он вынул из шифоньера ружье и показал его гостю. Ружье действительно было отличного качества, с великолепным вороненой стали стволом и насечками ручной работы. И несмотря на то что им, вероятно, давно не пользовались, оно было тщательно протерто и смазано маслом. Берузаимский сказал, что он от ружья в восторге, что оно даже лучше, чем то, которое было у него. Но разговора о продаже пока не начал. По его мнению, дела шли и так неплохо. Знакомство с главным агрономом налаживалось неожиданно легко и быстро.

Когда они садились в машину, которая уже стояла около дома, он даже предложил Хаджинарокову как-нибудь вместе с женой посетить его дом. Алкес ничего не обещал, но и не отказался.

— Заедем еще раз на минутку в правление,— сказал Хаджинароков, усаживаясь рядом с шофером.

В правлении он задержался еще меньше, чем в прошлый раз, и, вернувшись, сказал:

— Ну, а теперь я в лес. На пасеку. Подброшу вас, кстати, к самому дому. Похоже, что скоро может начаться дождь.

Берузаимский хотел поблагодарить, но только кивнул головой: прямо напротив выхода из правления на том же самом месте, что и в прошлый раз, он снова увидел того же небритого человека с темным лицом и сросшими-

ся на переносице бровями. Теперь он совершенно ясно заметил, что человек этот смотрел на машину, в которой они сидели. Владимиру Петровичу опять показалось, что человек этот снова хочет броситься к ней. Но это длилось только одно мгновение. Человек, как и в прошлый раз, резко повернулся и быстро зашагал прочь, низко опустив голову и спотыкаясь, словно слепой.

Хаджинароков, кажется, ничего этого не заметил. Но Владимира Петровича на мгновение охватило острое чувство тревоги. Больше всего на свете он не любил непонятное. Что все это могло значить? И тут его осенило. Так вот кого напомнил ему портрет, висевший в комнате Хаджинарокова. Это лицо. Именно это лицо. Но кто был все-таки этот человек? Родственник Хаджинарокова? Ведь отец его погиб. Может быть, брат отца? Дядя Алкеса? Но тогда почему он так странно вел себя? Почему не подошел к машине? Впрочем, мало ли какие отношения могут складываться у людей, даже если они и являются близкими родственниками! А могло быть и другое. К лицам коренных жителей Владимир Петрович еще не достаточно привык. И, как это часто бывает в подобных обстоятельствах, многие из них кажутся ему похожими одно на другое. Но тогда почему так странно вел себя этот человек?

Владимир Петрович, задумавшись, снова, кажется, отвечал невпопад на вопросы Хаджинарокова, который расспрашивал, как нравится ему их край, доволен ли он, что приехал именно сюда. Хаджинароков, уловив рассеянность Владимира Петровича, снова приписал это воспоминаниям об умершем ребенке.

Снова встрепенувшись, Берузаимский сказал, что здесь ему очень нравится и он нисколько не жалеет, что обосновался в этом крае. Вообще-то он родился в Таджикии, а на Север попал после войны, хотел подработать побольше денег. Денег заработал достаточно, стажа теперь тоже хватает. Вот только со здоровьем стало не совсем хорошо. Три года войны. Это что-то, да значит. И ощущаешь их только теперь, когда уже за пятьдесят.

— Война — это страшная штука. Пусть ее никогда не будет, — заключил он. — Вы тоже вот достаточно пострадали. Потеряли отца.

— Да, и мать тоже,— тихо сказал Хаджинароков.— Ведь она, как говорят, не перенесла известия о его смерти.

— А вам точно известно, что отец погиб? — спросил Владимир Петрович.— Знаете, бывают такие недоразумения.

— Так где ж тогда ему быть? — пожал плечами Хаджинароков. — Ведь он, говорят, мать любил не меньше, чем она его. Нет, к сожалению, это все более чем точно. И похоронная пришла, да и есть еще более веские доказательства.

— Какие же именно? — полюбопытствовал Владимир Петрович.

— Есть человек, который видел его гибель. Его лучший друг Джамбот Джабаев. Это тот самый новый лесник, о котором мы вам с дядей Капланом говорили. Он был танкист, горел в танке и видел, как мой отец бросился с гранатами под вражескую машину. Его разорвало почти на его глазах.

— Знаете,— сказал Владимир Петрович,— бой есть бой, в горячке можно и ошибиться. Впрочем, если такое свидетельство... У него никого не осталось, кроме вас? Братьев у него не было?

— Был один,— теперь уже рассеянно ответил Алкес, думая о чем-то своем. — Да они с ним не общались. Жил он как-то не так, как надо было жить, по мнению отца. Давно отсюда уехал. Даже не знаю, жив он или нет.

— И они были похожи друг на друга? — С явным интересом спросил Берузаимский.

— Говорят, да,— снова думая о своем, ответил он.— Говорят. Сам я его не видел.

— А как вы думаете, если бы он вдруг приехал, то заглянул бы к вам?

— Вообще-то не знаю,— нехотя ответил он.— Слышал, будто бы его за что-то посадили. Отец мой, как видно, оказался прав. Но если и попадет в наши края, наверное, все-таки зайдет. Хотя и нелегко это ему будет.

«Так вот, дорогой Алкес, он уже приехал»,— хотел сказать Берузаимский, но не сказал, а только с облегчением откинулся на спинку сиденья. Кажется, он разгадал загадку, которая мучила его эти последние полтора часа. Неразгаданных загадок он не любил. Они были хуже, чем явная опасность. Потому что к ним нельзя было приготовиться.

Пока Берузаимский был доволен собой. Все складыва-

лось согласно разработанному им плану. Год акклиматизации прошел спокойно. Он прочно вросся в окружающую его среду. Его уже считали в этих местах старожилом. И теперь, когда наступало время действий, пока не активных, а просто действий, все развивалось вполне успешно. Знакомства, которые он установил за последние дни, в свое время сыграют роль. Те, кто за перевалом строили корпус, и не подозревали, что за их работой уже установлено самое пристальное наблюдение. Пройдет еще год, и все, что будет происходить на нем, все, вплоть до малейших ритмов его жизни, будет фиксироваться так же точно и неотвратимо, как фиксировался сегодня график строительства в организации, которая его осуществляла.

Берузаимский любил операции, развивавшиеся неторопливо, но верно. Где-то он считал себя в этой области классиком и даже слегка надеялся, что когда-нибудь у него будет время для создания капитального и чрезвычайно назидательного труда, на котором будут учиться те, кто придет ему на смену.

А пока он был только доволен собой. Просто доволен.

Единственно, что волновало его в последнее время, это угроза превращения двусторонней связи в одностороннюю. Это значило, обладая слухом, оставаться немым. Непредвиденный случай в лесу — встреча со старым лесником, который случайно обнаружил его тайник под дубом, чуть было не поставил на грань катастрофы все, что создавалось им с таким упорством и таким терпением.

Трижды условным словом он оповещал центр, что связь его с ним вот-вот будет прервана, да и там, по затухающим сигналам его передатчика, отлично это понимали. На второй день он получил сигнал, который должен был означать — «ждите». И он ждал. Ждал, не переставая оплетать все новыми и новыми знакомствами район постройки нового аэродрома. Спустя несколько дней, соблюдая, как обычно, десятки предосторожностей, он заглянул в тайник — не в те два временных, что находились в лесу, а в другой, расположенный в районе райцентра. Дни шли за днями. Тайник был пуст. Тогда, направляясь на пасеку, он проверил второе запасное место в лесу. Но и в нем ничего не было. И вот наконец сегодня, когда он возвращался от Джаримокова, его

пальцы нащупали во влажной темноте скрытой в кустарнике брошенной норки то, что он так долго ждал. Маленький металлический ящичек. Батарейки для микропередатчика, которым в сложившихся обстоятельствах не было цены. Теперь он снова обретал полное спокойствие. У него была связь.

Кроме того, должен быть еще помощник. И, вполне возможно, не один. Хотя Берузаимский всегда предпочитал работать в одиночку, на этот раз он не собирался отказываться от помощников. Хотя бы временно. Но прежде ему предстояло установить, что они собой представляют. По опыту он знал, подготовляемые к забросу казавшиеся при подготовке твердыми и находчивыми здесь, на месте, оказывались никуда не годными. Но у него был достаточно наметанный глаз. Если не подойдут...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тагир сидел в ресторане за крайним столиком у окна. Отсюда ему был виден весь полупустой зал. А за стеклом, по которому бежали тонкие извилистые струйки дождя, улица с торопливо проходящими прохожими.

Вообще-то он не должен был находиться в этом ресторане. Больше того, он не имел никакого права находиться не только в этом городе, но и за десятки километров от него. На этот счет у него имелись самые строжайшие инструкции. Его место было не здесь, а за сотни километров отсюда, на побережье. Но сейчас ему было все равно. Пусть об этом знает тот, под чье начало он послан, пусть знают и те, кто его послал. Пусть об этом станет известно вообще всем. Это его уже совсем не волновало. Разговор с шофером, и все то, что случилось потом, сразу и бесповоротно изменило в его жизни все. Все, чем его заставляли жить последние годы.

Изменило? Вернее, сломало. Ну, а дальше, что дальше!

Он сжал голову ладонями и попытался привести в порядок свои мысли.

Два удара один за другим нанесла ему судьба в первый день пребывания на родной земле. Два удара, которые в обычных условиях он воспринял бы как величайшее счастье, ни с чем не сравнимое счастье обретения сына и самого близкого друга. И это счастье у него

отняли. И он не мог, не имеет права не только обнять этих людей, но даже подойти к ним. Мало того, что они отвергли бы его, — он мог принести им величайшее несчастье и горе.

— Я вас слушаю.

Тагир вздрогнул и поднял голову. Около него стояла официантка в белом переднике и наколке.

— Пожалуйста, лелибж,— сказал он как можно спокойно,— двести граммов водки и какой-нибудь к ней закуски. Водку, если можно, сейчас.

Официантка понимающе кивнула и ушла.

Тагир смотрел в окно. Не потому ли ему было запрещено входить в город и районный центр? Может быть, там было известно, кого он здесь мог встретить? Нет, этого не могло быть. Слишком велик был риск для тех, кто его послал. Его подготовка и заброска стоили немало труда и денег. А деньги они не привыкли бросать на ветер. Это было не в их правилах.

Официантка принесла графинчик водки и закуску. Тагир налил не в рюмку, а в фужер и выпил все одним духом. Расслабляющая теплота разлилась по всему телу. Сразу стало легко и спокойно, и мысли потекли плавно и без скачков. И вдруг он почувствовал, как на глаза его навернулись предательские слезы.

Сын! Много лет назад он держал его на руках. Много лет таким он и видел его в мыслях. Другим представлять он его не мог, потому что сначала думал, а потом уже и убеждал себя в том, что того давно нет в живых. И вдруг — фотография сына на Доске почета! О нем рассказал ему все тот же шофер по дороге в райцентр. Он все еще не верил, что это мог быть Алкес, его Алкес. И когда стоял, неотрывно глядя на фотографию, не верил. Хотел не верить. И не мог. Да, это был он, несомненно он. И все-таки Тагир подошел к стоявшим у правления людям и расспросил их о главном агрономе. И в этот момент на машине приехал он сам. Стройный красивый парень, его сын Алкес. И люди, стоявшие у входа, поздоровались с ним с уважением, как со старшим, хотя некоторым из них он годился в сыновья. Потом Тагир стоял около дома, куда из правления поехал Алкес, видел женщину — его жену, которая встретила его у входа, а во дворе за палисадником бегал смуглый крепкий мальчонка, прыгнувший, после того как его позвали в дом, через забор и помчавшийся с такими

же, как и он, ребятами к реке по дорожке, знакомой Тагиру с раннего детства. И звали его тоже — Тагир.

Все это Тагир видел словно в тумане и, когда Алкес вышел из дома и сел в машину, повернулся и пошел прочь, закрыв глаза, боясь, что может сделать то, чего делать он не имел никакого права. И теперь уже прежде всего — из-за Алкеса, из-за него.

И однако он должен был что-то решать. Долго так продолжаться не могло.

Сейчас он не мог привести в исполнение мысль, которая все решительнее формировалась в его сознании по мере приближения к родной земле. Тогда у него было одно сомнение — Сергей. Предпринимать что-то без его согласия было бы предательством по отношению к этому человеку, вместе с которым они хлебнули горя, какого хватило бы с излишками на десятерых. Сергей где-то здесь, в городе, надо его найти. Сергей уже должен был положить в тайник переданный с ним металлический коробок. Свой Тагир бросил в пропасть. Но Сергей не мог сделать этого. Только после того, как посылка дойдет по назначению, он сможет получить запасные паспорта и, главное, деньги. И часть из них он перешлет Тагиру до востребования. Уж, конечно, Сергей меньше всего подозревал, что Тагир тоже сейчас в городе. Но отыскать его нужно непременно. Так Тагир думал еще несколько часов назад. Теперь, возможно, эта встреча становилась бессмысленной. Даже если их намерения полностью совпали, он не мог, не имел права привести их в жизнь. Сергей должен был идти один и рассказать все. Но только о себе.

А для Тагира такой путь отрезан. Если он пойдет туда, куда должен был пойти, завтра же вокруг его сына ляжет враждебная пустота. Кто будет здороваться с ним так, как здоровались сегодня? Кто подаст ему руку? Кто оставит его на таком большом месте, которое он занял благодаря стольким годам учебы и, наверное, немалого труда? А внук! Не напомнит кто-нибудь и ему через много лет о его деде?

Нет, он просто должен уйти. Уйти, так и не появившись. Сделать то, к чему он был готов с первой же минуты после того, как коснулся родной земли.

Тагир расплатился и вышел на улицу. Дождь перестал, в многочисленных лужицах на асфальте поблески-

вало голубое небо. На углу стояло несколько такси. На мгновение Тагиру пришла в голову мысль взять одно из них, уехать за город, забраться куда-нибудь в камыши и пустить пулю в лоб. Но он тут же отогнал ее от себя: а если после смерти его опознают, что тогда? Ведь все равно станет известно, что он отец Алкеса. Нет, надо придумать что-то другое. Но прежде всего надо найти Сергея. И вдруг он вспомнил. Почтамт! Сергей что-то говорил о нем. Так, на всякий случай. Словно предвидел, что у Тагира что-то могло измениться. И Тагир сразу же повернул на знакомую ему еще с молодости улицу. Но почтамта там не оказалось, старое его здание было давно снесено, а новое находилось в самом центре города. Оно было сооружено из бетона и стекла и все наполнено воздухом и светом. Тагир потолкался у стеклянных окошечек, купил несколько конвертов и сел за столик, делая вид, что пишет письмо, все время следя за входившими в зал людьми. Но Сергея среди них не было.

Тогда он вышел из здания и пошел в парк. До вечера уже было недалеко. У швейцара гостиницы он взял несколько адресов, где можно было переночевать, и сейчас думал, на каком из них остановиться. Лучше где-нибудь подальше от центра. И он пошел вниз к реке.

Он не ошибся в своем выборе. В маленьком домике за невысоким заборчиком жила одинокая старушка. Она привыкла к командированным, которым не хватило места в гостинице и, не расспрашивая его ни о чем, сразу же показала койку в крохотной комнате за печкой.

Утром, расплатившись с хозяйкой, которая опять его ни о чем не спросила, он снова пошел в парк. Он шел туда, потому что свежий воздух и зелень действовали на него как-то умиротворяюще, здесь мысли его становились спокойней. А ведь он до сих пор так и не решил, что делать дальше. И вдруг здесь он и увидел Сергея. Тот сидел на скамейке и просматривал свежую газету. Потом, когда Сергей в свою очередь увидел Тагира, глаза его расширились. Он молча встал и не спеша пошел в тенистую аллею. Спустя некоторое время Тагир последовал за ним.

— В чем дело? — тихо спросил Сергей, приостанавливаясь.— Почему ты здесь?

Тагир обернулся. В этом углу парка было совершенно безлюдно. Рядом в полуокружье кустарника сто-



яла скамейка. Он показал на нее и так же вполголоса сказал:

— Садись. И слушай, и ни в чем меня не переубеждай, я сделаю так, как решил.

И он рассказал все — и о Джамботе, и о встрече с сыном, и о том, какой выход из создавшегося положения он для себя уготовил.

Сергей молча слушал, ни разу не перебив его ни одним словом. И когда Тагир закончил, ответил не сразу.

— Кое в чем ты прав, — наконец сказал он. — Мне вся эта грязь тоже надоела. Но почему надо обязательно так кончать? Мы можем просто порвать с прошлым и начать новую жизнь. Честную жизнь. Может быть, на нас никто не обратит внимания.

— Это хорошо для тебя,— Тагир покачал головой.— Ты можешь рискнуть. А я не имею права. Ты забываешь о сыне. Что будет с ними, если меня все-таки разоблачат? Если меня возьмут, все равно установят мою личность. И потом, — он горько усмехнулся, — имею ли я право на жизнь?.. Пока я скитался за рубежом, подличал и лакействовал, люди здесь вырастили моего сына, дали ему образование, сделали его настоящим челове-

ком. Он горд и счастлив своей жизнью. У него жена, сын, а я, его отец... Нет, Сергей, этот страшный камень всегда будет давить мою душу. А ты поступай, как думаешь...

— Может быть, ты и прав,— снова после небольшой паузы произнес Сергей.— Слишком поздно мы над всем этим задумались. Ну, что ж,— он усмехнулся,— лучше поздно... Но прежде, чем уйти, надо увидеть того, кто должен здесь мною руководить. Иначе он сможет просто продать меня, а нам останется неизвестным. Если я буду знать его в лицо,— он на это не решится. Мы можем пойти вместе.

— Зачем? — Тагир пожал плечами.— В мои планы это не входит.

— Неужели тебе не интересно знать, какому сукиному сыну мы переданы с тобой в новое рабство? Мы можем сделать так, что он тебя не увидит. В условленном месте я нашел от него записку. Сегодня вечером я его увижу. Это недалеко отсюда в переулке у овощного ларька. Я уже проходил мимо. Ты можешь стоять за деревянной решеткой и все видеть. Согласен? А потом решим вместе, что делать дальше.

Тагир неожиданно для себя кивнул. В конце концов один день для него не так уж много значил.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Товарищ полковник,— сказал майор Лаукан Карабетов, входя в кабинет,— обстановка начинает проясняться. Если разрешите, я уже могу кое о чем доложить.

— Садитесь,— полковник кивнул головой на кресло.— Прежде всего о том, что предположения не обманули лейтенанта Арбаняна. Не так ли?

— Совершенно верно, товарищ полковник,— майор сел и положил на стол тонкую голубую папку.— Шофер, живущий в домике у реки, действительно вез незнакомого человека. Описание его тоже совпадает с тем, что дали ученые. Сначала он хотел проехать в горы через мост, потом вдруг изменил решение и отправился вместе с шофером обходным путем через райцентр. Во время разговора с ним он назвался работником дорожного отдела из области. Мы проверили и установили, что ни одного работника этого отдела в наших местах вчера не было.

Шофер сказал, что этот человек расспрашивал его о некоторых лицах. В частности, его заинтересовал Джамбот, а потом главный агроном колхоза Алкес Хаджинароков. Особенно последний. Он несколько раз переспрашивал, не ошибся ли он и точно ли передает имя и фамилию. Два часа назад этот человек был обнаружен, он выходил из кинотеатра после дневного сеанса. Один. Я думаю, товарищ полковник, что брать его рано Если сообщение по радио говорило именно о его прибытии, то он рано или поздно свяжется с тем, кому это передавали. И вообще трудно допустить, чтобы он находился в полном одиночестве.

— Вы правы,— сказал полковник.— Пока трогать его не следует. Но глаз не спускайте с него ни на минуту. Но вот то, что его интересует агроном и лесник... Джамботу под пятьдесят. Алкесу не больше двадцати семи. Допустим, он много лет назад знал Джамбота. Но Алкеса... У него есть родные?

— Мать у него умерла, отец погиб на фронте, он с двух лет воспитывался в детском доме. Есть, правда, еще родной дядя.

— По матери? — спросил полковник.

— По отцу, товарищ полковник. По нашим сведениям, он находится в местах заключения. Мы проверили.

— Ну, и что же?

— Все подтвердилось. Ему осталось отбывать еще год. Крупная недостача в магазине, в котором он работал. Заключенный находится на месте.

— Так,— полковник задумался.— С агрономом вы лично знакомы?

— Приходилось встречаться. Во всяком случае, мы с ним здороваемся.

— Тогда поговорите с ним об его отце. Расспросите о нем, разумеется, просто так, по-дружески. Ни в коем случае не надо его раньше времени травмировать.

— Товарищ полковник,— майор даже приподнялся в кресле,— значит, вы считаете...

— Пока только считаю, но ничего не утверждаю,— полковник приподнял руку, как бы приглашая Карабетова успокоиться.— Однако... Но об этом потом. Было бы хорошо, если бы удалось посмотреть на фотографию его отца. Хотя, если он воспитывался в детдоме, они навряд ли могли у него остаться. На всякий случай, попробуйте. Может быть, что-то сохранилось у знакомых.

— Кто-то из соседей сохранил отцовское ружье,— сказал майор.— Хаджинароков как-то сам говорил мне об этом. Вполне возможно, что осталось не только ружье...

— Вот это вы и проверьте. Но только, еще раз повторяю, сделайте это как можно деликатнее. Простите, что я это несколько раз повторяю, но человек, который вырос без родителей, живет, естественно, только памятью о них... И если вдруг... Ну, да вы сами все понимаете!..

— Я бы хотел, что бы этого «вдруг» не было, товарищ полковник.

— Я тоже,— спокойно ответил полковник.— Но не учитывать самого худшего мы тоже не можем. И тут, я надеюсь, в самое ближайшее время кое-что прояснится настолько, что нам не о чем будет уже гадать. Что касается моих предположений,— тихо добавил он,— то есть еще один факт, который значительно укрепляет эти предположения. Человек, который сопровождал ученых к Голубому камню, назвался Алкесом...

— Вот как,— почти шепотом произнес майор,— тогда... Тогда, кажется, сомневаться в том, что этот человек — отец Хаджинарокова не приходится... Не хотел бы я быть на месте Алкеса!

— Ну этого, наверное, никто бы не хотел. Что касается сомнений, то я пока не расстаюсь и с ними. До тех пор, когда наши предположения не станут абсолютным фактом. Ну, а теперь, как идет выполнение задания номер один? В квадрате пятьдесят семь?

— Завтра утром мы предполагаем иметь все, пока еще, правда, предварительные сведения обо всем, что происходило в этом квадрате в последние дни. На всякий случай установлено прослушивание и всех прилегающих к этому району квадратов. Прежде всего полная проверка радиолюбительской деятельности Касимова. У него мы пока ничего не спрашивали. Если кто-то действительно работал под него и вел передачи от его имени, он может повторить это еще, и не один раз. И тогда не исключена возможность, что за Касеем ведется наблюдение. И посещение Касимова посторонним человеком может вызвать подозрение того, кто это наблюдение ведет. Поэтому мы проводим проверку другим путем.

— Все это правильно,— сказал полковник.— Единственное, чего я опасался, что ведущий передачу покинет эти места и тогда отыскать его снова будет очень нелег-

ко. Однако теперь после появления этого второго Алкеса это навряд ли произойдет. По крайней мере, в ближайшие два-три дня. Пока они не установят между собой контакт. А вот каким образом они его будут устанавливать? Лично? Или через третье лицо? Или просто через тайник? Это нам, к сожалению, неизвестно. И поэтому мы не имеем права терять сейчас ни одного часа.

— Разрешите идти? — Карабетов встал и, наверное, потому, что полковник упомянул о времени, машинально бросил взгляд на часы...

Полковник не успел ответить: приглушенно зазвонил телефон.

— Полковник Смирнов,— сказал он, сняв трубку.— Так, так,— повторил он, подняв глаза от стола, посмотрел на Карабетова, и тому почему-то вдруг показалось, что то, о чем сейчас говорилось по телефону, имело к нему прямое отношение.— Спасибо,— сказал в этот момент полковник.— Продолжайте наблюдение. И, если будет что-то новое, докладывайте немедленно.— Он положил трубку и, теперь уже глядя в окно, сказал: — Сегодня ночью перехвачена новая передача. Опять работа шла под радиолюбителя-коротковолновика. Но теперь уже из квадрата сорок один. Это километрах в ста от места, где велась первая передача. Но направление у обеих передач одно. Зайдите к Алевтине Андреевне, она вам даст точные координаты местности, откуда велась передача. Лейтенант еще не вернулся?

Карабетов еще раз посмотрел на часы.

— Должен быть через час. Если нет — сообщит, что задерживается.

— Отлично. Держите меня в курсе всех событий. Дело, по всей вероятности, должно идти к развязке. Хотелось бы, конечно, именно к той, которая устраивает нас...

* * *

Мотоцикл остановился около большого дома, стоящего на самой окраине хутора. За ним протянулась неширокая дорога, которая изгибалась вниз в ущелье, а потом круто шла вверх и пропадала за гребнем в зелени листвы. Черноволосый высокого роста человек слез с сиденья и, окинув взглядом дом, около которого высоко поднималась в золотистое предвечернее небо телеви-

зионная антенна, потом перевел взгляд на столбы с туго натянутыми на них проводами электрической и радиотрансляционной линий. Постояв так с минуту, он шагнул к калитке и слегка постучал в нее. Из дверей показалась женщина средних лет.

— Добрый вечер,— сказал приехавший,— это у вас что-то случилось с электричеством?

— Сегодня с утра... А вы монтер,— она посмотрела на притороченные к заднему сиденью металлические кошки.— Заметила, когда холодильник перестал работать... Это, наверное, Касимов по дороге в город вызвал. Спасибо ему большое. Заходите...

— Да заходить-то, собственно, незачем,— улыбнулся монтер.— Все должно быть уже в порядке. Попробуйте... Горит?..

Женщина ушла и сейчас же вернулась снова.

— Не знаю, как вас и благодарить. Тут у нас без света, как без рук. Ни телевизора, ни радио. А когда в доме еще больной...

— Ну, вам к больным не привыкать,— сказал монтер, вынимая из сумки какую-то книжку.— Вы же врач...

— Врач,— с некоторым удивлением подтвердила женщина.— А вы откуда знаете?

— Прежде чем приступить к работе, должен же был я узнать, кого обслуживаю,— улыбнулся монтер,— вот в поселковом Совете в книжку и заглянул. И что у вас, кто-то серьезно болен?

— У меня нет. Слава богу, муж, сын и я пока не болеем. А вот у соседа Касимова, он учитель, у него жена сердечница. Бывают приступы. Не часто, но бывают. И представьте, если без света — вливание и то как следует не сделаешь.

— Пожалуйста, распишитесь, что все в порядке,— монтер протянул ей книжку.— Только ручку, не знаю, куда дел... Похоже, что выпала...

— Да вы заходите в дом,— женщина широко открыла калитку.

— А что у вас это часто бывает? — спросил монтер, входя за ней в комнату.

— Не так уж чтобы очень...

— Ваша фамилия Задорожняя? А ваш сосед дома?

— Уехал на три дня в область по школьным делам. Очень не хотел оставлять Зульфию, но я его уговорила, ничего опасного уже нет, а у меня как раз несколько дней

отгула,— ответила Задорожняя, придвигая к себе книжку.— Я ей недавно сделала вливание. Лучше ее не беспокоить.

— Ну что вы, конечно, не надо. Вашей подписи достаточно. И давно это с ней?

— Третьего дня, поздно вечером начался приступ. К утру отпустило. Но нужен покой.

— Безусловно. Простите, но я почему интересуюсь... У матери одной моей знакомой тоже иногда сердце пошаливает. И вот говорят, будто такие приступы всегда бывают в одно и то же время. Это правда?..

— Никакой закономерности здесь нет, приступ зависит от многих причин. Утомляемость, нервное состояние. У Зульфии, жены Касима, последний приступ начался ровно в половине одиннадцатого.

— Ну, уж ровно! — усомнился монтер.— Вы так хорошо запомнили?..

— Запомнила, потому что слушала последние известия. И только сообщили сводку погоды, как в стенку постучал Касей. Я уже знаю, что означает такой стук. Взяла шприц, коробку с медикаментами и туда...

— И долго он длится, такой приступ?

— Когда как. Главное, успеть вовремя с медицинской помощью. Между половинами дома у нас глухая стена, но Касим попросил разрешения прорубить в коридоре дверь, чтоб в непогоду мне не бежать вокруг дома. Третьего дня пришлось повозиться! Часика полтора ее, бедную, не отпускало!

— Значит, до самой полуночи. И вы все время были около нее?

— Где же вы это видели, чтобы врач бросил больную, пока ей не станет лучше? Конечно, была при ней. И Касим тут же. И даже муж мой поднялся.— Она вдруг замолчала и пристально посмотрела на него.— Однако вас, кажется, не столько интересует электричество, сколько медицина?..

— Вы правы,— спокойно ответил монтер.— По крайней мере, после того, как электрическая линия восстановлена. У вас, у медиков, существуют врачебные тайны. Будем считать, что свои тайны имеются и у электромонтеров. Первый приступ с женой Касимова случился третьего дня, то есть двадцатого числа, в двадцать два часа тридцать минут. Вы не ошибаетесь ни в дате, ни во времени? Все точно?

— Совершенно точно,— ответила Задорожняя.— И могу подтвердить это где угодно и когда угодно.

— Отлично. И что же, в течение этих полутора часов Касимов все время был у вас на виду? Две-три минуты, разумеется, во внимание можно не принимать.

— Никаких двух-трех минут и не было. Эти полтора часа мы все время были вместе, если я выходила на несколько секунд на свою половину, то муж мой все время оставался с Касимовым в комнате.

— Касимов, кажется, радиолюбитель. За это время его никто не вызывал по приемнику?

— Часа за два до того, как с Зульфией произошел приступ, он, по-моему, вел с кем-то разговор. Я слышала это через стену. А вот когда мы были в комнате — нет. До этого ли ему тогда было!

— Большое спасибо,— монтер закрыл книжку, в которой Задорожняя уже поставила свою подпись.— Вы меня очень обрадовали.

Она внимательно посмотрела на него.

— Что-то не совсем понимаю.

— Когда-нибудь поймете... Точнее — скоро поймете. Хочу только просить вас, чтобы в течение нескольких дней этот разговор оставался между нами. Потом, если разрешите, я еще раз зайду к вам, проверю проводку и тогда, возможно, объясню, почему у электромонтеров тоже бывают свои профессиональные тайны.

— Хорошо,— серьезно ответила она,— я вам это обещаю. До свидания.— Она проводила его до калитки.— Да, а если у нас еще раз что-то случится со светом, придет другой монтер?

Он потрогал, плотно ли держатся кошки, перекинул ногу через сиденье и включил стартер.

— Пусть лучше не случается. Кроме того, я же обещал, что зайду еще раз. Все равно, будет гореть свет или нет. До свидания.

Задорожняя смотрела ему вслед, пока он не пропал за гребнем горы в глубокой балке, по которой проходила дорога в соседний хутор. Наверное, что-то случилось с электричеством и там, так как монтеру надо было возвращаться в противоположном направлении.

Мотоциклист проехал ущелье, поднялся по крутому склону и, дав полный газ, помчался теперь уже по прямой дороге. Когда впереди показались потонувшие в зелени первые домики хутора Навесного, он резко сбавил

скорость и медленно поехал вдоль единственной улицы хутора, которую даже нельзя было назвать улицей, потому что дома на ней были расположены только по одну сторону. В это вечернее время почти все жители были дома — кто возился в саду, кто у открытых дверей хлопотал по хозяйству. Там, где жильцов не было видно, монтер приостанавливал мотоцикл и кричал: «Эй, хозяин, есть кто-нибудь?» Когда кто-нибудь появлялся, он спрашивал, все ли в порядке со светом. Только из двух домиков никто не вышел. Как объяснили соседи, хозяев их не было дома. Один, пенсионер, поехал на пасеку, другие — муж и жена — отправились куда-то поблизости на свадьбу.

Доехав до самого последнего домика и опросив всех, кого только можно было, мотоциклист развернулся и теперь уже на приличной скорости понесся обратно.

В горах сумерки опускаются быстро. Только что ясно была видна уходящая вниз сероватая лента дороги, как вдруг она бесследно растворилась в неведомо откуда нахлынувших в ущелье плотных волнах сумрака. И только крутые изломы гор еще четко вырисовывались на фоне догорающего вечернего неба.

В Рамбесном мотоциклист снова сбавил скорость. У дома, где жил Касимов и Задорожные, весело горел свет, из открытых окон доносились приглушенные звуки музыки.

Пока мотоциклист проезжал хутор, впереди него в десятке километров по асфальтовому шоссе шла грузовая машина. Она остановилась, не доезжая километра до остановки автобуса, сворачивающего на Рамбесный. Из кабины выпрыгнул человек в темном рабочем костюме с небольшой сумкой, перекинутой через плечо, в которой обычно носят инструменты. Дверца кабины захлопнулась, и грузовик, помигав красными глазками огней, пропал в темноте. Человек некоторое время постоял один на дороге, прислушиваясь. Гул мотора грузовика уже почти совсем растворился вдали. Других машин на дороге не было. Человек сошел с обочины и пошел к темневшему в нескольких десятках шагов лесу. Некоторое время он что-то искал в шелестевших ветвях, потом показался снова. Теперь с ним был велосипед. Он сел на него и поехал в сторону Рамбесного. Там, где дорога была слишком крутой, он слезал и вел велосипед в гору, потом снова садился на него.

В балке уже совсем перед хутором навстречу ему с горы спускался мотоцикл. Обдав его ярким светом фар, он промчался мимо.

Человек снова слез с велосипеда и некоторое время смотрел ему вслед. Потом, когда звук его мотора совсем пропал, поехал дальше.

— Фамет, а Фаме... Спасай человека...

За штакетом показалась круглая фигура тетушки Фамет.

— А, это вы, Владимир Петрович. Что такое случилось?.. Отчего вас нужно спасать?..

— От жажды. Два часа еду на велосипеде. Забыл во флягу воды налить. Думал, до дому дотяну. Да вспомнил, что у вас вода больно вкусная...

— Ну, уж и вкусная...— Фамет принесла глиняную кружку воды.— Где же это вы были? На пасеке?

— Да, но вот плохо, пасеку переносят в другое место. Теперь уж на велосипеде до нее добираться будет совсем трудно. Надо бы или моторчик приделать или поднатужиться да купить мотоцикл. Вот сейчас кто-то навстречу на мотоцикле промчался — любо смотреть! Да только кто это, не знаете? У нас вроде несколько есть, да только все с люлькой.

— Монтер,— сказала Фамет.— Что-то было со светом. Починил... Да такой молодец, у всех спросил, все ли в порядке.

— А,— успокоенно ответил Берузаимский.— А я-то думаю... Ну спасибо. Вода у вас действительно самая вкусная. И отчего бы это — вроде все из одного колодца берут? Наверное, важно, из чьих рук пить!

— Ну, тогда приезжайте пить почаще,— довольно засмеялась Фамет,— воды хватит. Пейте хоть целый день.

— А может быть, не затруждать себя поездками, а просто как-нибудь попробовать остаться здесь насовсем... А, тетушка Фамет?..

И, оставив ее в полном смущении, поехал дальше и вскоре пропал в темноте.

Не доезжая до своего дома, он еще дважды останавливался, перекидывался несколькими словами с соседями, говорил, как он устал, сколько ему пришлось крутить педали на горной дороге и что теперь это уже не для него. Дома он поставил велосипед и вошел в комнату. Встреча с неизвестным мотоциклистом наполнила его

смутной тревогой. И несмотря на объяснение тетушки Фамет, тревога эта не проходила. Сегодня он рискнул сделать сообщение по радио в последний раз из этого района. Рискнул он только потому, что Касимов выехал из дома. Берузаимский спрятал велосипед в лесу, поехал следом за учителем по направлению к областному центру на первой же остановленной грузовой машине. И потом снова вернулся обратно. Если передача его и была перехвачена, то из того района, где в это время находился Касимов. Самого же Берузаимского никто не видел. Ехал он в это время с пасеки на велосипеде. А велосипед — это не мотоцикл, на нем за два часа сто километров не сделаешь. Да еще в горах. Теперь следующую передачу проведет другой. Один из тех, кто прислан ему в помощники. И в то самое время, когда он, Берузаимский, будет у всех на виду. Возможно, пока обстановка этого и не требовала, но Владимир Петрович привык работать с полной страховкой. Береженого, как говорится, бог бережет...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В овощном ларьке, оказывается, торговали еще и вином, и полноватая смуглолицая продавщица продавала его даже в розлив. Делала она это, наверное, больше для тех, кого знала, но Тагир не то понравился ей, не то внушил с первого взгляда доверие... Она спросила сама, не хочет ли он попробовать свежего, очень хорошего сухого вина. Когда Тагир согласно кивнул головой, она посадила его за перевернутый ящик между ларьком и забором. Дальше находилась решетчатая летняя будка для овощей, которую, наверно, и имел в виду Сергей. Но отрезок улицы, на которой он должен был появиться, был неплохо виден и отсюда, где он сидел. В крайнем случае, можно было встать, если в этом появилась бы необходимость.

Тагир не спеша пил сухое вино, закусывая пирожком, которым тоже обеспечила его хозяйка ларька. Стрелки часов показывали без пяти семь. Еще несколько минут, и у раскидистой липы по ту сторону дороги должен появиться Сергей. А может быть, и тот, другой, о котором никто, в том числе и он, Тагир, не должен был знать. Интересно, кто придет раньше? Впрочем, так ли это интересно. Зачем ему нужен был этот человек?

Сергею другое дело. А может быть, он прав, может быть, нужно действительно просто уйти, раствориться в массе людей и начать честную жизнь? Тагир усмехнулся. И каждый день к чему-то прислушиваться, ждать стука в дверь, приглядываться к людям на улице. И думать не столько о себе, сколько о других, до боли в сердце родных людях. Нет, это не для него.

И тут он увидел Сергея. Тот подошел к дереву и стал рассматривать прикрепленное к его стволу какое-то объявление. Почти тотчас же в двух шагах от него остановилась голубая «Волга» с черными шашечками. Дверца открылась, и из нее вышел человек. Тагир неожиданно вздрогнул и поставил стакан на ящик. Человек медленно шел по тротуару. Тагир не спускал с него глаз. Тот дошел до столба, у которого стоял Сергей, и остановился, как будто заинтересовавшись тем же объявлением.

Теперь Тагир видел его особенно ясно. Кровь толчками ударила в голову. На мгновение перехватило дыхание. Тагир машинально привстал, но потом взял себя в руки и заставил опуститься на место.

Да, это был он! Тагир узнал бы его из тысячи, нет, из миллиона, из многих миллионов людей! И никогда бы ни за что не ошибся. Здесь не только двадцать, но и сорок лет не могли бы ничего изменить. Но почему он здесь? Спустя столько времени! Это казалось настолько невероятным, что Тагир уже готов был поверить, что ошибся. Но лишь только до того времени, как человек, стоявший рядом с Сергеем, открыв дверцу, снова не сел в машину. Сколько раз Тагир видел из-за колючей проволоки, как вот так же неловко он подворачивал под себя ногу, когда взбирался на сиденье своего «оппеля»! Тагир хотел встать. В этот момент такси сдвинулось с места. Сергея на улице не было. Значит, он с ним уехал. Вместе с ним. Но это было почти невероятно! Можно ли верить тому, что он здесь увидал?

Тагир вышел из-за ларька. Голубая «Волга» была уже в конце улицы. В следующую минуту она исчезла за поворотом.

Забыв о том, что ему нужно ждать Сергея, Тагир шел по улице, не отдавая себе отчета, куда он идет. Очнулся он только у входа в парк. Почти машинально прошел на ту же аллею, где они сидели с Сергеем, и сел на знакомую скамейку.

Так неужели же это был он, тот самый, который до-

бил Хасана? Тот самый, от которого когда-то зависела и жизнь Тагира, и жизни тысяч таких же, как он? Тагир снова вспомнил все: бараки за колючей проволокой, медленно бредущие по чисто выметенному плацу скелеты в рваном тряпье. Туда отправляли тех, кто ни на что уже не был годен. А оттуда возврата не было. Остальные молча стояли в рядах и, сжав кулаки, молчали. Эти спектакли с торжественными проводами на тот свет устраивали специально для тех, чья очередь еще не наступила. Оркестр играл веселые мелодии, и все должны были подпевать: и те, кто шел в газовые камеры, и те, кто пока еще оставался жить. И если человек в черном эсэсовском мундире замечал, что у кого-то недостаточно энергично открывался рот... Нет, лучше об этом не вспоминать!

Да, этого человека Тагир запомнил на всю жизнь. Это был тот самый переводчик, что приезжал в лагерь вместе с комендантом на его иссиня-черном «оппеле» и мог молча стоять часами, расставив ноги и заложив за спину руки, наблюдая немигающими глазами за работой пленных. И каждый знал: если он здесь, жди нового, еще более страшного издевательства. Человек этот пользовался правами значительно большими, чем простой переводчик. Иногда на вечернем построении он разглагольствовал о том, что вернет каждого из них для их же блага в первозданное состояние и уж потом на чистом месте заново сделает из них людей. Русским языком он владел в совершенстве, но Тагир никак не хотел допустить мысль, что этот человек мог родиться и жить на одной земле с ним. Наверное, никогда и никого Тагир ненавидел так люто и непримиримо. Лежа ночами на грязной свалявшейся соломе, он придумывал для него самые страшные наказания. Но наступающий день не приносил ничего, кроме все более усиливающейся ненависти. Потом Тагиру чудом удалось бежать, но он никогда не забывал о нем. Ненависть к нему жила несмотря на то, что в другом лагере мало что изменилось. Наверное, каждый из оставшихся в живых мечтал встретиться когда-нибудь с этим небольшого роста желтоволосым человеком и рассчитаться за прошлое. Но таких, оставшихся в живых, было мало.

И вот теперь... Человек, когда-то носивший фамилию Лохвицкий и звание, которое никто из заключенных лагеря никак не мог точно определить. Тагир помнил: в лагере для перемещенных американцы не один раз говорили

им, что люди, подобные Лохвицкому, не ушли от возмездия и получили сполна все, чего заслужили. За годы скитаний по различным странам, которые не принесли ему ничего, кроме унижений, Тагир видел: нет, далеко не все получали то, что заслужили они во время страшной войны. Но чтобы среди них мог находиться такой преступник, как Лохвицкий? Неужели этот человек отделался только тем, что переменил хозяев?

И тут он понял, почему он не имел права оставаться в этом районе. Те, кто его послал, были отлично осведомлены, в каком лагере и когда он находился. Им было известно и прошлое Лохвицкого, и его «деятельность» в лагере. И поэтому он, Тагир, не должен был с ним встречаться. Другое дело Сергей — ведь он не знал, кто к нему придет.

Тагир вздрогнул и поднял голову. К скамейке, на которой он сидел, шел Сергей.

— Что случилось? — спросил он с тревогой в голосе.— Почему ты ушел? Хорошо, я догадался, что ты можешь быть здесь!

— Садись,— сказал Тагир.— В машине был тот самый человек, с которым ты должен был встретиться?

— Да, завтра он назначил мне встречу снова, на дороге за хутором. Слушай, Тагир, я должен тебе сказать...

— Подожди,— глухо произнес Тагир.— Сначала скажу я.

И он рассказал все, все, что знал об этом человеке.

— Не может быть,— тихо сказал Сергей, когда он закончил.— Ты в этом уверен?

— Говорю тебе — это он. Постаревший, немного изменивший свой облик, но он. Совпадают даже особые приметы. Ты можешь уходить, как решил, Сергей. Это твое дело. Но я останусь. Я когда-то страшной клятвой поклялся, что, если когда-нибудь встречу этого человека, он не уйдет от меня! Я должен рассчитаться с ним своими руками... Те, кто погиб в лагере, не должны остаться неотомщенными. А ты иди — начинай... другую жизнь.

— То, что ты сказал, многое меняет.— Сергей повернул к нему потемневшее лицо.— Я останусь с тобой. В конце концов должен же я хотя бы с одним из них тоже сполна расплатиться за свое прошлое! А потом пойду, куда надо, и все выложу. Получу, что положено, и начну жить по-человечески. С меня хватит!.. Но раньше я дол-

жен кое-что тебе сказать. Этот подонок делает какую-то ставку на главного агронома колхоза. Подожди, не волнуйся, я же знаю, ты подозреваешь, что это твой сын.

— Я не подозреваю, Сергей, я твердо знаю. Это мой сын — Алкес. И если эта мразь замахнется еще и на него...

— Пока, как мне кажется, его жизни никакая опасность не угрожает. Как я понял, он думает использовать знакомство с ним для переброски рации на другое место. Он полагает, что машину главного агронома вряд ли кто будет осматривать, если кому-то что-то покажется... Завтра он будет ехать в лес вместе с агрономом на грузовике и по дороге будто случайно, прихватит меня.

— Так,— с ненавистью произнес Тагир.— Значит, он хочет испачкать и Алкеса? Но на этот раз он получит все сполна. Какое задание ты должен выполнить?

— Еще не знаю. Возможно, он сообщит мне о нем завтра.

— Хорошо,— сказал Тагир.— Завтра я пойду с тобой. О том, что будем делать дальше, договоримся. По дороге в лес.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Полковник Смирнов внимательно рассматривал лежавшие перед ним на столе фотографии. Потом отодвинул их от себя и посмотрел на сидевшего напротив Лаукана.

— Ну что ж, майор, я думаю, экспертиза излишня. И так все ясно. Или у вас имеются какие-то сомнения на этот счет?

— Нет, товарищ полковник, никаких сомнений у меня нет. Это Тагир — отец Алкеса. Единственное, что для меня непонятно, каким образом он рассчитывал остаться неизвестным, вернувшись в края, где он родился? А если у него не было намерений остаться неизвестным, почему он сразу не явился к сыну или не пришел к нам?

— Возможно, он только здесь и узнал о сыне. Ведь когда его призвали в армию, Алкесу было около года. Жена вскоре умерла, и Алкес воспитывался в детдоме. Он был эвакуирован в Дагестан. Скорее всего, Та-

гир Хаджинароков ничего не знал о судьбе сына и тогда, когда попал на родную землю. Прежде всего, естественно, он попытался узнать о нем. Но вряд ли те, кто его послал, могли одобрить эти поиски. Впрочем, возможно, там об Алксесе ничего не знали. Ведь у каждой разведки есть предел осведомленности, а сам Тагир мог думать, что сына его давно нет в живых. Но уже то, что сам он пошел на его поиски, говорит о многом. Ну а этот, второй?

— Вот его фото,— майор положил на стол несколько новых фотографий.— Личность его выясняется. После встречи с Тагиром в парке за ним установлено наблюдение. Судя по всему, завтра они должны встретиться.

— Так,— полковник внимательно рассматривал фотографии.— Как вы сами понимаете, главное, чтобы они раньше времени ничего не заподозрили. Иначе можно спугнуть основную фигуру. Передачи по радио больше не повторялись?

— Нет, товарищ полковник. Но то, что под именем Касея работал кто-то другой, полностью подтвердилось. Касей в тот вечер действительно вел передачу только один раз, у него заболела жена. С ней произошел сильный сердечный приступ. Тот, кто вышел в этот момент в эфир от его имени, сделал первый просчет. Впрочем, он не мог знать, что тогда происходило в доме. Возможно, ему было известно, что во второй его половине живет врач, но что она может пройти в половину Касимовых прямо в дверь, не выходя во двор, ему это вряд ли было известно. Одно он знал точно — в квартиру Касимовых никто не заходил. Они были одни. Что касается второй передачи из сорок первого квадрата, то тут дело обстоит сложнее. По-видимому, за Касимовым следили и теперь уже безошибочно воспользовались его отъездом. Один вывод уже можно сделать почти точно — нужный нам человек, по всей вероятности резидент, находится сейчас в том же районе, где Тагир и его приятель. И почти несомненно, что или они оба или кто-то один из них должен в свою очередь встретиться с этим резидентом. Возможно, эта встреча будет очень коротка, и мы не должны ее упустить. Если же встреча эта не произойдет, дело несколько осложнится.

— Я тоже уверен, что они встретятся,— сказал полковник.— Брать надо всех вместе, и только живыми.— Полковник неожиданно встал и прошелся по комнате, по-

том остановился у окна и посмотрел на улицу.— Я все время думаю об Алкесе. Быть на его месте... Когда он все узнает!..

— А если не ставить его ни о чем в известность? Во всяком случае, до того, пока не кончится следствие?

— Я тоже об этом думал, — полковник все еще смотрел в окно.— Но если явится необходимость вызвать его? Во всяком случае, я буду просить...— Он помолчал.— Ну ладно, об этом потом. Можете идти, товарищ майор, приготовиться к последней фазе операции. Я думаю, она идет к концу. Но если вдруг произойдет что-то непредвиденное, ставьте меня в известность в любой час, в любую минуту.

Карабетов вышел на улицу. Был вечер. На город опускалась прохлада. Кажется, за последний месяц он впервые так рано возвращался домой. Можно было ехать автобусом, но он решил идти пешком, решил, наверное, еще потому, что увидел впереди фигуру Арбаняна. Он окликнул его. Лейтенант остановился. На мгновение майору показалось, что на лице Арбаняна промелькнула тень досады. Но она прошла так быстро, что Карабетов решил, что это ему только показалось.

— Домой? — спросил майор.— И тоже пешком?

— Да, уж воздух больно хорош,— ответил лейтенант.— Решил сходить в кино.

Пошли вместе. Никто из них не заводил разговора о деле, которое занимало все их время до последней минуты. Они всегда поступали так, когда все становилось ясным, все было учтено и взвешено до малейших деталей. Когда время слов и логических выкладок кончалось, приходила короткая пауза, после которой наступало время действовать.

— Послушайте,— сказал майор, когда они дошли до угла, где ему предстояло повернуть налево.— Я все хотел вам сказать... Вы проявляете заботу о моей дочери больше, чем я сам, ее отец. Мне сказали, что вы несколько раз провожали ее в музыкальную школу. Я, конечно, вам очень благодарен, но, право же, мне неудобно.

— Пустяки,— улыбнулся лейтенант.— Просто мне по дороге.

— По дороге? — переспросил майор.— Насколько я знаю, вы живете в другой стороне. Или успели сменить квартиру?

— Дорога, это не только путь от дома и не только домой,— засмеялся Арбанян.— Бывает, что и круговые пути оказываются самыми удобными. Да, а ведь знаете,— вдруг ушел он от ответа,— у дочери Джамбота действительно оказался природный голос. Ее обещали непременно принять на вечернее отделение.

— У вас, кажется, отличные связи в музыкальной школе? — заметил майор, внимательно разглядывая лицо лейтенанта.— Если моя Саида начнет неуспевать, придется, видимо, обратиться к вам...

— Я думаю, этого не случится,— спокойно ответил лейтенант,— у нее вполне хватит своих способностей.

— Вот как, от кого же это вам известно?

— От Ираиды Ивановны,— так же спокойно ответил Арбанян и посмотрел на часы.— Простите, товарищ майор, до начала сеанса осталось десять минут, а у меня два билета...

Лейтенант попрощался и ушел. Майор посмотрел ему вслед и усмехнулся. Кажется, он работал не на своем месте. Оказывается, ему не хватало наблюдательности. Элементарной наблюдательности. Ну что ж, когда-нибудь он, наверное, избавится от этого недостатка. И научится не упускать из того, что происходило вокруг него, ни одной мелочи, даже если она и не имеет никакого отношения к его работе...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тагир и Сергей сидели на траве в тени раскидистого ореха. В нескольких метрах внизу по крутому склону лежала лоснящаяся лента шоссе. По ней изредка проносились грузовые машины. Когда их не было, вокруг стояла тишина, только изредка в листве деревьев пересвистывались птицы. Тагир, заложив ладони под затылок, лег на землю. Зеленая листва вверху закрыла голубое небо. Она нависала над ним мягким шелковистым шатром. Вот так в детстве любил он лежа смотреть в далекое небо сквозь завесу листвы и мечтать. О будущем. Каким оно будет и для всех, кто его окружал, и для самого Тагира? Но никакая фантазия не могла тогда подсказать ему, что сюда, на свою родную землю, придет он врагом всего того, что любил и без чего не мог когда-

то жить. Да, садист Лохвицкий своего добился. Голод и ежедневные изощренные издевательства действительно на время вырвали из Тагира все, чем он жил в прошлом... А потом бесправное положение перемещенного лица, снова голод, снова унижения. И только здесь, на родной земле, воровски заброшенный на нее, он за столько лет снова почувствовал себя человеком.

Если бы не Алкес, он теперь давно бы уже пошел и все рассказал о себе, сбросил с души камень, который столько лет лежал на ней и давил ее нестерпимым грузом. А теперь другое — Лохвицкий. Окровавленное лицо Хасана... Все это время оно теперь неотступно стояло перед ним. И будет стоять, пока он не отомстит за него. Что бы ни было — он сдержит свою клятву!..

В этот момент Сергей сел и посмотрел на часы.

— Приготовься, скоро должна появиться машина. Значит, так... Когда она останавливается, подхожу я, и в этот момент из леса выходишь ты. Он не сможет тебя не взять.

— Почему он? — Тагир плотно прикрыл веки.— Там будет мой сын.

— Алкес будет находиться в кабине с шофером, а он в кузове.

— Разве это не «газик»?

— Тагир,— с беспокойством сказал Сергей,— ты ничего не слышал! Я же сказал: они будут ехать на грузовике, на ЗИСе. Возьми себя в руки. Так нельзя, ты можешь все испортить! Тебе ни в коем случае нельзя подходить к кабине, ты сядешь сзади в кузов вместе со мной. Потом слезешь, сразу же после того, как слезем мы, и пойдешь следом за нами. Так, чтобы он этого не заметил. Потом уже станет ясно, что ему от меня надо. Там втроем мы и закончим разговор.

— Ладно,— тихо произнес Тагир,— я все понял. Не бойся, этот последний раз я выдержу. Как ты узнаешь машину?

— На повороте он встанет. На нем будет красноватое кепи. Предоставь это мне, я не ошибусь.

— Хорошо.— Тагир вдруг ощутил какую-то странную вялость. Он старался не думать о том, что через несколько минут будет сидеть в машине вместе с Алкесом. Он старался сейчас вообще ни о чем не думать. Но в этот момент из тумана прошлого перед ним снова выплыл образ Хасана. Изувеченный, окровавленный, он смотрел на

него в упор. Губы его шептали: «Тагир, передай, передай...»

Оборвав мысли Тагира, внизу по дороге пронеслась «Волга». Только она исчезла за поворотом, как Сергей встал. Тагир открыл глаза и сел. Справа из-за нависавшей над дорогой скалы показался грузовик. В кузове, положив обе руки на кабину, стоял человек. Сергей сбежал вниз на дорогу, сделав знак Тагиру, чтобы он приготовился. Тагир стоял за деревьями и смотрел на поднявшего руку Сергея. Сейчас это должно совершиться. Он сядет в машину, где находится его сын и другой человек, которого он долго и непримиримо ненавидел. И снова что-то сдавило его горло. Но он уже шел вниз к дороге: машина остановилась около Сергея.

На мгновение Тагир встретился взглядом со стоявшим в кузове человеком. В нем была открытая неприязнь. Но он его не узнал, конечно, не узнал, слишком много таких, как Тагир, прошло через его руки! Но зато у Тагира отпали теперь последние сомнения, и пальцы его машинально сжались, словно ощутив под собой ненавистную тонкую шею с далеко выступившим острым кадыком. Сергей, взявшись руками за борт, влезал уже в кузов.

— А вам что нужно?

Тагир снова встретился с тем же неприязненным взглядом.

— Мне до лесопункта, довезите, пожалуйста...— произнес он заранее заготовленную фразу.

— Мы туда не едем, подождите следующую машину...

— Ну хотя бы до поворота.— Тагир ухватился за борт.— Мне очень нужно.

— В чем дело, Владимир Петрович? — донесся из кабины голос.— Если человеку надо, пусть едет.

Тагир вздрогнул. Голос Алкеса ударил его по самому сердцу. Рывком оттолкнувшись ногой от ската, он запрыгнул в кузов.

Сергей устраивался на пустом ящике в углу около кабины. Тот, второй, все еще стоял, недовольно оглядывая Тагира. Потом, когда машина тронулась, сел тоже на другой ящик.

Машина шла по шоссе. Свистел ветер. Проносились над головой горы, покрытые лесом. Тагир стоял, держась руками за борт и плотно прикрыв глаза. Он боялся открыть их, чтобы не встретиться снова с ненавистным ему

взглядом. Сейчас он даже забыл об Алкесе. То, чего он ждал столько лет, свершилось. Этот человек был рядом. И он находился в его — Тагира — руках. Владимир Петрович? Вот, значит, как его звали теперь...

В этот момент Лохвицкий сказал:

— Садитесь, вылетите из машины, будем потом за вас отвечать. Наедет милиция, разбирайся.

Он заботился о его жизни? О его — Тагира — жизни? Возможно, скажи он что-то другое, все бы произошло иначе. Но Тагир вдруг ощутил, что тиски, в которых он держал себя, вдруг распались. Пьянящая волна ненависти хлынула ему в душу, захватила его, понесла...

И он произнес четко и ясно, ощущая огромное удовлетворение от того, что может наконец это сказать:

— Спасибо, когда-то вы не были так любезны, господин Лохвицкий!..

В следующее мгновение Тагир увидел растерянное лицо Сергея и другое, побледневшее, с прищуренными глазами лицо, откинувшееся, словно от удара. Потом что-то промелькнуло перед ним, и черное дуло пистолета застыло на уровне его живота.

— Прыгайте вниз! — приказал Лохвицкий тихим свистящим шепотом.— Прыгайте, иначе я пристрелю вас здесь, как собаку, а он,— он кивнул на приподнявшегося Сергея,— выбросит ваш труп на дорогу. Ну, живо!..

В это мгновение Сергей рубящим ударом резко опустил ребро ладони на его кисть. С глухим стуком пистолет упал на настил кузова. Тагир, рванувшись вперед, схватил Лохвицкого за острые концы воротника рубахи. «Только бы он не покончил с собой сам! — мелькнула мысль.— Он должен умереть только от моей руки». Почувствовал, как под его пальцами поддалась материя, и в ней, надломившись, слабо хрустнуло тонкое стекло ампулы.

И тут же резкая боль прорезала низ живота. Он качнулся и упал на борт.

Машина резко сбавила скорость. Это спасло его от худшего, но, теряя равновесие, он ощутил, что падает на дорогу. Ударился он об асфальт боком и спиной. Зато боль в животе сразу прошла.

Машина, замедляя ход, прижималась к правой стороне дороги.

Сергея в кузове не было видно, а Лохвицкий, спрыгнув с машины, пригибаясь, бежал теперь по дороге к лесу.

Тагир вскочил на ноги и вырвал из-под мышки пистолет. Но, прежде чем он поймал на прицел ноги Лохвицкого, его закрыла другая фигура.

— Алкес! — надрываясь, крикнул Тагир.— Отойди в сторону, я стреляю!..

Он не видел лица Алкеса, он вообще сейчас ничего не видел, кроме бежавшего к лесу человека.

Человек исчез за деревьями. Что-то обожгло ногу Тагира чуть повыше колена: у Лохвицкого был второй пистолет.

Тагир продолжал бежать. Он все еще ничего не видел, кроме потревоженных впереди ветвей. Он не видел, как впереди него на дороге, круто развернувшись, затормозила «Волга», и три человека, выскочив из нее, тоже побежали к лесу. Только ощутив рядом тяжелое дыхание, он понял, что Сергей бежит рядом. В голове, как и прежде, была одна мысль: догнать, во что бы ни стало догнать Лохвицкого, схватить его руками за горло — пусть оно хрустнет так же, как хрустнула стеклянная ампула с ядом.

В этот момент он снова его увидел. Лохвицкий резко остановился, словно увидел перед собой неодолимое препятствие, и круто свернул в сторону. И тут выскочивший из-за деревьев Тагир навалился на него всей тяжестью тела. Он даже не видел, что чьи-то руки уже крепко держали этого человека, которого он душил, пытаясь прижать к земле.

Его схватили за плечи и поставили на ноги. Только теперь Тагир сквозь красноватую пелену, которая все это время как будто застилала ему глаза, увидел, что происходит вокруг. Лохвицкий тяжело дыша лежал на земле со стянутыми сталью наручников руками. Рядом стояли несколько незнакомых людей в штатском.

И Тагир все понял.

Но он ничего не успел сказать, потому что увидел рядом с собой Алкеса. И, подчиняясь тому необоримому чувству, которое ему удавалось все это время сдерживать, он шагнул к нему и крепко прижал к себе.

— Алкес! — задыхаясь, шептал он сквозь застилавшие глаза слезы. — Сынок, это я — Тагир, твой отец! Прости меня, если можешь, сынок! Прости!

— Чуть не испортили все дело, — с досадой сказал Арбанян майору Карабетову. — Вот уж не думал, что они могут такое сотворить. Ну, а этого,— он показал на Лохвицкого,— придется в машину.

Майор кивнул и повернулся к подходившему полковнику.

— Товарищ полковник, операция завершена. Но непредвиденные обстоятельства.— Он посмотрел в сторону Тагира и Алкеса.— Пришлось кое-что менять на ходу...

— Знаю,— полковник кивнул головой и, видя, что майор собирается обратиться к Тагиру, тихо добавил: — Подождите минутку, пусть поплачут. Теперь они,— он посмотрел на неподвижно стоявшего в стороне Сергея,— уже никуда не уйдут. Вы говорите, непредвиденные обстоятельства? Знаете, я даже рад, что все получилось так! Ну что ж, пойдемте, кажется, теперь нам можно и слегка отдохнуть...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог 3
Глава первая 6
Глава вторая 15
Глава третья 30
Глава четвертая 42
Глава пятая 58
Глава шестая 72
Глава седьмая 86
Глава восьмая 97
Глава девятая 117
Глава десятая 119
Глава одиннадцатая 126
Глава двенадцатая 135
Глава тринадцатая 146
Глава четырнадцатая 155
Глава пятнадцатая 159
Глава шестнадцатая 163
Глава семнадцатая 170
Глава восемнадцатая 181
Глава девятнадцатая 186
Глава двадцатая 195
Глава двадцать первая 199
Глава двадцать вторая 202

Исхак Шумафович Машбаш

ОПЛАКАННЫХ НЕ ЖДУТ

Редактор **Е. Н. Имбовиц.** Художественный редактор **Е. Ф. Николаева.** Технический редактор **И. И. Капитонова.** Корректор **Н. Д. Толстякова.** Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписан в печать 4/IX-72 г. Формат 84×108 1/32. Физ. печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,50. Изд. инд. ЛХ-342. А07782. Тираж 75 000 экз. Цена 49 коп. в переплете. Бумага № 2. Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15. Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ 226.



ОТЛИЧНЫХ НЕ ЖДУТ